

Марк Твен

Похождения Тома Сойера

Приключения Тома Сойера

Марк Твен

Похождения Тома Сойера

«Public Domain»

1876

Твен М.

Похождения Тома Сойера / М. Твен — «Public Domain»,
1876 — (Приключения Тома Сойера)

«Большинство приключений, о которых повествует эта книга, не вымышлены; два-три пережиты мною самим, остальные мальчиками, которые были моими школьными товарищами. Гек Финн списан с натуры; Том Сойер тоже, но не с одного лица; в нем скомбинированы характерные черты трех мальчиков, которых я знал; стало быть, он принадлежит к смешанному стилю архитектуры. Странные суеверия, о которых упоминается в конце, господствовали среди детей и рабов на Западе в эпоху, к которой относится рассказ, то есть тридцать-сорок лет тому назад. Хотя моя книга предназначается главным образом для мальчиков и девочек, но я надеюсь, что это не оттолкнет от нее мужчин и женщин, так как отчасти моим намерением было напомнить в шуточной форме взрослым, какими они были в свое время, что они тогда чувствовали, думали и говорили, какие необычайные предприятия иной раз затевали...»

Содержание

Предисловие автора	6
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	24
Глава VI	27
Глава VII	34
Глава VIII	38
Глава IX	41
Глава X	45
Глава XI	49
Глава XII	52
Глава XIII	55
Глава XIV	59
Глава XV	62
Глава XVI	65
Глава XVII	70
Глава XVIII	72
Глава XIX	77
Глава XX	79
Глава XXI	82
Глава XXII	86
Глава XXIII	88
Глава XXIV	92
Глава XXV	93
Глава XXVI	97
Глава XXVII	102
Глава XXVIII	104
Глава XXIX	106
Глава XXX	110
Глава XXXI	115
Глава XXXII	120
Глава XXXIII	122
Глава XXXIV	127
Глава XXXV	129
Заключение	132

Марк Твен

Похождения Тома Сойера

Предисловие автора

Большинство приключений, о которых повествует эта книга, не вымышлены; два-три пережиты мною самим, остальные мальчиками, которые были моими школьными товарищами. Гек Финн списан с натуры; Том Сойер тоже, но не с одного лица; в нем скомбинированы характерные черты трех мальчиков, которых я знал; стало быть, он принадлежит к смешанному стилю архитектуры.

Странные суеверия, о которых упоминается в конце, господствовали среди детей и рабов на Западе в эпоху, к которой относится рассказ, то есть тридцать-сорок лет тому назад.

Хотя моя книга предназначается главным образом для мальчиков и девочек, но я надеюсь, что это не оттолкнет от нее мужчин и женщин, так как отчасти моим намерением было напомнить в шуточной форме взрослым, какими они были в свое время, что они тогда чувствовали, думали и говорили, какие необычайные предприятия иной раз затевали.

Марк Твен
Гартфорд, 1876

Глава I

Эй, Том! – Тетя Полли поступает по внушению долга. – Том упражняется в музыке. – Вызов. – Через окошко.

– Том!

Ответа не было.

– Том!

Ответа не было.

– Куда подевался этот мальчишка, не постигаю! Том!

Старая леди опустила очки и взглянула поверх них, осматривая комнату, потом приподняла очки и взглянула из-под них. Сквозь очки она редко или никогда не смотрела на такую мелочь, как мальчик, так как это была ее парадная пара, гордость ее сердца, заведенная ради моды, а не для употребления; она с одинаковым успехом могла бы смотреть сквозь пару печных заслонок.

С минуту она озиралась с недоумением, затем сказала без гнева, но достаточно громко, чтобы мебель могла ее слышать:

– Ну, попадись ты мне, я...

Она не закончила, так как в это время нагнулась, чтобы засунуть щетку под кровать, и ей пришлось перевести дух, как бы поставить точку своим усилиям. Она потревожила только кота.

– Никогда мне не сладить с этим мальчишкой.

Она подошла к открытой двери и выглянула в садик, всматриваясь в заросли томатов и дурмана. Тома не было. Тогда она повысила голос в расчете на дальнейшее расстояние и крикнула:

– То-о-ом!

Позади нее послышался легкий шум, и она обернулась как раз вовремя, чтобы поймать за ворот маленького мальчугана и помешать ему удрать.

– Вот ты где! Я и забыла о чулане. Что ты там делал?

– Ничего.

– Ничего?.. Посмотри-ка на свои руки, посмотри на свои губы. Что это такое?

– Не знаю, тетя.

– А я знаю. Это мармелад, вот что это такое. Сколько раз я тебе говорила, что, если ты будешь трогать мармелад, я тебя выдеру. Подай хлыст.

Хлыст взвился в воздухе. Опасность грозила неминуемая.

– Ай!.. Взгляните назад, тетя!

Старая леди повернулась и машинально схватилась за свои юбки, спасая их, а мальчуган моментально задал стрекача, вскарабкался на высокий забор и исчез за ним. Тетка Полли с минуту стояла в недоумении, а затем благодушно рассмеялась.

– Пора бы мне знать этого негодного мальчишку. Сколько уж раз он устраивал такие же штуки, чтобы отвлечь от себя мое внимание. Но старые дураки неисправимы. Старую собаку не выучишь новым штукам, говорит пословица. И то сказать, ведь он каждый раз выдумывает что-нибудь новое, изволь тут за ним угнаться. Он как будто знает, сколько времени меня можно мучить, прежде чем я рассержусь; знает и то, что если ему удастся рассмешить меня, то его дело в шляпе, и у меня не хватит духу задать ему трепку. Я не исполняю своего долга по отношению к этому мальчику, видит Бог, не исполняю. Кто жалеет розгу, тот губит ребенка, говорит мудрая книга. Я возвращаю грех и погибель для нас обоих, это как Бог свят! В мальчике сидит бес, но как же мне быть-то! Ведь он, бедняжка, сын покойной сестры, и у меня не хватает духу его сечь. Всякий раз, как спущу ему, меня мучает совесть; а как побью, мое старое сердце готово разорваться. Ну, что поделаешь, человек, рожденный женою, краткодневен и насыщен

печальями, говорит Писание, и я думаю, так оно и есть. Сегодня вечером он прогуляет школу, и мне придется завтра усадить его за работу, в наказание. Жестоко заставлять его работать в субботу, когда все ребята гуляют, но он ненавидит работу больше всего на свете, и мне надо же хоть сколько-нибудь исполнять свой долг по отношению к нему, иначе я погублю этого ребенка.

Том прогулял школу и провел день очень весело. Он вернулся домой как раз вовремя, чтобы помочь Джиму, цветному мальчику, напилить дров на завтра и нащепать лучины к ужину, – по крайней мере, вовремя для того, чтобы рассказать Джиму о своих похождениях, пока Джим исполнил три четверти работы. Младший брат Тома (точнее сводный брат), Сид, уже кончил свою работу (собрание щепок), так как он был тихий мальчик, не сорванец. Пока Том ужинал и по мере возможности таскал сахар, тетка Полли предлагала ему вопросы, полные коварства и чрезвычайно глубокие, так как рассчитывала вытянуть из него важные разоблачения. Подобно многим простодушным существам, она немножко гордилась своим талантом в темной и таинственной дипломатии и свои самые прозрачные намеки считала чудесами тонкого подвоха.

– Том, – сказала она, – в школе было довольно-таки жарко?

– Да.

– Очень жарко, правда?

– Да.

– Небось, тебе хотелось выкупаться, Том?

Том встрепенулся, у него мелькнуло подозрение. Он пристально взглянул на тетку Полли, но ничего не прочел на ее лице. Он ответил:

– Нет... так себе, не очень.

Старушка протянула руку и пощупала рубашку Тома.

– Но теперь тебе не жарко, нет?

Ей было лестно думать, как ловко она убедилась, что его рубашка суха, не дав никому понять, что это и было у нее на уме. Но Том уже сообразил, куда ветер дует, и поспешил предупредить новый возможный подвох с ее стороны.

– Мы обливали головы у насоса, и мои волосы еще не совсем высохли. Вот пощупайте.

Тетке Полли было досадно, что она упустила из виду эту маленькую вещественную улику и дала маху. Но тут на нее снова нашло вдохновение.

– Том, тебе ведь не нужно было распарывать ворот рубашки, чтобы намочить голову? Значит, он так и остался, как я его зашила. Расстегни-ка куртку!

Всякий след беспокойства исчез с лица Тома. Он расстегнул куртку. Воротник оказался зашитым.

– Вы подумайте!.. Ну, ступай себе. Я была уверена, что ты прогулял школу и купался. Но я тебя прощаю. Том, я вижу, что ты немножко образумился на этот раз.

Ей было отчасти досадно, что пронизательность ее подвела, но и приятно, что Том оказался хоть раз послушным мальчиком.

Но Сидней сказал:

– Как же это, ведь вы, кажется, зашили ему воротник белой ниткой, а у него черная.

– Да, я зашила белой! Том!

Но Том не стал дожидаться последствий. В дверях он сказал:

– Сидди, я тебя вздую за это.

Находясь в безопасном месте, он осмотрел две иголки, приколотые за обшлагом его куртки, – одна с белой, другая с черной ниткой.

– Если бы не Сид, она бы ничего не заметила, – сказал он. – То она зашивает белой, то черной ниткой. Надо бы за этим смотреть, но я всегда забываю. Зато уж и вздую я Сиду. Убей меня Бог, если не вздую.

Он не был примерным мальчиком деревни. Впрочем, он очень хорошо знал примерного мальчика и терпеть не мог его.

Минуты две, или даже меньше, спустя, он уже забыл о своих неудачах. Не потому, чтобы они были менее тяжелы и горьки для него, чем неудачи взрослых, но потому, что новый и мощный интерес овладел им и вытеснил их из его души; так ведь и неудачи взрослых забываются в увлечении новыми предприятиями.

Это новое увлечение относилось к интереснейшему способу свиста, которому научил его один негр. Теперь он хотел испытать его на досуге и без помехи. Нужно было во время свиста прижимать язык к нёбу, через коротенькие промежутки времени, – выходило совсем как у птицы, длинная и звонкая трель. Читатель, вероятно, припомнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчиком. Усердие и внимание Тома скоро увенчались успехом, и он пошел по улице, с музыкой на губах и восхищением в душе. Он чувствовал себя приблизительно так, как астроном, открывший новую планету. Но без сомнения, преимущество сильного, глубокого, безмятежного наслаждения было на стороне мальчика, а не астронома.

Летние вечера долги. Было еще светло. Внезапно Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчик, немножко выше него. Новое лицо, какого бы то ни было возраста или пола, было сенсационным явлением в бедной маленькой деревушке С.-Питерсбург. Этот мальчик был хорошо одет, – слишком хорошо для будней. Просто ослепительно. Нарядная шляпа, синяя курточка, застегнутая на все пуговицы, новенькая и чистенькая, и такие же панталоны. На ногах ботинки – а ведь была еще пятница! Мало того, на шее красовался галстук с бантом. Его городской вид задел Тома за живое. Чем дольше Том смотрел на это великолепное явление, тем выше задира л нос на его щегольство и тем оскорбительнее чувствовал непрезентабельность собственной внешности. Оба мальчика молчали. Когда двигался один, двигался и другой, но боком, по косой линии. Они оставались лицом к лицу и не спускали друг с друга глаз. Наконец Том сказал:

- Я тебя тресну!
- Посмотрю я, как ты это сделаешь.
- Очень просто могу сделать.
- Очень просто не можешь.
- А вот могу!
- А вот не можешь.
- Нет, могу.
- Нет, не можешь.
- Могу.
- Не можешь.

Неловкое молчание. Затем Том спросил:

- Как тебя зовут?
- Это не твое дело.
- Захочу, так будет мое.
- Нет, не будет.
- Поговори еще, так увидишь.
- Говорю, говорю, говорю! Ну, что же ты?
- О, ты думаешь, что ты важный франт? Я тебя одной рукой уберу, если захочу.
- Ну, что ж ты не убираешь? Ведь ты говоришь, что можешь это сделать.
- И сделаю, если ты вздумаешь дразнить меня.
- О, да – видал я таких нищих.
- Франт! Ты думаешь, что ты важная птица.
- Ох, какая шляпа!

– Ну-ка, тронь эту шляпу, если она тебе не нравится. Попробуй сбить ее с меня; кто попробует, тому я нос расквашу!

– Лгун!

– Сам такой!

– Ты задира и лгун, и ничего не смеешь.

– Ну, – проваливай.

– А вот коли будешь еще приставать ко мне, так я и хвачу тебя камнем по голове.

– Что и говорить,хватишь.

– Ну да, хвачу.

– За чем же дело стало? Болтать болтаешь, а делать не делаешь. Потому что боишься.

– Я не боюсь.

– Нет, боишься.

– Не боюсь.

– Боишься.

Новая пауза, и еще более пристальное разглядыванье и похаживанье друг подле друга. Теперь они стояли плечом к плечу. Том сказал:

– Убирайся отсюда!

– Сам убирайся!

– Я не пойду.

– И я не пойду.

Так простояли они некоторое время, оба отставив ногу под углом для опоры, напирая один на другого изо всех сил и с ненавистью глядя друг на друга. Но никому не удалось сдвинуть другого. После молчаливой борьбы, продолжавшейся до тех пор, пока лица у обоих налились кровью, оба осторожно разошлись, и Том сказал:

– Ты трусишка и щенок. Я скажу про тебя моему старшему брату, а он может тебя мизинцем прищелкнуть; и так и сделает, если я его попрошу.

– Боюсь я очень твоего старшего брата! У меня есть брат, побольше твоего; он его через этот забор перекинет. (Оба брата существовали только в воображении.)

– Вранье.

– Не станет враньем оттого, что ты это говоришь.

Том провел по пыли черту большим пальцем ноги и сказал:

– Попробуй переступить через эту черту, я тебя отколочу так, что не встанешь. Всякий, кто переступит, получит трепку.

Новый мальчик быстро переступил черту и сказал:

– Ну, ты говорил, что отколотишь меня, посмотрим, как ты это сделаешь.

– Не лезь ко мне, лучше убирайся.

– Нет, ты сказал, что отколотишь, – попробуй же.

– Я не я, коли не отколочу за два цента.

Незнакомый мальчик вынул из кармана два медяка и насмешливо протянул их.

Том бросил их на землю.

В следующее мгновение оба мальчика катались и барахтались в пыли, сцепившись, как кошки; с минуту они трепали и таскали друг друга за волосы и за одежду, царапали и разбивали друг другу носы, покрываясь пылью и славой. Затем схватка приняла более определенный характер; в тумане сражения выделилась фигура Тома, который сидел верхом на своем противнике и тузил его кулаками.

– Живота или смерти? – спрашивал он.

Другой мальчик только барахтался, стараясь освободиться. Он плакал, главным образом, от бешенства.

– Живота или смерти? – Расправа продолжалась.

Наконец незнакомец пробормотал сквозь слезы:

«Живота!», и Том выпустил его, сказав:

– Это тебе наука. Вперед смотри, с кем связываешься.

Нарядный мальчик ушел, отряхивая пыль с одежды, всхлипывая, фыркая носом, по временам оглядываясь на Тома и обещая задать ему, если тот попадется ему в другой раз. На это Том отвечал насмешками и пошел своим путем, торжествуя победу; но лишь только он повернулся спиной к новому мальчику, последний схватил камень, швырнул его, попал Тому между плечами и помчался с быстротою антилопы. Том гнался за ним до самого дома и таким образом узнал, где он живет. Тут он постоял некоторое время у ворот, приглашая врага выйти, но враг только строил ему гримасы из окошка и отклонял вызов. Наконец появилась мать врага, назвала гадким, скверным, грубым мальчишкой и потребовала, чтобы он убирался. Тогда он ушел, заявив, что еще посчитается с мальчиком.

Он пришел домой довольно поздно ночью, осторожно влез в окно и попал в засаду, очутившись в руках тетки. Когда она освидетельствовала состояние его костюма, ее решение превратить для него субботу в день пленения и тягостного труда приобрело алмазную твердость.

Глава II

Искушения. – Стратегические уловки. – Простофили попались.

Наступило утро субботы, и весь летний мир был ясен, свеж и полон жизни. В каждом сердце звучала песня, а если сердце было молодо, песня рвалась с губ. У всех лица дышали счастьем, у всех походка сбивалась на танец. Акации стояли в цвету, и благоухание разливалось в воздухе.

Кардиж Гилль, холм, возвышавшийся над деревней, был одет зеленью и находился достаточно далеко, чтобы казаться Волшебной Страной, очаровательной, мирной и заманчивой.

Том появился на тротуаре с ведром извести и кистью на длинной ручке. Он посмотрел на забор, и природа омрачилась, и глубокая скорбь овладела его душой. Забор в тридцать ярдов длины и десять футов высоты! Жизнь показалась ему пустой шуткой, существование – бременем. Со вздохом обмакнул он кисть в известковый раствор и провел ею по самой верхней планке; повторил эту операцию; еще раз повторил; сравнил ничтожную белую полосу с необъятной ширию некрашеного забора и, обескураженный, уселся на деревянную кадлушку. Джим вприпрыжку выбежал из ворот с жестяным ведром, напевая «Девки в Буффало». Носить воду из деревенской водокачки всегда было ненавистной работой в глазах Тома, но теперь она представилась ему в новом свете. Он вспомнил, что у водокачки всегда собиралась компания. Мальчики и девочки – белые, мулаты и негры – вечно толкались там, дожидаясь очереди, отдыхая, обмениваясь разными безделушками, ссорясь, задавая друг другу потасовки, играя. Вспомнил он и то, что хотя водокачка находилась всего в полутораста ярдах, но Джим никогда не возвращался с ведром раньше, чем через час, да и то обыкновенно приходилось посылать за ним. Том сказал:

– Послушай, Джим, я сбегаю за водой, а ты покрась за меня.

Джим покачал головой и ответил:

– Нельзя, господин Том. Старая миссис сказала, чтобы я шел за водой и ни с кем бы не говорил. Она сказала, что господин Том будет просить меня покрасить за него, – так чтобы я шел и делал свое дело, а она будет смотреть, не крашу ли я.

– О, мало ли что она говорила! Она всегда это говорит. Дай-ка ведро, – я мигом слетаю. Она ничего не узнает.

– О, я не смею, господин Том. Старая миссис сказала, что она мне голову оторвет. Правда, оторвет.

– Она! Она никогда никого не бьет, – разве стукнет по голове наперстком, так ведь это никому не страшно. Она только грозит, да ведь от слов не больно, – если только она сама не плачет. Джим, я подарю тебе шарик. Я подарю тебе белый шарик.

Джим начал колебаться.

– Белый шарик, Джим, ведь это чего-нибудь да стоит!

– Еще бы, чудесная штука, я знаю. Но, господин Том, я страх боюсь старой миссис.

Но Джим был человек, и искушение оказалось сильнее его. Он поставил ведро, взял белый шарик. В следующее мгновение он летел по улице с ведром в руках и зудом в затылке, Том усердно мазал забор, а тетка Полли удалялась с места действия с туфлей в руке и торжеством во взоре.

Но энергия Тома быстро иссякла. Он стал думать о забавах, которых ожидал от этого дня, и горечь его удвоилась. Другие мальчики скоро пустятся во всевозможные восхитительные экспедиции, будут издеваться над ним по поводу его работы, – эта мысль жгла его огнем. Он вытащил из карманов свои мирские сокровища и осмотрел их: игральные шарики, осколки, разные безделки; хватит, пожалуй, чтобы обменяться работой, но и думать нечего купить хоть полчаса настоящей свободы. Он снова спрятал в карман свое скудное имущество и отказался от

мысли подкупить мальчиков. В эту мрачную и безнадежную минуту его осенило вдохновение. Да, великое, дивное вдохновение, ни более, ни менее. Он взял кисть и спокойно принялся за работу. Вдали показался Бен Роджерс; в деревне не было мальчика, чьи насмешки были бы для него страшнее. Походка у Бена была приплясывающая, подпрыгивающая; это свидетельствовало, что на сердце у него легко и перспективы его лучезарны. Он ел яблоко, а в промежутках издавал протяжный, мелодичный вой, за которым следовало низкое «дин-дон-дон, дин-дон-дон», так как он изображал собой пароход. Подойдя ближе, он замедлил ход, направился на середину улицы, сильно подался вправо, затем грузно повернул, и все это с подобающей важностью и солидностью, так как олицетворял «Большой Миссури» и считал, что сидит на десять футов в воде. В лице его совмещались пароход, капитан и звонок машиниста, так что он воображал себя стоящим в собственной рубке, отдающим приказания и исполняющим их.

– Стоп, сэр! Линг-а-линг-линг. – Пароход приостановился и медленно повернул к тротуару. – Задний ход. Линг-а-линг-линг! – Его руки выпрямились и вытянулись вдоль боков. – Правым бортом назад! Линг-а-линг-линг! Шу-гя... шу... у... шу! – тем временем его правая рука описывала большие круги, так как изображала сорокафутовое колесо. – Левым бортом назад! Линг-а-линг-линг! Шу... ш... шу... шу! – Левая рука стала описывать круги.

– Стоп правый борт! Линг-а-линг-линг! Стоп левый борт! Вперед правым бортом! Стоп! Поворачивай тихонько нос! Линг-а-линг-линг! Шу-у-у! Вытягивай передний канат! Живо, шевелись! Ну, что у вас там со шпрингом? Закидывай канат за сваю! Теперь причаливай! Остановите машину, сэр! Линг-а-линг-линг! – Шт! шт! шт! (Делая промер.)

Том белил себе забор, а на пароход ноль внимания. Бен посмотрел на него с минуту, потом сказал:

– Ты-ы!.. Это ты свая, а?

Никакого ответа. Том рассматривал свой последний мазок оком художника, затем слегка провел кистью и снова полюбовался результатом. Бен причалил к нему борт о борт. У Тома слюнки потекли при виде яблока, однако он не отрывался от работы. Бен сказал:

– Эй, старина! Работать заставили?

– А, это ты, Бен! А я и не заметил.

– Я иду купаться. Небось, и тебе бы хотелось, но приходится сначала кончить работу? Так ведь?

Том взглянул на мальчика и сказал:

– Какую работу?

– Да разве это не работа?

Том продолжал белить и ответил небрежно:

– Может быть, да, а может быть и нет. Знаю только, что Тому Сойеру она по нутру.

– О, выдумывай! Ты, пожалуй, будешь уверять, что она тебе нравится?

Кисть продолжала действовать.

– Нравится? А почему бы она мне не нравилась? Не каждый день мальчикам случается белить забор!

Дело представлялось в новом свете. Бен перестал грызть яблоко. Том элегантно водил кистью взад и вперед, отступал немного, чтобы полюбиться эффектом, прибавлял мазок или два, – снова любовался, а Бен следил за каждым движением все с большим интересом, все с большим увлечением. Вдруг он сказал:

– Послушай, Том, дай мне покрасить немножко.

Том подумал; хотел было согласиться, но передумал:

– Нет, нет, Бен, никак нельзя. Видишь ли, тетка Полли очень дорожит этим забором, – ведь он выходит на улицу, – будь это на задах, тогда другое дело; ни она бы, ни я не беспокоились. А насчет этого забора она очень беспокоится; его нужно выбелить хорошенько, как

следует; я так думаю, разве что один мальчик из тысячи, может быть, из двух тысяч, сумеет сделать как надо.

– Ну, разве? О, послушай, дай мне только попробовать, так, чуть-чуть. Я бы дал тебе, будь я на твоём месте, Том.

– Бен, я бы тоже дал, как честный индеец, но тетка Полли... Видишь ли, Джим хотел красить, она не позволила. Сид хотел красить, – не позволила и Сиду. Сам видишь, как я стараюсь. Ну, пусти я тебя, а ты сделаешь что-нибудь не так, и...

– О, пускай, я постараюсь. Дай только попробовать. Слушай, я тебе дам сердцевину моего яблока.

– Ну хорошо. Да нет, Бен, нельзя, я боюсь...

– Я тебе отдам все яблоко!

Том передал кисть с неохотой на лице, с весельем в сердце. И пока бывший пароход «Большой Миссури» трудился и потел на солнце, удалившийся артист сидел в тени на кадлушке, болтал ногами, жевал яблоко и обдумывал планы улавливания других простаков. Недостатка в материале не было; мальчики подходили один за другим: они начинали с насмешки, а кончали тем, что принимались белить. Когда Бен наработался и ушел, Том уступил очередь Билли Фишеру за бумажного змея, вполне исправного; а когда насладился Билли, его сменил Джони Миллер за дохлую крысу и веревочку, на которой ее можно было раскачивать; и так далее, час за часом. Так что к середине дня Том, еще утром неимуший бедняк, буквально утопал в богатстве. У него оказались, кроме тех вещей, которые я назвал, двенадцать шариков, часть органчика, кусок синего бутылочного стекла, в которое можно было смотреть, катушка, ключ, которым нельзя было ничего открыть, кусок мыла, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастика, шесть хлопущек, одноглазый котенок, медная ручка от двери, ошейник для собаки, но без собаки, рукоятка перочинного ножа, четыре апельсиновые корки и старый изломанный оконный переплет. Все время он благодумствовал, сложа руки, в компании, а забор между тем покрылся тройным слоем белил! Если бы известка не вышла, он разорил бы всех мальчиков в деревне.

Том сказал себе самому, что этот мир в конце концов не так уж печален. Он, сам того не зная, открыл великий закон человеческой деятельности, а именно: чтобы заставить взрослого или мальчика желать что-нибудь, нужно сделать это труднодостижимым. Если бы он был великим и мудрым философом, подобно автору этой книги, он понял бы, что работа заключается в том, что человек обязан делать, а развлечение в том, чего он не обязан делать. А это помогло бы ему понять, почему изготовление искусственных цветов или хождение по топчаку, приводящему в действие машину, есть работа, а катание кегельных шаров или восхождение на Монблан – только забава. В Англии есть богатые джентльмены, готовые править четверней дилижанса на расстоянии двадцати-тридцати миль летом, потому что за это нужно заплатить изрядные деньги, но если бы им предложили плату за эту службу, она превратилась бы в работу и они отказались бы от нее.

Глава III

Том – командир. – Торжество и награда. – Плачевное счастье. – Поручение и промах.

Том предстал перед теткой Полли, сидевшей у открытого окна в уютной задней комнате, которая служила спальней, столовой и кабинетом. Бальзамический летний воздух, безмятежная тишина, аромат цветов, усыпляющее гудение пчел оказали свое действие, она клевала носом над вязаньем, так как с ней никого не было, кроме кота, заснувшего у нее на коленях. Очки были вздернуты на ее седую голову ради безопасности. Она думала, что Том, конечно, давно уже дал тягу, и удивилась, что он так мужественно отдается в ее руки. Том спросил:

– Мне можно теперь идти играть, тетя?

– Как, уже? Сколько же ты сделал?

– Все сделано, тетя.

– Том, не лги. Терпеть не могу.

– Я не лгу, тетя, все сделано.

Тетка Полли не слишком полагалась на эти уверения. Она отправилась посмотреть сама и была бы довольна, если бы утверждение Тома оказалось на двадцать процентов истинным. Когда же она убедилась, что весь забор выбелен, и не просто выбелен, а тщательно покрыт тройным слоем раствора, причем даже по земле проведена полоса в виде бордюра, удивлению ее не было границ.

– Вот бы никогда не подумала! – сказала она. – Ну, нечего сказать, ты можешь работать, когда захочешь, Том.

Тут она ослабила комплимент, прибавив:

– Только ты очень уж редко хочешь работать, должна я сказать. Хорошо, ступай играть, но смотри, возвращайся вовремя, не то я тебе задам.

Она была так восхищена блеском его подвига, что повела его в чулан, выбрала лучшее яблоко и вручила ему вместе с назидательным рассуждением о добавочной ценности и сладости угощения, заслуженного честно, добродетельным усердием. И заключила она это наставление очень удачной цитатой из Священного Писания, а он тем временем стибрил пряник.

Затем он выскочил во двор и увидел Сида, который поднимался по наружной лестнице на второй этаж. Комки земли были под ногами и моментально замелькали в воздухе. Они градом посыпались вокруг Сида; и прежде чем тетка Полли успела опомниться и броситься на выручку, шесть или семь комков попали по назначению, а Том перемахнул через забор и был таков. Во дворе имелась калитка, но он, по обыкновению, слишком торопился, чтобы воспользоваться ею. Теперь душа его была спокойна, так как он рассчитался с Сидом за то, что тот подвел его с черной ниткой. Том обошел опасное место и направился по грязному переулку позади коровника тетки Полли. Он теперь ускользнул от плена и наказания и пробирался на площадь, где две военные партии мальчиков должны были сойтись для боя, согласно уговору. Том был генералом одной из этих армий, Джо Гарпер (его закадычный друг) – другой. Оба великих полководца не снисходили до личного участия в бою – это приличествовало лишь мелкой сошке, – а сидели на возвышении и управляли военными действиями через адъютантов. Армия Тома одержала блистательную победу после продолжительного и упорного боя. Затем сосчитали убитых, обменялись пленными, договорились насчет следующего сражения и назначили для него день, после чего армия выстроилась в линию и отправилась восвояси, а Том вернулся домой один.

Проходя мимо дома, где жил Джефер Татчер, он увидел в саду новую девочку – прелестное маленькое голубоглазое создание с русыми волосами, заплетенными в две длинные косы, в белом летнем платьице и кружевных панталончиках. Только что увитый лаврами герой пал без выстрела. Некая Эми Лауренс испарилась из его сердца, как будто и не бывала в нем. Он думал,

что влюблен в нее до безумия; он считал свою страсть обожанием, и вот она оказалась только жалким, мимолетным увлечением. Он целые месяцы ухаживал за ней, она сдалась всего неделю тому назад; он был самым гордым и счастливым мальчиком в мире семь коротких дней, и вот, в одно мгновение, она ушла из его сердца, точно случайный гость, заглянувший на минутку.

Он украдкой молился этому новому ангелу, пока не убедился, что она заметила его, а затем принялся выставляться, проделывая всевозможные нелепые мальчишеские шутки с целью возбудить ее изумление. Некоторое время он предавался этому дурачеству, но случайно взглянув на нее в момент одного опасного гимнастического выверта, увидел, что девочка отвернулась и уходит в дом. Том подбежал к забору и прислонился к нему в глубокой горести и в надежде, что она побудет еще немножко. Она на минутку приостановилась на крыльце, а потом двинулась к двери. Том испустил глубокий вздох, когда она ступила на порог, но лицо его тотчас просияло: перед тем как исчезнуть, она бросила через забор фиалку. Мальчик подбежал и остановился на расстоянии одного или двух футов от цветка, затем поднес к глазам руку на манер козырька и стал всматриваться в конец улицы, как будто заметил что-то интересное в этом направлении. Потом подобрал соломинку и принялся устанавливать ее на кончик своего носа, закинув голову назад. Двигаясь из стороны в сторону при этих усилиях, он постепенно приближался к фиалке; наконец его босая нога накрыла цветок, ее гибкие пальцы охватили его, и он ускакал на одной ноге со своим сокровищем и скрылся за углом. Но только на минуту, только для того, чтобы вдеть цветок в петлицу своей курточки, подле своего сердца, а может быть и желудка, так как он не был силен в анатомии и не слишком заботился о точности.

После этого он вернулся и оставался у забора, пока не стемнело, продолжая выставляться. Но девочка не показывалась больше, хотя Том утешал себя мыслью, что она стоит где-нибудь у окна и видит его выкрутасы. Наконец он неохотно поплелся домой, а бедная голова его была полна грез.

За ужином он проявил такое возбуждение, что тетка дивилась, что такое с этим ребенком. Он получил хорошую головомойку за расправу с Сидом, но и ухом не повел. Он попытался стянуть сахар под самым носом у тетки и получил за это по пальцам.

– Тетя, вы небось не шлепаете Сида, когда он это делает.

– Сид не изводит человека так, как ты. Ты бы весь сахар перетаскал, не присматривай я за тобой.

Затем она ушла на кухню, а Сид, пользуясь безопасной минутой, потянулся к сахарнице, поглядывая на Тома с насмешливо торжествующим видом, что было просто невыносимо. Но рука его соскользнула, сахарница полетела на пол и разбилась. Том был в восторге, – в таком восторге, что даже прикусил язык и остался безмолвным. Он решил, что не скажет ни словечка, даже когда придет тетка, а будет сидеть смирнехонько, пока она не спросит, кто это напроказил. Тогда он заговорит, и то-то будет весело смотреть, как влетит любимчику, примерному мальчику. Он был так переполнен ликованием, что едва мог сдерживаться, когда старушка вернулась и, остановившись над осколками, метала молниеносные взоры поверх очков. Он сказал самому себе: теперь начнется потеха! И в следующее мгновение растянулся на полу от здорового шлепка! Мощная длань поднялась для нового удара, но Том завопил:

– Да за что же вы меня колотите? Это Сид разбил!

Тетка Полли в смущении остановилась, а Том ожидал раскаяния и сожаления. Но когда к ней вернулся дар слова, она сказала:

– Ну! Все равно, ты заслуживал шлепка. Ты наверное устроил какую-нибудь другую проказу, пока я не смотрела за тобой.

Тут совесть стала упрекать ее, и ей захотелось сказать что-нибудь ласковое и нежное, но ведь это было бы понято как признание в своей неправоте, чего не допускала дисциплина. Поэтому она промолчала и занялась своими делами, с тяжестью в душе.

Том надулся в углу, преувеличивая свои обиды. Он знал, что тетка в сердце своем стояла на коленях перед ним, и находил мрачное удовлетворение в этом сознании. Он ничего не проявлял со своей стороны и ни на что не обращал внимания. Он знал, что нежный взгляд падает на него время от времени сквозь пелену слез, но не хотел замечать его. Он видел себя в постели больным при смерти, и тетка наклоняется над ним, с мольбою о прощении, но он поворачивается лицом к стене, не произнося ни слова. Что-то она тогда почувствует! И он представлял себе, как его приносят домой из реки, мертвого, волосы его совсем мокрые, бедные рученьки навсегда перестали проказить, наболевшее сердце успокоилось навеки. И вот она бросается на его тело, слезы ее льются рекою, уста молят Бога вернуть ей ее мальчика, которого она больше никогда, никогда не будет обижать! Но он лежит перед нею холодный и бледный, не подавая признаков жизни, – бедный маленький страдалец, испивший до дна чашу скорби! Он так расчувствовался, представляя себе эти грустные картины, что едва удерживался от рыданий: глаза его были полны влагой, и когда он мигал, она катилась вниз и капала с кончика его носа. И так ему сладко было лелеять свои горести, что он не хотел тревожить этого настроения никаким легкомысленным удовольствием или грубым весельем: оно было слишком священно для них; так что, когда кузина Мэри влетела в комнату, в восторге, что наконец вернулась домой после бесконечного, длившегося целую неделю пребывания в гостях, он вскочил и убежал в безмолвие и мрак от звуков и света, которые она внесла с собою. Он бродил в стороне от мест, где обыкновенно собирались мальчики, ища уединения, гармонизировавшего с его душевным состоянием. Плот на реке манил его, он уселся на самом краю и смотрел на угрюмую пустыню вод, думая, что хорошо бы было утонуть мгновенно и незаметно для себя самого, не подвергаясь неприятной рутине, предписываемой природой. Потом он вспомнил о цветке. Он достал его, смятый и увядший, и его мрачное блаженство удвоилось. Он спрашивал себя, пожалела ли бы она его, если бы узнала? Залилась бы она слезами, пожелала бы иметь право обвить руками его шею и утешить его? Или бы отвернулась от него, как весь пустой свет? Эта картина вызвала такой приступ приятнейшего страдания, что он возился с ним без конца, варьируя на все лады и представляя себе его все в новом и новом свете, пока не истребал окончательно! Наконец он встал со вздохом и пошел в темноте. Было около половины десятого или десяти, когда он шел по пустынной улице, где обитала обожаемая незнакомка. Он постоял с минуту у ее дома, прислушался, но его чуткое ухо не уловило никаких звуков; только слабый свет пробивался из-за штор одного окна во втором этаже. Не здесь ли ее священная обитель? Он перелетел через забор, тихонько пробрался среди растений и остановился под окном; долго, с волнением, смотрел на него; потом лег под ним навзничь, скрестив на груди руки с увядшим цветком. Так он умрет вдали от холодного света, без крова над бесприютной головой, и ничья дружеская рука не отрет смертного пота с его лба, ничье любящее лицо не склонится над ним с участием в минуту последней агонии. И тут она увидит его, когда выглянет из окна в веселое утро, – о, уронит ли она слезу на бедное бездыханное тело, вздохнет ли она, вспомнив о цветущей юной жизни, так безжалостно загубленной, так безвременно подкошенной?

Окно отворилось; визгливый голос служанки возмутил священную тишину, и поток воды окатил останки нашего страдальца!

Захлебнувшийся герой вскочил, отфыркивая воду; затем в воздухе что-то просвистало, под аккомпанемент чуть слышного ругательства; последовал звон разбитого стекла; маленькая фигурка перемахнула через забор и исчезла в темноте.

Немного спустя, когда Том, раздетый, чтобы лечь в постель, рассматривал свою мокрую одежду при свете сального огарка, проснулся Сид; но если у него мелькнули некоторые смутные догадки о кое-каких намеках, то он благоразумно удержался, так как взгляд Тома не сулил ничего доброго. Том улегся, не утруждая себя молитвой, а Сид отметил в уме своем это упущение.

Глава IV

Акробатические упражнения ума. – Воскресная школа. – Директор. – На выставке. – Отличие Тома.

Солнце вставало над спокойным миром, озаряя деревню своими лучами, как бы посылая ей благословение. После завтрака тетка Полли приступила к семейному богослужению. Оно началось молитвой, составленной из библейских цитат, игравших роль солидных камней, скрепленных легким цементом оригинальных размышлений. С вершины этого сооружения она прочла грозную главу из книг Моисеевых, точно с Синайской горы.

После этого Том препоясал, так сказать, чресла свои и принялся за зубрежку своих стихов из Библии. Сид давно уже выучил свой урок. Том напряг всю свою память, чтобы запомнить пять стихов. Он выбрал Нагорную проповедь, так как не мог найти стихов короче.

Спустя полчаса Том имел смутное представление о своем уроке, но не более того, так как дух его блуждал по всему полю человеческого мышления, а руки занимались посторонними развлечениями. Мэри взяла книгу, чтобы выслушать урок, и он попытался найти путь в тумане.

– Блаженны-э-э...

– Нищие...

– Да, нищие... блаженны нищие-э-э...

– Духом...

– Духом, блаженны нищие духом, ибо... они... они...

– Их...

– Ибо их. Блаженны нищие духом, ибо их... есть царствие небесное. Блаженны плачущие, ибо они... они...

– У...

– Ибо они-э...

– Ут...

– Ибо они ут... О, я не знаю, что это за слово.

– Утешатся.

– О, утешатся! Блаженны... блаженны-э-э... утешатся... э-э... блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны... блаженны-э... блаженны кто еще? Что же ты мне не подсказываешь, Мэри? Что ты меня дразнишь?

– Ох, Том, тупоголовый ты мальчик, вовсе я тебя не дразню. Совсем нет. Тебе нужно приниматься опять за урок и выучить его. Не огорчайся, Том, ты справишься с ним, а когда выучишь, я подарю тебе что-то хорошенькое! Ну, будь же паинькой.

– Хорошо. А что это такое, Мэри? Скажи мне, что это такое?

– Потом узнаешь, Том. Уж если я сказала, что хорошенькое, так значит хорошенькое.

– Смотри же, ты обещала, Мэри. Хорошо, я опять засяду.

Он засел опять и, пришпориваемый вдвойне – любопытством и желанием получить подарок, – принялся за урок с такой энергией, что одолел его блестяще.

Мэри подарила ему новехонький барлоуский нож, ценою в двенадцать с половиной центов, – и трепет восторга пронизывал все его существо.

Правда, этим ножом нельзя было резать, но он был подлинный барлоуский, а это придавало ему несказанное достоинство – хотя откуда взяли мальчики, что клеймо могло быть подложным, – это глубокая тайна и, может быть, всегда останется таковой. Том принялся скоблить буфет и собирался приняться за письменный стол, когда его позвали одеваться в воскресную школу.

Мэри дала ему жестяной таз с водой и кусок мыла, и он вышел за дверь и поставил таз на скамейку; затем опустил мыло в воду, засучил рукава, тихонько вылил воду на землю и,

вернувшись в кухню, принялся усердно вытирать лицо полотенцем, висевшим за дверь. Но Мэри взяла у него полотенце и сказала:

– И не стыдно тебе, Том? Какой ты дурной мальчик. Точно вода тебе больно сделает.

Том немножко сконфузился. Таз был снова наполнен, и на этот раз он немного постоял над ним, набираясь решимости, перевел дух и начал. Когда он вошел в кухню, зажмурив глаза и шаря руками в поисках полотенца, мыльная вода, струившаяся по его лицу, свидетельствовала о его добросовестных усилиях. Но когда он отнял полотенце от лица, состояние последнего все еще оставалось неудовлетворительным, так как чистая территория, заканчивавшаяся у подбородка и скул, выглядела наподобие маски. Ниже этой линии и за нею простиралась темная полоса нетронутой почвы, охватывавшая шею. Мэри принялась за него сама и когда управилась с ним, это был другой человек и брат, с одноцветной кожей, с причесанными волосами, с красиво и симметрично лежавшими кудряшками (он тайком выпрямлял их с большим трудом и старанием и, как мог, приглаживал волосы, так как считал кудри признаком изнеженности, а его собственные отравляли его существование). Затем Мэри достала ему пару платья, надевавшуюся только по воскресеньям в течение двух лет – она называлась попросту его другой парой, что дает нам понятие об объеме его гардероба. Девочка привела его в порядок, когда он переоделся: застегнула доверху его парадную курточку, отогнула широкий воротничок его рубашки, почистила его щеткой и увенчала пестрой соломенной шляпой. Он выглядел теперь гораздо приличнее и несчастнее; да и чувствовал себя таким же несчастным, каким выглядел, так как его стесняло и раздражало цельное платье и чистота. Он надеялся, что Мэри забудет о башмаках, но надежда была обманута. Она тщательно смазала их салом, как это было в обычае, и принесла ему. Тут его терпение лопнуло, и он заявил, что его всегда заставляют делать что-нибудь такое, чего он не хочет делать. Но Мэри сказала убедительно:

– Пожалуйста, Том, будь умницей.

Тогда он ворча надел башмаки. Мэри мигом собралась, и трое детей отправились в воскресную школу, место, которое Том ненавидел всеми силами души, тогда как Сиду и Мэри оно очень нравилось.

Занятия в воскресной школе продолжались с девяти до половины одиннадцатого. Затем следовала церковная служба. Двое из детей всегда оставались слушать проповедь добровольно, а третий тоже всегда оставался, но по более сильным мотивам. Жесткие, с высокими спинками церковные скамьи могли вместить около трехсот человек; здание церкви было маленькое и простое, с каким-то ящиком на верхушке вместо колокольни. У дверей Том остановился и заговорил с товарищем, одетым по-праздничному.

– Послушай, Билль, у тебя есть желтый билетик?

– Да.

– Что возьмешь за него?

– А что ты дашь?

– Кусок лакрицы и крючок для удочки.

– Покажи.

Том показал. Вещи понравились, и обмен состоялся. Затем Том отдал пару белых шариков за три красных билетика и какую-то безделушку за пару голубых. Он приставал к другим мальчикам, по мере того как они подходили, и в течение десяти или пятнадцати минут покупал разноцветные билетики. Затем вошел в церковь с толпой чистеньких и шумных мальчиков и девочек, уселся на свое место и завязал ссору с первым попавшимся мальчиком. Учитель, важный пожилой человек, разнял их; когда он отвернулся, Том дернул за волосы мальчика, сидевшего на передней скамье, и уткнулся в книгу, когда мальчик повернулся; уколол булавкой другого мальчика, чтобы заставить его вскрикнуть «ой!» и снова получил выговор от учителя. Весь класс Тома был ему под стать: неугомонный, шумный и буйный. Когда приходилось отвечать урок, никто не знал его как следует, зато подсказывали все кто бы то ни был; они плелись кое-

как, и каждый получал свою награду в виде маленьких голубых билетиков с напечатанными на них стихами Библии; один голубой билетик выдавался за два стиха, прочтенные наизусть. Десять голубых билетиков равнялись одному красному и могли быть обменены на него; десять красных билетиков равнялись одному желтому, а за десять желтых директор давал ученику Библию в простеньком переплете (стоившую сорок центов в те блаженные времена). У многих ли учеников хватило бы терпения и усердия заучить на память две тысячи стихов даже за Библию Дорэ? А Мэри приобрела таким способом две Библии, ценою усердного двухлетнего труда. Один мальчик, немецкого происхождения, приобрел их четыре или пять. Он прочел однажды залпом три тысячи стихов, но это потребовало чересчур сильного напряжения его умственных способностей, и с этого самого дня он превратился почти в идиота – великое несчастье для школы, так как в торжественных случаях, перед посетителями директор всегда вызывал этого мальчика и заставлял его, – по выражению Тома, – распинаться. Только старшие ученики берегли свои билеты и продолжали утомительную работу достаточно долго, чтобы заслужить Библию. Оттого выдача этой премии была редким и достопримечательным событием. Ученик, получивший ее, становился на тот день столь великим и славным, что сердце каждого школьника загоралось честолюбием, которого часто хватало на две недели. Возможно, что духовный желудок Тома никогда в действительности не жаждал этой премии, но не подлежит сомнению, что все его существо давно уже томилось желанием славы и блеска, связанных с нею.

В надлежащее время директор взошел на кафедру с закрытым молитвенником в руке и с засунутым между его листами указательным пальцем и потребовал внимания. Когда директор воскресной школы произносит свою традиционную маленькую речь, молитвенник в его руке так же необходим, как неизбежный листок в руке певицы, которая выступает вперед на эстраде и поет соло в концерте – хотя какая в них надобность, остается тайной: никогда ни молитвенник, ни листок нот не пускаются в ход. Директор был невзрачный человек тридцати пяти лет, с песочного цвета бородкой и короткими песочного цвета волосами. Он носил тугий стоячий воротник, верхний край которого почти достигал его ушей, а острые концы загибались к углам его рта; в этой ограде он должен был держать голову прямо, глядя только вперед, и для того, чтобы взглянуть вбок, ему приходилось поворачивать все тело. Подбородок его упирался в широкий галстук с бахромой на концах; носки сапог были сильно загнуты вверх, точно лыжи, по господствовавшей моде, – этого эффекта молодые люди достигали терпением и настойчивостью, прижав носки к стене и просиживая в такой позе часами. Мистер Уольтерс был с виду очень строг, а душой честен и прям. Он так почитал священные вещи и места и так отделял их от всего мирского, что бессознательно для него самого его воскресно-школьный голос приобрел специальную интонацию, которой вовсе не обладал в будние дни. Он начал так:

– Теперь, дети, я попрошу вас сидеть так спокойно и тихо, как вы только можете, и подарить мне минуту или две внимания. Вот именно так. Так и должны сидеть хорошие мальчики и девочки. Я замечаю, что одна маленькая девочка смотрит в окно, – боюсь, что она думает, что я не здесь, а где-нибудь там – может быть, на одном из тех деревьев говорю с птичками (одобрительный смешок). Я должен сказать вам, что мне очень приятно видеть столько светлых, чистеньких детских лиц, собравшихся в таком месте, как это, дабы учиться поступать справедливо и быть добрыми.

И так далее, и так далее. Нет надобности приводить остальную часть речи. Она была того стиля, который не меняется и хорошо знаком всем нам.

Последняя треть речи была омрачена возобновлением драк и других развлечений между несколькими дурными мальчиками, и шорохом и шепотом, волны которых распространились по всей аудитории, заливая даже подошву таких одиноких и непоколебимых утесов, как Мэри и Сид. Но все звуки разом прекратились, когда голос мистера Уольтерса смолк, и окончание речи было встречено взрывом безмолвной благодарности.

Шепот в значительной степени был вызван событием, какое случалось не часто: появлением посетителей – стряпчего Татчера, в сопровождении какого-то расслабленного старика, красивого осанистого джентльмена средних лет с седеющими, цвета стали, волосами, и представительной леди, без сомнения, супруги последнего. Леди вела за руку девочку. До сих пор Том чувствовал себя очень неловко, вертелся, как на углях, его мучила совесть – он не мог глядеть в глаза Эми Лауренс, не мог вынести ее любящего взора. Но когда он увидел маленькую посетительницу, душа его моментально воспламенилась восторгом. В следующее мгновение он начал выставляться изо всей мочи: тузил мальчиков, дергал за волосы, строил гримасы, словом, проделывал все, что, по его соображениям, могло очаровать девочку и заслужить ее одобрение. К его ликованию примешивалась только одна капля горечи: воспоминание об унижении, испытанном в саду этого ангела; но даже и это бесславное пятно было почти смыто волнами переполнявшего его блаженства. Посетителей усадили на почетные места, и как только речь мистера Уольтерса была кончена, он представил им школу. Человек средних лет оказался высокопоставленной особой, ни более ни менее, как областным судьей – самым величественным существом, какое детям случалось до сих пор видеть; так что они недоумевали, из какого материала он создан, и почти хотели, чтобы он зарычал, и боялись, что он это сделает. Он был из Константинополя – в двадцати милях от деревни, – стало быть, путешествовал и видел свет. Его глаза смотрели на здание Областного Суда, которое, говорят, было крыто железом. Благоговение, внушаемое всеми этими соображениями, сказывалось в красноречивом молчании и устремленных на посетителя глазах. Это был великий судья Татчер, брат их стряпчего! Стряпчий Татчер немедленно подошел поздороваться с великим человеком и возбудил зависть всей школы. Какой бы музыкой отозвался в его душе шепот товарищей:

– Смотри, Джим! Он идет туда. Гляди же, протягивает ему руку, пожимает ему руку. А хотел бы ты быть стряпчим?

Мистер Уольтерс выставлялся, проявляя всякого рода официальную деятельность и распорядительность, отдавая приказания, расточая наставления, делая замечания о том о сем и обо всем, что приходило в голову. Библиотекарь выставлялся, бегая туда и сюда с охапками книг и поднимая суматоху и возню, которыми утешается мелкотравчатое начальство. Молодые леди-учительницы выставлялись, ласково склоняясь над питомцами, только что полувывавшими затрешины, грозя пальчиком шалунам и глядя по головке послушных. Молодые джентльмены-учителя выставлялись легкими выговорами и другими проявлениями авторитета и тщательным соблюдением дисциплины. Большинству учителей и учительниц нужно было зачем-то лазить в книжный шкаф, стоявший подле кафедры, и притом по два, по три раза (что они проделывали с напускной досадой). Маленькие девочки выставлялись разными способами, а маленькие мальчики выставлялись с таким усердием, что воздух был полон бумажными шариками и гулом потасовки. И над всем этим восседал великий человек, и озарял дом этот милостивой судейской улыбкой, и грелся в лучах собственного величия, так как и он ведь тоже выставлялся. Одного только не хватало для полноты восторга мистера Уольтерса – случая вручить Библию в качестве премии и похвастать чудо-мальчиком. У некоторых детей было по несколько желтых билетов, но ни у кого не оказалось их в достаточном количестве, даже среди лучших учеников. Он отдал бы все, чтобы вернуть немецкому мальчику утраченные умственные способности.

И вот в эту минуту, когда всякая надежда была потеряна, Том Сойер выступил вперед с девятью желтыми, девятью красными и десятью голубыми билетиками и потребовал Библию! Это был удар грома при ясном небе. Уольтерс ни за что бы не подумал, что подобные притязания могут возникнуть из такого источника в ближайшие десять лет. Но разбираться не приходилось: удостоверения были налицо и говорили сами за себя. Итак, Том поднялся на возвышение, где восседали судья с другими избранными, и великая новость распространилась из главного штаба. Это было самое ошеломляющее событие последних десяти дней,

и впечатление было так глубоко, что подняло нового героя почти на высоту судьи, так, что школа теперь глазела на два чуда вместо одного. Мальчиков грызла зависть, но самые горькие муки выпали на долю тех, которые слишком поздно сообразили, что сами же содействовали ненавистному торжеству, продавая Тому билетки за сокровища, накопленные им путем продажи права белить забор. Они издевались над самими собой, как жертвы коварного обмана, уязвленной змеи подколодной.

Премия была выдана Тому со всей приветливостью, какую директор способен был проявить при данных обстоятельствах, но в его обращении не хватило сердечности: добряк чувствовал здесь какую-то тайну, которая, быть может, не выдержала бы света. Просто немыслимо было предположить, чтобы этот мальчик мог собрать две тысячи снопов библейской мудрости в свою житницу; в ней поместилось бы не больше дюжины. Эми Лауренс гордилась и радовалась и пыталась привлечь к себе взгляд Тома. Но он не смотрел на нее. Она удивилась, потом немного смутилась, потом у нее возникло смутное подозрение – исчезло – явилось опять, она стала следить. Мимолетный взгляд открыл ей все – и сердце ее разбилось, тоска и ревность овладели ею, полились слезы, и она ненавидела всех, а Тома больше всех, как она думала.

Том был представлен судье, но язык его прилип к гортани, дух захватывало, сердце билось – частично от сознания грозного величия этого человека, но главным образом потому, что это был ее отец. Он готов бы был пасть перед ним ниц и поклоняться ему, если бы было темно. Судья положил руку на голову Тома, назвал его славным маленьким человеком и спросил, как его зовут. Мальчик поперхнулся, заикнулся и выговорил:

– Том.

– О, нет, не Том, а...

– Томас.

– Ага, вот это так. Я и думал, что оно длиннее. Очень хорошо. Но ведь у тебя есть и другое имя, и ты его скажешь мне, да?

– Скажи джентльмену твое другое имя, Томас, – заметил Уольтерс, – и говори «сэр». Надо помнить приличия.

– Томас Сойер, сэр.

– Так, хороший мальчик. Славный мальчик. Славный мальчуган, молодчина. Две тысячи стихов, это много – очень, очень много. И ты никогда не пожалеешь, что потратил на них труд, потому что знание дороже всего на свете; оно делает людей великими и добрыми; и ты будешь великим и добрым человеком, Томас, и тогда оглянешься на прошлое и скажешь: всем этим я обязан драгоценным урокам воскресной школы; всем этим я обязан моим дорогим учителям, которые позаботились научить меня; всем этим я обязан доброму директору, который поощрял меня, и следил за моими успехами, и подарил мне прекрасную Библию, великолепную, изящную Библию, в мою полную собственность, всем этим я обязан тому, что хорошо учился! Вот что ты скажешь, Томас, и не возьмешь никаких денег за эти две тысячи стихов, – верно, не возьмешь. А теперь ты, конечно, не откажешься рассказать мне и этой леди что-нибудь из того, что выучил, – ну, разумеется, не откажешься – потому что мы гордимся мальчиками, которые хорошо учатся. Ты, конечно, знаешь имена двенадцати апостолов. Назови же мне имена двух первых, которые были призваны.

Том вертел пуговицу и смотрел бессмысленно. Он покраснел и опустил глаза. У мистера Уольтерса сердце замерло. Он сказал самому себе: ведь этот мальчик не может ответить на самый простой вопрос – зачем же судья спрашивает его? Тем не менее он счел своим долгом сказать:

– Отвечай джентльмену, Томас, не бойся.

Том ни гу-гу.

– Я знаю, что ты ответишь мне, – сказала леди. – Имена двух первых апостолов...

– ДАВИД и ГОЛИАФ!

Опустим завесу милосердия над окончанием этой сцены.

Глава V

Добрый пастырь. – В церкви. – Пудель и жук.

Около половины одиннадцатого надтреснутой колокол маленькой церкви начал звонить, и прихожане стали собираться на утреннюю проповедь. Ученики воскресной школы разместились по церкви, вместе с родителями, под их надзором. Пришла тетка Полли, а с нею Том, Сид и Мэри. Тома усадили у прохода, подальше от открытого окна и соблазнительных летних сцен. Толпа наполнила церковь; престарелый и бедный почтмейстер, выдавший когда-то лучшие дни; мэр с супругой – так как у них имелся и мэр в числе прочих ненужных вещей; мировой судья; вдова Дуглас, красивая, нарядная и сорокалетняя, щедрая, добрейшей души и состоятельная; ее дом на холме был единственным палаццо в местечке, притом самым гостеприимным и торжественным в отношении празднеств, каким только мог похвалиться С.-Питерсбург; согбенный и почтенный майор и мистрис Уорд; стряпчий Риверсон, важная залетная птица; затем местная красавица в толпе одетых в батист и ленты юных разбивательниц сердец; за ними все молодые клерки местечка гуртом, – они стояли в притворе, посасывая набалдашники своих тросточек и образуя рой напомаженных и ухмыляющихся обожателей, пока последняя девушка не прошла сквозь их строй; шествие замыкал примерный мальчик, Вилли Мафферсон со своей матушкой, за которой он ухаживал, словно она была стеклянная. Он всегда провожал ее в церковь и был любимцем всех маменек. Все мальчики ненавидели его – очень уж он был хорош, к тому же их постоянно допекали им. Белый носовой платок виднелся из его заднего кармана, якобы случайно, как всегда по воскресеньям. У Тома не было носового платка, и он считал мальчиков, обладавших им, хлыщами. Теперь вся конгрегация была в сборе, колокол прозвонил еще раз, чтобы поторопить отставших и замешкавшихся, и в храме водворилась торжественная тишина, нарушаемая шепотом и хихиканьем на хорах в галерее. Хоры шептались и хихикали все время, пока шла служба. Были когда-то благовоспитанные церковные хоры, но я забыл, где именно. Это было очень давно, так что у меня сохранилось лишь воспоминание, но было это, кажется, в какой-то чужой стране.

Пастырь назвал гимн и прочел его с чувством, в особой манере, которая очень нравилась в этом краю. Он начинал в среднем диапазоне, упорно забирался вверх, пока не достигал до известного пункта, тут с необыкновенным пафосом выкрикивал верхнее слово и разом падал вниз, точно с трамплина прыгал.

Найду ли путь на небеса, где радость, мир, любовь,
Пока другие бьются здесь в борьбе, где льется кровь?

Он считался превосходным чтецом. На церковных вечеринках его всегда просили прочесть какие-нибудь стихи, и когда он оканчивал, дамы воздевали руки к небу, затем беспомощно роняли их на колени, закатывали глаза и трясли головами, будто желая сказать: словами невозможно выразить; это слишком дивно, слишком дивно для нашей смертной земли!

После того, как гимн был пропет, достопочтенный мистер Спрэг превратился в листок объявлений и принялся читать извещения о митингах, собраниях и разных разностях, пока, наконец, список не разросся до того, что казалось, стены того и гляди треснут, – нелепый обычай, до сих пор сохранившийся в Америке, даже в городах, совершенно ненужный в наш век бесчисленных газет. Часто чем меньше оснований у традиционного обычая, тем труднее отделаться от него.

Затем священник прочел молитву. Хорошая, великодушная была молитва, и очень обстоятельная: она ходатайствовала за Церковь и малых детей Церкви, за другие церкви местечка; за само местечко; за округ; за Штат; за должностных лиц Штата; за Соединенные Штаты; за

церкви Соединенных Штатов; за Конгресс; за Президента; за правительственных чиновников; за бедных моряков, носящихся по бурным морям; за миллионы угнетенных, стонущих под игом европейских монархий и восточного деспотизма; за тех, которые могли бы пользоваться светом и благой вестью, но чьи глаза не видят и уши не слышат; за язычников на отдаленных морских островах; заканчивалась она прошением, чтобы слова, которые собирался произнести пастырь, обрели милость и благоволение и упали, как семя на плодородную почву, принеся в свое время обильную и добрую жатву. Аминь.

Послышался шорох платьев, и стоявшие члены конгрегации уселись. Мальчик, о котором повествует эта книга, не проникался молитвой, он только терпел ее, да и то с грехом пополам. Он ерзал все время; он бессознательно отмечал детали молитвы, так как хотя и не слушал, но знал ее издавна установленное содержание и определенный порядок изложения, выработанный священником, – поэтому ухо его улавливало малейшее изменение и все его существо возмущалось им; прибавки казались ему чем-то неблаговидным и бессовестным. В середине молитвы муха уселась на спинку скамьи, стоявшей перед ним, и смутила его дух, спокойно потирая лапки одну о другую; она охватила ими голову и принялась тереть с такой энергией, что шея вытянулась в ниточку и стала видной, а голова, казалось, вот-вот отлетит от туловища; задними лапками она чистила себе крылышки и приглаживала их, точно фалды фрака; вообще занималась своим туалетом так спокойно, точно знала, что может проделывать это совершенно безопасно. Так оно и было; впрочем: всякий раз, когда у Тома чесались руки схватить ее, он удерживался, – он был уверен, что душа его моментально погибнет, если он сделает такую штуку во время молитвы. Но при заключительных словах последней рука его начала изгибаться и подкрадываться; и как только раздалось «Аминь», муха оказалась военнопленной. Но тетка заметила это и велела выпустить ее.

Пастырь прочел текст и начал монотонную проповедь, до того усыпительную, что многие стали клевать носами, а между тем в ней шла речь о пламени и сере, и число избранных умалось до такой крохотной кучки, что вряд ли стоило хлопотать о спасении. Том считал страницы проповеди; по окончании службы он всегда знал, сколько страниц было прочтено, но редко знал что-нибудь кроме этого. На этот раз, впрочем, его заинтересовало одно место проповеди. Пастырь нарисовал грандиозную и трогательную картину, когда все народы соберутся в одну семью, когда лев и ягненок будут лежать рядом и малое дитя поведет их. Но пафос, поучительность, мораль этой картины пропали для мальчика; он думал только об эффектной роли главного действующего лица перед собравшимися нациями; лицо его оживилось при этой мысли, и он соображал, что недурно бы ему самому быть этим малым дитятей, если лев ручной.

Потом он снова впал в уныние, когда возобновилась сухая аргументация. Внезапно он вспомнил об одном из своих сокровищ и вытащил его из кармана. Это был большой черный жук с громадными челюстями – щипун, как Том называл его. Он находился в коробочке от пистонов. Первым делом его было вцепиться в палец Тома. Естественно, последовал щелчок, жук отлетел в проход и шлепнулся на спину, а укушенный палец отправился в рот мальчика. Жук лежал, беспомощно перебирая лапами, и не мог перевернуться. Том смотрел на него, тянулся к нему, но достать не мог. Другие, не находившие интереса в проповеди, обрадовались жуку и тоже смотрели на него.

В это время к месту действия лениво подошел праздный пудель, разнеженный кроткою тишиной лета, тоскующий, утомленный пленом и искавший развлечения. Он почуял жука; его поникший хвост поднялся и пришел в движение. Он увидел добычу; обошел вокруг нее; понюхал издали; еще раз обошел кругом; осмелел и понюхал вблизи; затем поднял губу и попытался осторожно схватить жука; промахнулся; возобновил попытку еще и еще раз; понемногу увлекся этим развлечением; припал на брюхо, загребая жука лапами, и довольно долго продолжал эти штуки; наконец ему наскучило, он стал равнодушным и рассеянным. Голова его наклонялась мало-помалу, и в конце концов морда коснулась врага, который вцепился в нее.

Раздался пронзительный визг, пудель мотнул головой, жук отлетел ярда на два дальше и снова шлепнулся на спину. Соседи тряслись от внутреннего смеха, иные закрывали лица веерами и носовыми платками, а Том был вполне счастлив. Пудель выглядел дураком и, вероятно, чувствовал себя дураком; но в сердце его кипела злоба и жажда мщения. Итак, он снова направился к жуку и принялся атаковать его на разные лады, кидался на него со всех точек круга, вытягивал передние лапы, почти касаясь ими жука, щелкал над ним зубами и тряс головой так, что уши болтались. Но спустя некоторое время ему снова надоело; он попробовал развлечься мухой, но и эта забава не пришлась по душе; начал было следить за муравьем, уткнувшись мордой в пол, но скоро устал; зевнул, вздохнул, совсем забыл о жуке и сел на него! На этот раз последовал дикий, отчаянный вой, и пудель заметался по проходу; вой не прекращался, как и метания; пудель махнул мимо алтаря, влетел в другой проход; промчался перед дверями, наполняя воплем всю церковь; боль придавала ему крылья, так что вскоре видна была только какая-то мохнатая комета, кружившаяся по своей орбите с скоростью света. Наконец неистовый страдалец свернул со своего пути и вскочил на колени к хозяину; тот выбросил его в окно, и жалобный вой быстро ослабел и замер вдали.

Тем временем все сидели красные, задыхаясь от подавленного смеха, а проповедь смолкла. Теперь она возобновилась, но шла уже вяло и с запинкой, и не было никакой возможности придать ей внушительность, так как самые суровые увещания встречались подавленными взрывами нечестивого веселья, под прикрытием задних скамей, точно проповедник отпускал забавнейшие шутки. Было истинным облегчением для всей паствы, когда эта попытка кончилась и последовало напутственное благословение.

Том Сойер пошел домой, совсем развеселившись, рассуждая про себя, что и божественная служба может быть не лишена прятности, если внести в нее некоторое разнообразие. Одна только мысль несколько омрачала его веселье: пусть себе пудель играл с его щипуном, но какое право он имел унести его с собой?

Глава VI

Самоисследование. – По зубоврачебной части. – Полночь. – Духи и черти. – Счастливые часы.

Утро понедельника застало Тома несчастным. Таким он чувствовал себя всегда в понедельник утром, так как с него начиналась новая неделя медленной школьной пытки. Он обыкновенно встречал этот день желанием, чтобы вчерашнего воскресенья вовсе не было, так как после него еще тошнее идти в училище.

Том лежал, размышляя. Внезапно ему пришло в голову, что было бы недурно заболеть; в таком случае можно будет остаться дома. Представлялась смутная возможность. Он произвел обследование собственной особы. Никакого заболевания не обнаружилось; он исследовал вторично. На этот раз ему как будто удалось обнаружить признаки рези в животе, он возложил на них все надежды, ожидая усиления. Но вскоре они ослабели, а там и совсем исчезли. Он снова погрузился в размышления. Вдруг ему удалось открыть нечто. Один из его верхних зубов шатался. Это была удача; он было собрался уже завывать, как пес на луну, по его выражению, но тут ему пришло в голову, что если он пустит в ход этот аргумент, тетка, пожалуй, вырвет зуб, а это будет больно. Итак, он решил оставить зуб про запас и поискать еще. Сначала ничего не находилось, но потом он припомнил, как один доктор рассказывал о пациенте, пролежавшем две или три недели из-за больного пальца, который чуть было не пришлось отнять. Мальчик живо сдернул одеяло и осмотрел пальцы своих ног. Но он не знал, какие признаки требуются. Как бы то ни было, ему казалось, что попробовать стоит, так что он принялся стонать с большим воодушевлением.

Но Сид спал себе как убитый.

Том застонал еще громче, и ему показалось, что палец в самом деле начинает болеть.

Сид спал как ни в чем не бывало.

Том даже из сил выбился. Отдохнув немного, он поднатужился и испустил целый ряд великолепных стонов.

Сид знай себе храпел.

Том рассердился. Он позвал: «Сид, Сид!» – и принялся расталкивать его. Это возымело действие, и Том снова начал стонать. Сид зевнул, потянулся, приподнялся на локте, крикнул и устался на Тома. Том продолжал стонать. Сид сказал:

– Том, а Том!

Ответа не было.

– Послушай, Том! Том! Что с тобой, Том?

Он толкнул его и с беспокойством заглянул в лицо.

Том простонал:

– Ох, не толкайся, Сид. Не тронь меня...

– Да что же с тобой, Том? Я позову тетю.

– Нет, ни под каким видом. Может быть, это пройдет, понемногу. Не зови никого.

– Но я должен позвать! Не стони так, Том, просто страшно. Давно это с тобой случилось?

– Давно, уже несколько часов. Ох! О, не возись так, Сид. Ты меня убьешь...

– Том, да что же ты не разбудил меня раньше? О, Том, перестань! Меня просто дрожь пробирает от твоих стонов. Том, что у тебя такое?

– Я прощаю тебе все, Сид. (Стон.) Все, что ты сделал мне... Когда я умру...

– О, Том, ты не умираешь, нет! Не надо, Том. О, не надо. Может быть...

– Я всем прощаю, Сид. (Стон.) Скажи им это, Сид. И пожалуйста, Сид, отдай мой оконный переплет и одноглазого котенка новой девочке, которая на днях приехала, и скажи ей...

Но Сид уже накинул платье и исчез. Теперь Том действительно страдал, – так успешно работало его воображение; стоны его выходили почти естественными.

Сид опрометью слетел с лестницы и крикнул:

– О, тетя Полли, идите скорей! Том умирает!

– Умирает?!

– Ну да! Идите же скорей!

– Глупости! Не верю!

Однако она бросилась вверх по лестнице, а Сид и Мэри за нею. И лицо ее побелело, и губы дрожали. Подбежав к постели, она проговорила:

– Том, что с тобой?

– О, тетя, у меня...

– Что у тебя, да что же такое у тебя, дитя?

– О, тетя, у меня на пальце антонов огонь!

Старушка опустилась на стул и засмеялась, потом заплакала, потом засмеялась и заплакала разом. Это облегчило ее, и она сказала:

– Том, как ты меня перепугал. Ну, будет тебе дурачиться, вставай-ка!

Стоны прекратились, и палец перестал болеть. Мальчик чувствовал себя в довольно глупом положении и сказал:

– Тетя Полли, мне показалось, что на пальце антонов огонь, и он так болел, что я и о зубах позабыл.

– О зубах? А что же с твоими зубами?

– Один шатается и страсть как болит.

– Ну, ну, не начинай опять стонать. Открой-ка рот. Да, зуб у тебя шатается, но от этого ты не умрешь. Мэри, дай-ка мне шелковинку и принеси головешку из кухни.

Том взмолился:

– О, пожалуйста, тетя, не выдергивайте его, он уже прошел. Да если и заболит, я не пикну. Пожалуйста, не выдергивайте, тетя. Я не хочу оставаться дома.

– О, ты не хочешь, не хочешь? Значит, ты поднял всю эту суматоху для того, чтобы остаться дома, не идти в школу, а отправиться удить рыбу. Том, Том, я тебя так люблю, а ты точно стараешься всеми способами разбить мое старое сердце своим озорством!..

Тем временем зуболюбные инструменты были принесены. Старушка обвязала шелковинкой зуб Тома, а другой конец ее прикрепила к спинке кровати. Затем схватила горящую головешку и ткнула ее почти в лицо мальчику. Зуб повис, болтаясь на спинке кровати.

Но за всяким испытанием следует награда. Когда Том после завтрака отправился в школу, он возбуждал зависть каждого встречного мальчика, так как пустота в верхнем ряду зубов давала ему возможность сплевывать новым и замечательным способом. Он даже собрал вокруг себя целую свиту мальчуганов, заинтересованных этим представлением; а один из них, который порезал себе палец и был до тех пор центром общего восхищения, внезапно оказался без единого приверженца, и слава его разом померкла. Он обиделся и заметил с презрением, которого в действительности не чувствовал, что не важная штука плевать, как Том Сойер; но другой мальчик сказал: зелен виноград! – и развенчанный герой удалился.

Вскоре Том встретил юного отверженного деревни, Гекльберри Финна, сына местного пьяницы. Гекльберри внушал искреннюю ненависть и страх всем местным маменькам, так как был лентяй и сорванец, и грубиян, и скверный мальчишка, и так как все их дети восхищались им, искали его запретного общества и жалели, что у них не хватает храбрости быть таким, как он.

Том не отличался в этом отношении от остальных порядочных мальчиков деревни, то есть завидовал отверженному, но славному положению Гекльберри, с которым ему тоже было строжайше запрещено играть. Натурально, он играл с ним при всяком удобном случае. Гекль-

берри всегда носил негодные платья взрослых, которые пестрели на нем разноцветными пятнами и развевались лохмотьями. Шляпой ему служила настоящая развалина с дырой в виде полумесяца на полях; куртка, если таковая имелась на нем, достигала до пят, а ее задние пуговицы приходились гораздо ниже спины; штаны держались на одной подтяжке, висели сзади мешком, и обтрепанные концы их волочились по грязи, если не были подвернуты. Гекльберри жил вольной птицей. В хорошую погоду он ночевал на первом попавшемся крыльце, а в плохую в пустой бочке; не был обязан ходить ни в школу, ни в церковь, ни называть кого-нибудь учителем, ни слушаться кого-нибудь; мог удить рыбу или купаться, где и когда хотел, сколько душе угодно; никто не запрещал ему драться; он мог ложиться спать так поздно, как хотел; весною он первый из мальчиков начинал ходить босиком, а осенью последний надевал башмаки; ему не нужно было умываться или надевать чистое платье; ругался он артистически. Словом, на долю этого мальчика досталось все, что делает жизнь отрадней. Так думал всякий изнемогавший от муштровки приличный мальчик в С.-Питерсбурге. Том окликнул романтического бродягу.

– Эй, Гекльберри, поди-ка сюда!

– Иди сам, да посмотри, какова штука.

– Что у тебя там?

– Дохлая кошка.

– Покажи-ка, Гек. Черт, совсем окоченела. Где добыл?

– Купил у мальчика.

– Что дал?

– Голубой билетик и пузырь, который достал на бойне.

– А где взял голубой билетик?

– Купил у Бена Роджерса две недели назад за хлыстик для обруча.

– Скажи – на что годится дохлая кошка, Гек?

– На что годится? Сводить бородавки.

– Ну? Разве? Я знаю средство получше.

– Бьюсь об заклад, что не знаешь. Какое средство?

– Дупляная вода.

– Дупляная вода? Гроша не дам за дупляную воду.

– Не дашь, не дашь? Да ты разве пробовал?

– Нет, я-то не пробовал. Зато Боб Таннер пробовал.

– Кто тебе сказал?

– Видишь, он сказал Джеффу Татчеру, а Джефф сказал Джони Бекеру, а Джони сказал Джиму Голлису, а Джим сказал Бену Роджерсу, а Бен Роджерс сказал негру, а негр сказал мне. Вот оно как!

– Ну, что же из этого? Все они лгут. По крайней мере все, кроме негра, – его я не знаю. Но я еще не видывал негра, который бы не лгал. Враки! Ну-ка, расскажи мне, как Боб Таннер проделал это?

– Ну, он взял да засунул руку в гнилой пень, где накопилась дождевая вода.

– Днем?

– Разумеется.

– Передом к пню?

– Да. То есть, я так думаю.

– Говорил он что-нибудь, когда делал это?

– Кажется, нет, не знаю.

– Ага! Что и говорить, сведешь бородавки таким дурацким образом! Так ничего не выйдет. Надо пойти в лес, где знаешь гнилой пень с водой, и ровно в полночь подойти к нему задом, засунуть в него руку и сказать:

Ячменное зерно, ячменное зерно, кукурузные отсевки.

Дупляная вода, дупляная вода, проглоти бородавки.

А потом живо отойти на одиннадцать шагов, зажмурив глаза, три раза первернуться и идти домой, и никому не говорить. Потому, если расскажешь, все колдовство пропадет.

– Ну да, оно похоже на правду; но Боб этого не делал.

– Да уж будь покоен, об заклад можешь побиться, что не делал: ведь он самый бородавчатый мальчик в деревне; а если бы он умел орудовать с дупляной водой, у него не было бы ни одной бородавки. Я свел тысячи бородавок с моих рук этим способом, Гек. Я ведь часто вожусь с лягушками, так у меня всегда много бородавок. Иногда я их свожу бобом.

– Да, бобы – это хорошо. Я сам испытал.

– Ты? Каким способом?

– Надо взять и разделить боб на две половинки, потом надрезать бородавку так, чтобы вытекло немного крови, и намочить кровью одну половинку боба, а потом вырыть ямку на перекрестке и закопать в нее ту половинку ночью, когда нет луны, а другую половинку сжечь. Понимаешь, та половинка, которая смазана кровью, будет все съеживаться да съеживаться, чтобы притянуть к себе другую половинку, а это поможет крови стянуть бородавку, и она живо сойдет.

– Да, это верно, Гек, это верно; только, когда закапываешь, нужно говорить: «В землю боб, долой бородавка; не замай меня больше!» – так лучше выходит. Так и Джо Гарпер делает, а он был близ Кунвилля, да и где только не был. Но скажи – как же ты их сгоняешь дохлой кошкой?

– Вот как. Возьми ты кошку и ступай, и приходи задолго до полуночи на кладбище, где похоронен какой-нибудь злодей; а когда настанет полночь, придет черт, а может и два, и три, только ты их не увидишь, а услышишь, словно бы ветер шумит, а может и разговор их услышишь; и как потащат они того молодца, ты швырни им вслед кошку и скажи: «Черт за телом, кошка за чертом, бородавка за кошкой, чур меня все вы!» Это всякую бородавку сгонит.

– Должно быть, верно. Ты пробовал когда-нибудь, Гек?

– Нет, но мне рассказала старуха Гопкинс.

– Ну, значит, верно; ведь она, говорят, ведьма.

– Говорят! Я это знаю, Том. Она заколдовала отца. Он сам сказывал. Идет он раз, – глядь, а она стоит и заколдовывает его. Он в нее камнем запустил, та увернулась.

Что же ты думаешь, в ту же ночь он свалился с навеса, на котором заснул пьяный, и сломал себе руку.

– Экие страсти! Как же он узнал, что она его заколдовывает?

– Отец говорит, что узнать не штука. Он говорит, что когда смотрят на тебя пристально, то значит заколдовывают, особенно если при этом бормочут. Потому что бормочут «Отче наш» наыворот.

– Когда же ты думаешь испытать кошку, Гек?

– Сегодня ночью. Я думаю, они придут сегодня ночью за старым Госсом Вильямсом.

– Да ведь его схоронили в субботу! Разве они не утащили его в субботу ночью?

– Эх, сказал тоже! Ведь до полуночи их сила не действует, а с полночи уже воскресенье начинается. По воскресеньям-то, я думаю, чертям не разгуляться.

– Я и не подумал. Это верно. Можно мне с тобой?

– Конечно, если не боишься.

– Бояться! Есть чего! Ты мяукнешь?

– Да, и ты мяукни в ответ, если удобно будет. А то я прошлый раз мяукал да мяукал, пока старик Гейс не швырнул в меня камнем, промолвив: «Черт бы побрал этого кота!» За это я пустил ему кирпичом в окошко. Только ты никому не сказывай.

– Не скажу. Я не мог мяукать в тот раз потому, что тетя с меня глаз не спускала, но сегодня мяукну.

- А что это у тебя, Гек?
- Ничего, клещ.
- Где ты его поймал?
- В лесу.
- Что возьмешь за него?
- Не знаю. Мне не хочется продавать.
- Твое дело. Клещик-то маленький.
- Чужого-то клеща всякий может охаять. Я им доволен. для меня он хороший клещ.
- Да ведь клещей-то пропасть. Я их тысячу наберу, если захочу.
- За чем же дело стало? То-то, сам знаешь, что не наберешь. Клещ-то ведь очень ранний.

Это первый клещ, которого я видел в нынешнем году.

- Слушай, Гек, я тебе дам за него мой зуб.
- Покажи.

Том достал клочок бумаги и осторожно развернул. Гекльберри внимательно осмотрел зуб. Соблазн был велик. Наконец он сказал:

- А он настоящий?

Том приподнял губу и показал пустое место.

- Ну, ладно, – сказал Гекльберри, – по рукам.

Том посадил клеща в коробочку от пистонов, служившую недавно темницей для щипуна, и мальчики разошлись, причем каждый чувствовал себя богаче, чем был раньше.

Дойдя до маленького, стоявшего отдельно домишки, в котором помещалась школа, Том вошел в него быстро, с видом добросовестного малого, спешившего во всю мочь. Он повесил шляпу на вешалку и бросился на свое место с деловым рвением. Учитель, восседавший на возвышении в большом просиженном кресле, дремал, убаюканный монотонным гудением учеников. Звонок на перерыв разбудил его:

- Томас Сойер!

Том знал, что когда произносилось его полное имя, это не предвещало ничего доброго.

- Сэр?

- Поди сюда. Ну, сэр, почему вы изволили опоздать, по обыкновению?

Том придумывал, что бы соврать, как вдруг увидел две длинные светло-русые косы, висевшие вдоль спины, которую он тотчас узнал благодаря электрической силе любви; и рядом с этой девочкой находилось единственное свободное место в классе. Он немедленно ответил:

- Я остановился поболтать с Гекльберри Финном.

У учителя дух захватило, он остолбенел. В классе стихло, ученики спрашивали себя, с ума, что ли, сошел этот отчаянный малый. Наконец учитель сказал:

- Ты... что ты сделал?

- Остановился поболтать с Гекльберри Финном.

Ослышаться было невозможно.

– Томас Сойер, это самое бесстыдное признание, какое только мне приходилось слышать; линейка слишком слабое наказание за такую наглость. Снимай куртку.

Рука учителя действовала, пока он не выбился из сил, и пук розог значительно уменьшился. Затем последовало приказание:

- Теперь, сэр, изволь-ка сесть с девочками. Пусть это послужит тебе уроком.

Хихиканье, раздавшееся в классе, по-видимому, смутило мальчика, но в действительности это смущение было следствием его благоговения перед неведомым кумиром и неземного блаженства, так удачно доставшегося на его долю. Он присел на кончике сосновой скамьи, а девочка отодвинулась от него, потрянув головкой.

Ученики перешептывались, переглядывались, подталкивали друг друга, но Том сидел смиренно, облокотившись обеими руками на длинный низкий пюпитр, и, по-видимому, погру-

зился в учебник. Мало-помалу на него перестали обращать внимание, и тоскливая атмосфера наполнилась обычным школьным жужжаньем. Тогда мальчик начал украдкой поглядывать на свою соседку. Она заметила это, сделала ему гримасу и отвернулась. Когда она осторожно оглянулась, перед ней лежал персик. Она оттолкнула его; Том тихонько придвинул снова; она опять оттолкнула, но уже не так сердито. Том терпеливо передвинул его на прежнее место; она оставила его в покое. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьмите – у меня есть еще». Девочка взглянула на надпись, но, по-видимому, осталась равнодушной. Тогда мальчик принялся рисовать что-то на грифельной доске, прикрывая свою работу левой рукой. В течение некоторого времени девочка не хотела смотреть, но в конце концов ее естественное любопытство стало проявляться чуть заметными признаками. Мальчик рисовал, по-видимому, поглощенный своей работой. Девочка сделала попытку посмотреть, впрочем, неопределенную, но мальчик не показал вида, что замечает. Тогда она сдалась и нерешительно шепнула:

– Покажите мне.

Том открыл безобразнейшую карикатуру дома с двускатной крышей и трубой, из которой вился дым наподобие штопора. Девочка крайне заинтересовалась этим произведением и, по-видимому, забыла обо всем остальном. Когда он кончил, она полюбовалась с минуту и прошептала:

– Очень мило. Нарисуйте человека.

Художник изобразил на переднем плане человека, похожего на вешалку. Он мог бы перешагнуть через дом, но девочка не была взыскательна; она осталась довольна этим уродом и прошептала:

– Очень красивый человек. Теперь нарисуйте меня.

Том нарисовал песочные часы с полной луной наверху и соломенными руками и ногами, вооружив растопыренные пальцы чудовищным веером. Девочка сказала:

– И это очень мило. Хотелось бы мне уметь рисовать.

– Это очень просто, – прошептал Том. – Я вас научу.

– О, научите? Когда?

– В полдень. Вы пойдете домой обедать?

– Я останусь, если хотите.

– Отлично – так ладно будет. Как вас зовут?

– Бекки Татчер. А вас? Впрочем, я знаю. Ваше имя – Томас Сойер.

– Это мое имя, когда меня колотят. А когда я хороший, тогда я Том. Зовите меня Том, хорошо?

– Хорошо.

Том снова начал царапать что-то на доске, закрывая рукой от девочки.

Но теперь она не отворачивалась. Она просила показать ей. Том сказал:

– О, ничего нет.

– Нет, есть.

– Нет, нет, да вам и не интересно.

– Интересно, право, интересно. Пожалуйста, покажите.

– Вы никому не скажете?

– Нет, никому – честное слово, честное слово, и самое честное слово, не скажу.

– Никому на свете? Пока живы?

– Никому на свете. Покажите же.

– Да нет, вам вовсе не интересно!

– Ну, коли вы так, то я сама посмотрю, Том, – с этими словами она протянула свою маленькую ручку, и началась легкая борьба. Том делал вид, что серьезно сопротивляется, но мало-помалу отодвигал руку, пока не открылись слова:

Я вас люблю.

– Ах, вы негодный!

Она довольно звонко шлепнула его по руке, однако заалелась и, видимо, была довольна.

В эту самую минуту мальчик почувствовал, что чьи-то роковые пальцы медленно стискивают его ухо и приподнимают его со скамьи. В таком положении он был проведен через весь класс на свое место, под беглым огнем общего хихинья. В течение нескольких грозных мгновений учитель стоял над ним, а затем вернулся на свое место, не сказав ни слова. Но хотя ухо у Тома горело, сердце его ликовало.

Когда класс успокоился, Том сделал честную попытку заняться, но волнение его было слишком велико. На уроке чтения он сбивался, на уроке географии превращал озера в горы, горы в реки, реки в материки, восстановив древний хаос; а на уроке правописания провалился окончательно, переврав ряд простейших детских слов, за что и был переведен в последний разряд, лишившись оловянной медали, которую с гордостью носил уже несколько месяцев.

Глава VII

В школе. – Учитель живописи. – Промах.

Чем усерднее Том старался сосредотачиваться на учебнике, тем упорнее разбрелись его мысли, – так что, наконец, он зевнул, вздохнул и бросил книгу. Ему казалось, что полдень никогда не наступит. Неподвижный воздух точно замер. Хоть бы что шелухнулось. Это был самый сонный из всех сонных дней. Усыпительное бормотание двадцати пяти школьников убаюкивало души, точно чары, таящиеся в гудении пчел. Вдали Кардиж Гилль, залитый волнами света, поднимал свою зеленую вершину в мерцающей дымке летней мглы, отливавшей пурпуром; несколько птиц скользили в высоте на усталых крыльях; никаких других живых существ не было видно, кроме козлов, да и те спали.

Сердце Тома томилось жаждой свободы или хоть какого-нибудь развлечения, которое помогло бы ему скоротать это скучное время. Случайно он опустил руку в карман, и лицо его озарилось благодарностью, равной молитве, хотя он и не знал этого. Он потихоньку вытащил пистонную коробочку и выпустил клеща на стол. Эта крошечная тварь, вероятно, тоже переполнилась в этот момент молитвенной благодарностью, которая, однако, оказалась преждевременной, так как лишь только она поползла в одну сторону, Том булавкой повернул ее в другую.

Рядом с Томом сидел его закадычный друг, так же изнывавший от тоски и так же глубоко и благодарно обрадованный развлечением. Этот закадычный друг был Джо Гарпер. Всю неделю они дружили, а по воскресеньям становились во главе враждебных армий. Джо достал булавку из-за обшлага куртки и принял участие в возне с пленником. Забава с каждой минутой становилась интереснее. Вскоре Том нашел, что они мешают друг другу, так что ни один не пользуется клещом всласть. Поэтому он взял грифельную доску Джо и провел посередине ее черту сверху донизу.

– Вот, – сказал он, – пока клещ будет на твоей половине, ты гоняй его, сколько хочешь, а я не буду трогать; а если он удерет на мою половину, ты должен оставить его в покое, пока я не упушу его за черту.

– Ладно, начинай.

Клещ вскоре удрал от Тома и переполз через экватор. Джо дразнил его, пока он не улизнул обратно. Поле действия менялось, таким образом, довольно часто. Пока один мальчик с захватывающим увлечением возился с клещом, другой следил за возней с неменьшим интересом, головы обоих склонились над доской; они забыли обо всем на свете. Наконец счастье, по видимому, перешло на сторону Джо. Клещ пробовал и так и сяк, менял направление, волнуясь и возбуждаясь не меньше, чем сами мальчики, но всякий раз, как победа была уже, так сказать, в его руках, и пальцы Тома начали шевелиться, булавка Джо проворно загораживала ему путь и направляла его обратно. Том, наконец, не вытерпел. Искушение было слишком велико. Он протянул булавку и помог клещу. Джо моментально взбесился.

– Том, оставь его в покое!

– Я только чуть-чуть погоняю его, Джо.

– Нет, сэр, это нечестно. Сейчас оставь его.

– Пустяки, я только немножко пошевелю.

– Оставь его, говорят тебе.

– Не хочу.

– Ты должен, – он на моей стороне.

– Послушай, Джо Гарпер, чей это клещ?

– Мне нет дела до того, чей клещ, – он на моей стороне и ты его трогать не будешь.

– А вот же буду. Клещ мой, и я буду делать с ним, что хочу!

Здоровенный тумак обрушился на спину Тома, такой же на спину Джо, и в течение двух минут пыль летела из обеих курток, к восторгу всей школы. Мальчики так увлеклись, что не заметили внезапно наступившей тишины, когда учитель подкрался к ним на цыпочках и остановился над ними. Он довольно долго смотрел на представление, а затем и со своей стороны внес в него некоторое разнообразие.

Когда наступил полуденный перерыв, Том полетел к Бекки Татчер и шепнул ей на ухо:

– Наденьте шляпку и сделайте вид, будто идете домой, а когда свернете за угол, то отстаньте от других и вернитесь назад переулком. Я пойду другой дорогой, обгоню их и вернусь тем же путем.

Она пошла в одной группе учеников, он – в другой. Немного погодя они встретились в конце переулка, и когда вернулись в школу, в ней не было ни души. Они уселись, положив перед собой грифельную доску. Том дал Бекки грифель и водил ее руку – и таким образом они воздвигли другой удивительный дом. Когда же увлечение искусством стало остывать, принялись разговаривать. Том утопал в блаженстве. Он спросил:

– Вы любите крыс?

– Терпеть не могу.

– Ну да, живых – я тоже. Но я говорю о дохлых, которых можно привязать на веревочку и махать ими вокруг головы.

– Нет, крысы вообще мне не нравятся. Вот жевать резину – это я люблю.

– О, и я тоже. Жаль, что у меня нет ни кусочка!

– Хотите? У меня есть немножко. Я дам вам пожевать, но потом вы мне отдайте.

Это было очень приятно, и они жевали по очереди, болтая ногами от избытка удовольствия.

– Бывали вы в цирке? – спросил Том.

– Да, и папа обещал сводить меня еще раз, если я буду умницей.

– Я был в цирке три или четыре раза – множество раз. Церковь ничего не стоит перед цирком. В цирке все время представляют разные штуки. Когда я буду большой, то поступлю в клоуны.

– О, в самом деле? Это будет очень мило. Они такие пестрые.

– Да. И кроме того, они загребают кучу денег. Бен Роджерс говорил, по доллару в день.

Послушайте, Бекки, а были вы когда-нибудь обручены?

– Что это такое?

– Ну, обручены, чтобы выйти замуж.

– Нет.

– Хотите?

– Пожалуй. Не знаю. На что оно похоже?

– На что? Да ни на что не похоже. Просто вы говорите мальчику, что вы будете его всегда, всегда, всегда, а потом поцелуетесь с ним, и все тут. Всякий может сделать это.

– Поцелуемся? Зачем же целоваться?

– Так уж, знаете, полагается – всегда так делают.

– Все?

– Ну да, все, которые влюблены друг в друга. Вы помните, что я написал на доске?

– Д-да!

– Что же?

– Не скажу.

– Хотите, я вам скажу?

– Д-да – только в другой раз.

– Нет, теперь.

– Нет, не теперь, – завтра.

– О, нет, *теперь*, пожалуйста, Бекки. Я вам на ушко скажу, тихонько-тихонько.

Бекки колебалась, Том принял ее молчание за знак согласия и, обвив рукой ее талию, нежно прошептал ей на ушко заветные слова. Затем он прибавил:

– Теперь и вы мне шепните то же самое.

Сначала она отнекивалась, потом сказала:

– Только вы отверните лицо, чтобы не видеть, тогда я скажу. Но вы не должны никому рассказывать – обещаете, Том? Не рассказывать никому, обещаете?

– Никому, честное, честное слово. Ну, Бекки.

Он отвернул лицо. Она робко наклонилась к нему, так близко, что ее дыхание шевельнуло его кудри, и прошептала:

– Я люблю вас.

Затем она вскочила со скамьи и бегала от Тома вокруг столов и скамеек, пока не забилась в уголок, закрыв лицо своим белым передничком. Том обвил руками ее шейку и принялся уговаривать.

– Теперь, Бекки, все сделано – остается только поцеловаться. Ты не бойся – это ничего. Пожалуйста, Бекки.

Он стал отнимать от ее лица руки и передник.

Мало-помалу она уступила и опустила руки; личико ее, разгоревшееся от борьбы, выглянуло и покорилося. Том поцеловал ее в алые губки и сказал:

– Теперь все, Бекки. Но знаешь, после этого ты уже не должна любить никого другого и не выходить замуж ни за кого другого – никогда, никогда, навеки. Хорошо?

– Да, я никогда не буду любить никого, кроме тебя, Том, и никогда не выйду замуж ни за кого другого, и ты тоже ни на ком не женишься, кроме меня, правда?

– Конечно. Разумеется. Это уж само собой. И когда идем в школу или домой, ты всегда должна ходить со мной, если за нами не подсматривают – а в играх ты выбирай меня, а я буду выбирать тебя; так уж всегда делают, те, которые обручились.

– Ах, как славно! А я и не знала об этом.

– Еще как славно-то. Мы с Эми Лауренс...

Большие глаза сказали Тому о его оплошности, он запнулся, сконфузился.

– О, Том! Значит, я не первая, с которой ты обручился?

Девочка заплакала, Том сказал:

– О, Бекки, не плачь. Я ее больше и знать не хочу.

– Неправда, Том, – ты сам знаешь, что неправда.

Том попытался обнять ее, но она оттолкнула его, повернулась лицом к стене и продолжала плакать. Том снова попытался, говоря разные ласковые слова, и снова получил отпор. Тогда его гордость проснулась, он отошел и вышел из комнаты. Он постоял на улице, расстроенный и взволнованный, время от времени заглядывая в дверь, в надежде, что она раскается и подойдет к нему. Но она не двигалась. Тут ему сделалось совсем грустно и стало казаться, что он неправ. В нем происходила жестокая борьба, но он пересилил свой гонор и вошел в комнату. Бекки все еще стояла в углу, лицом к стене, и всхлипывала. У Тома защемило сердце. Он подошел к ней и постоял с минуту, не зная, как взяться за дело. Потом нерешительно сказал:

– Бекки, я... я никого не люблю, кроме тебя.

Никакого ответа – только рыдания.

– Бекки (умоляющим тоном).

– Бекки, скажи хоть словечко.

Рыдания усилились.

Том достал из кармана свою лучшую драгоценность, медную кнопку от каминной решетки, просунул так, чтобы она могла ее видеть, и сказал:

– Пожалуйста, Бекки, возьми ее себе.

Она швырнула ее на пол. Тогда Том вышел из комнаты и пошел, куда глаза глядят, решив не возвращаться сегодня в школу. Бекки догадалась, в чем дело. Она подбежала к двери; его не было видно; выбежала на рекреационный двор: его и там не было. Тогда она позвала:

– Том! Вернись, Том!

Она прислушалась, но ответа не было. Ее окружали тишина и безмолвие. Тут она села и снова расплакалась, и упрекала себя, а тем временем стали собираться школьники, и ей пришлось скрывать свою грусть, унимать свое разбитое сердце и нести крест свой в течение долгого томительного дня, не имея среди этих чужих близкой души, с которой бы можно было поделиться своим горем...

Глава VIII

Решение, принятое Томом. – Драматическое представление в лесу.

Том пробирался переулками, пока не очутился вне путей возвращения школьников, а затем печально поплелся дальше. Он перескочил два или три раза через узкий ручей, ввиду господствовавшего между школьниками поверья, будто переход через воду избавляет от погони. Спустя полчаса он был уже за домом вдовы Дуглас, на Кардигском холме, откуда школа чуть виднелась в долине. Он вошел в густой лес, пробрался в самую чащу и уселся на мху под развесистым дубом. Не было ни малейшего ветерка; удручающий полуденный зной заставил смолкнуть птиц; природа погрузилась в забытие, нарушавшееся иногда лишь отдаленным постукиванием дятла, от которого гнетущая тишина и чувство одиночества казались еще более глубокими. Душа мальчика была погружена в меланхолию; чувства его гармонировали с окружающим. Он долго сидел задумавшись, опираясь локтями о колени и подпирая руками подбородок. Ему-казалось, что жизнь, в лучшем случае, одна грусть, и он почти завидовал недавно скончавшемуся Джимми Годжесу. Должно быть, очень покойно, думалось ему, лежать и дремать, и грезить, вечно, вечно, меж тем как ветерок шелестит листьями и ветвями и ласкает траву и цветы на могиле, – и не испытывать больше никаких тревог и огорчений, никогда, никогда. Если бы только у него был хороший аттестат от воскресной школы, он был бы готов уйти из этого мира и развязаться со всеми. Вот хоть бы эта девочка. Что он ей сделал? Ничего. Он к ней всей душой, а она обошлась с ним, как с собакой, – право, как с собакой. Когда-нибудь пожалеет – да, пожалуй, уже поздно будет. Ах, если бы можно было умереть *на время!* Но упругое юное сердце не может долго оставаться сжатым. Незаметно Том начал возвращаться к тревогам здешней жизни. Что если он возьмет да пропадет без вести? Что если он уйдет далеко-далеко, в неведомые заморские края, с тем, чтобы не возвращаться обратно? Что она тогда почувствует? Мысль сделаться клоуном снова пришла ему в голову, но возбудила только отвращение. Grimасы, шутки, пестрые штаны, все это показалось оскорблением для духа, витавшего в туманном, возвышенном мире романтики. Нет, он сделается солдатом и вернется после многих лет отсутствия, испытанный в боях и покрытый славой. Или, еще лучше, присоединится к индейцам и будет охотиться за буйволами, и воевать в горах и широких бездорожных равнинах Дальнего Запада, и когда-нибудь вернется великим вождем, в перьях, страшно размазанный, и ввалится в воскресную школу, в скучное летнее утро, с грозным боевым кличем, на зависть товарищам. Но нет, есть нечто еще более грандиозное. Он будет пиратом! Вот это так. Теперь будущность ясно представала перед ним, озаренная несказанным блеском. Имя его прогремит на весь мир, заставляя дрожать народы! Как славно он будет носиться по бурному морю на своем длинном, черном, быстроходном корабле «Дух Бури», с грозным флагом на фок-мачте! И вот, на вершине своей славы, он внезапно является в родную деревню и входит в церковь, загорелый и огрубевший от бурь и непогод, в черном бархатном колете и штанах, в огромных ботфортах, с малиновым шарфом, с блестящими пистолетами за поясом, с заржавленным от крови кинжалом на боку, в шляпе с развевающимися перьями, с черным флагом, на котором красуются череп и две скрещенные кости, и с восторгом слышит шепот: «Это Том Сойер, пират! Черный Мститель Испанских Морей!»

Да, это решено, его карьера определена. Он сбежит из дома и вступит на путь славы. Он уйдет завтра же утром. Надо поэтому подготовиться к путешествию. Он решил собрать свои средства. Неподалеку лежало свалившееся дерево; он подошел к нему и начал рыть землю у одного из его концов своим барлоуским ножом. Вскоре нож ударился обо что-то деревянное и пустое, судя по звуку. Он запустил руку в ямку и выразительно произнес нараспев:

– Чего тут нет, *явись!* Что тут есть, *оставайся!*

Затем он выкопал и открыл хорошенькую деревянную копилку. В ней лежал игральный шарик. Удивлению Тома не было границ. Он почесал в затылке с видимым смущением и сказал:

– Что бы это значило!

Затем он сердито отбросил шарик и задумался. Дело в том, что не сбылось поверье, которое он и его товарищи всегда считали непреложной истиной. Если закопать шарик с известными заклинаниями и оставить его на две недели и затем открыть с теми самыми словами, которые он только что произнес, то вы найдете все шарики, которые когда-либо потеряли, как бы далеко ни были они разбросаны. Но вот теперь эта затея очевидно и бесспорно провалилась. Все здание веры Тома было потрясено до основания. Он много раз слышал, что эта штука удавалась, но еще ни разу не слыхивал о неудаче. Ему не приходило в голову, что он и сам уже не раз пробовал ее, но потом не мог найти того места, где закапывал.

Он думал и гадал о причинах неудачи и наконец решил, что тут замешалась какая-нибудь ведьма, уничтожившая силу заговора. Ему хотелось удостовериться в этом, и, поискав кругом, он скоро нашел маленькую кучку песка, с воронковидным углублением наверху. Он приложил губы к углублению и сказал:

– Клопик, клопик, клопик, скажи мне, что я хочу знать! Клопик, скажи мне, что я хочу знать!

Песок зашевелился, маленький черный клоп выглянул на мгновение и исчез в испуге.

– Не говорит! Ясное дело, это ведьма устроила. Так я и знал.

Он знал, что если впуталась ведьма, то пиши пропало, и потому, обескураженный, решил махнуть рукой на это дело. Но ему пришло в голову, что шарик, который он бросил, еще пригодится. Он принялся искать его, но не мог найти. Тогда он вернулся к копилке и стал возле нее так же, как стоял, когда бросил шарик; затем достал из кармана другой шарик и бросил его в том же направлении, что и первый, приговаривая:

– Брат, найди своего брата!

Когда шарик упал, он подошел к нему и стал искать. Но шарик или не долетел, или перелетел, так что пришлось повторить попытку еще два раза. Последняя удалась. Оба шарика лежали на расстоянии фута друг от друга.

В эту минуту в зеленой чаще раздался слабый звук игрушечной жестяной трубы. Том скинул куртку и штаны, подпоясался подтяжкой и, раскидав хворост за свалившимся деревом, достал самодельный лук и стрелы, деревянный меч, жестяной рожок и, вооружившись всем этим, ринулся вперед, с голыми ногами, в развевающейся рубашке. Остановившись под высоким вязом, он проиграл ответный сигнал, а затем принялся подкрадываться, осторожно осматриваясь по сторонам. Он тихонько скомандовал воображаемой шайке:

– Стойте, молодцы! Не показывайтесь, пока я не протрублю.

Из-за деревьев показался Джо Гарпер, в таком же легком одеянии и так же солидно вооруженный, как Том. Том воскликнул:

– Стой! Кто идет по Шервудскому лесу без моего позволения?

– Гай Гисборн не нуждается ни в чьем позволении! Кто ты, что... что...

– Что смеешь держать такую речь, – живо подсказал Том, так как они говорили по книжке, на память.

– Кто ты, что смеешь держать такую речь?

– Кто я? Я Робин Гуд, о чем скоро узнает твой презренный труп.

– Так в самом деле это ты, знаменитый разбойник? Я рад сразиться с тобой за обладание этим веселым лесом. Выходи!

Они схватились за свои деревянные мечи, бросили остальную амуницию на землю, стали в боевую позу и начали правильный, аккуратный бой, два вверх, два вниз. Затем Том сказал:

– Ну, если ты приноровился, давай действовать живее.

Они начали действовать живее, пыхтя и обливаясь потом от усилий. Наконец Том крикнул:

– Падай! Падай! Что же ты не падаешь?

– Не хочу. Чего ты сам не падаешь? Тебе больше досталось.

– Это ничего не значит. Мне нельзя падать. В книжке этого нет. В книжке сказано: тогда ударом в спину он сразил бедного Гая Гисборна! Ты должен повернуться и подставить мне спину для удара.

Спорить против авторитетов не приходится – Джо повернулся, получил удар в спину и упал.

– А теперь, – сказал он, вставая, – давай я тебя убью. Так будет справедливо.

– Как же я могу? В книжке этого нет.

– Ну, так это подлость, и больше ничего.

– Вот что, Джо, ты можешь быть монахом Туком или Мачем, сыном мельника, и хватить меня дубиной; или, коли хочешь, вот что сделаем: я буду Ноттингэмским шерифом, а ты стань пока Робинот Гудом и убей меня.

Это разрешило вопрос к общему удовольствию, и упомянутые действия были выполнены. Затем Том снова превратился в Робина Гуда и истек кровью, благодаря предательнице монахини, плохо перевязавшей его рану. Джо, изображавший целую шайку плачущих разбойников, горестно стащил его в лес, вложил лук в его слабеющие руки, и Том сказал:

– Где упадет эта стрела, там погребите бедного Робина Гуда, под зеленым деревом. – Затем он пустил стрелу, упал навзничь и совсем было умер, да попал в крапиву и вскочил, так как это оказалось чувствительным для мертвого тела.

Мальчики оделись, спрятали оружие и пошли, сожалея, что разбойники перевелись, и недоумевая, чем современная цивилизация может возместить их утрату. Они говорили, что предпочли бы пробыть разбойниками в Шервудском лесу один год, чем президентами Соединенных Штатов всю свою жизнь.

Глава IX

Страхи и ужасы. – Появление призрака. – Индеец Джо.

Вечером, в половине десятого, Том и Сид по обыкновению отправились спать. Они прочли молитвы, и Сид вскоре заснул. Том не спал и ждал в лихорадочном нетерпении. Когда ему стало казаться, что близок рассвет, часы пробили десять! Просто беда. Нервное настроение побуждало его вертеться и ерзать, но он боялся разбудить Сида. Итак, он лежал смиренно, уставившись в темноту. Царила какая-то зловещая тишина. Мало-помалу в тишине стали выделяться едва уловимые звуки. Тиканье часов сделалось явственно слышным. Старые балки начинали таинственно покрхтывать. Ступеньки на лестнице слабо заскрипели. Очевидно, духи пустились в свои похождения. Мерное глухое храпение доносилось из комнаты тетки Полли. А там раздалось несносное чириканье сверчка, которого никакая человеческая изобретательность не в силах уgomонить. Зловещее постукивание жука-часовщика в стене, у изголовья кровати, заставило Тома вздрогнуть, – оно означало, что чьи-нибудь дни сочтены. Вдали завыла собака, нарушая ночную тишину, ей ответил еще более отдаленный вой. Том лежал неподвижно. Наконец он убедился, что время остановилось и началась вечность; несмотря на свое волнение, он начал дремать; часы пробили одиннадцать, но он уже не слышал боя. Но вот раздалось, смешиваясь с его смутными грезами, самое меланхолическое мяуканье. Стук соседнего окна заставил его встрепетнуться. Возглас: «Брысь, дьявол!» и звон пустой бутылки, разбившейся о дровяной сарай тетки Полли, окончательно разбудили его, и минуту спустя он уже оделся, вылез в окно и пробирался на четвереньках по крыше. Он осторожно мяукнул раза два, затем соскочил на крышу дровяного сарая, а с нее на землю. Гекльберри Финн был там со своей дохлой кошкой. Мальчики тронулись в путь и исчезли в темноте. Спустя полчаса они уже шли по высокой траве кладбища.

Это было кладбище старомодного западного типа. Оно находилось на холме, в полутора милях от деревни. Ветхая деревянная ограда вокруг него погнулась местами внутрь, местами наружу, но нигде не держалась прямо. Кладбище заросло травой и бурьяном. Все старые могилы осыпались. Ни одного надгробного камня не оставалось на месте; источенные червями кресты на могилах покосились, требуя опоры, но не находя ее. Когда-то на них были надписи: здесь покоится, и так далее, но теперь на большинстве из них нельзя было бы прочесть ничего даже при дневном свете.

Слабый ветерок стонал между деревьями, и Том испугался, не души ли это покойников жалуются, что их потревожили. Мальчики мало говорили, да и то чуть слышным шепотом, так как и время, и место, и окружающая торжественная тишина импонировали им. Они скоро нашли свежую насыпь, которую искали, и спрятались под тремя большими вязами, росшими группой в нескольких футах от могилы.

Они ждали молча в течение долгого, как им показалось, времени. Отдаленное угугуканье филина было единственным звуком, нарушавшим мертвую тишину. Тому стало невмочь. Он должен был заговорить. Итак, он сказал шепотом:

– Как ты думаешь, Гек, нравится мертвецам, что мы здесь?

Гекльберри шепнул в ответ:

– Почему я знаю. А страшновато здесь, – как по-твоему?

– Еще бы.

Наступила продолжительная пауза, в течение которой мальчики обдумывали про себя этот вопрос. Затем Том прошептал:

– Послушай, Гек, как по-твоему, слышит Госс Вильямс наш разговор?

– Разумеется, слышит. По крайней мере, дух его слышит.

Том, помолчав, прибавил:

– Лучше бы мне сказать *мистер* Вильямс. Но я не хотел его обидеть. Все называют его Госс.

– То-то вот, надо десять раз подумать, когда говоришь о покойнике, Том.

Эта укоризна снова положила конец разговору. Вдруг Том схватил товарища за руку.

– Ш-ш!

– Что такое, Том? – Мальчики невольно ухватились друг за друга, с сильно бьющимися сердцами.

– Ш-ш! Вот опять! Да неужто не слышишь?

– Я...

– Вот! Теперь слышишь?

– Господи, Том, это они идут! Они наверно. Что нам делать?

– Не знаю. Ты думаешь, они увидят нас?

– Ох, Том, они видят в темноте не хуже кошек. Лучше бы нам не приходиться.

– Ну, не бойся. Я думаю, они не тронут нас. Что мы им сделали? А если будем сидеть смирно, может быть, и не заметят.

– Постараюсь, Том, но, Господи, я весь дрожу.

– Слушай!

Мальчики пригнули головы и слушали, чуть дыша. Глухие звуки голосов доносились с дальнего конца кладбища.

– Смотри, смотри! – шепнул Том. – Что это?

– Это чертов огонь. Ох, страшно, Том!

Какие-то темные фигуры приближались, размахивая старым жестяным фонарем, рассыпавшим по земле бесчисленные блески света. Вдруг Гекльберри прошептал с ужасом:

– Это черти, наверно. Трое! Господи, пропали мы, Том! Можешь прочесть молитву?

– Попробую, только не бойся. Они не тронут нас. Отходя ко сну...

– Ш-ш!

– Что такое, Гек?

– Это люди! По крайней мере, один из них. Я слышу голос старого Меффа Поттера.

– Да ну!.. Ты уверен?

– Ручаюсь, он. Не шевелись, не ерзай. Он не так зорек, чтобы заметить нас. Пьян по обыкновению, старый хрыч!

– Ладно, я буду сидеть смирно. Ну вот, стали. Ищут чего-то. Заторопились. Опять стали. Опять заторопились. Спешат во всю мочь. Теперь взяли вправо. Слушай-ка, Гек, я узнаю и другой голос. Это индеец Джо.

– Он и есть – проклятый метис! Лучше бы повстречаться с чертом. Что им тут понадобилось?

Шепот прекратился, так как трое людей подошли к могиле и стояли теперь в нескольких шагах от убежища мальчиков.

– Здесь, – сказал третий голос, и обладатель его приподнял фонарь, осветивший лицо молодого доктора Робинзона.

Поттер и индеец Джо принесли с собой носилки, на которых лежала веревка и пара лопат. Они положили на землю свою ношу и принялись разрывать могилу. Доктор поставил фонарь в головах у нее и уселся под вязом. Он был так близко от мальчиков, что они могли бы дотронуться до него.

– Живее, ребята! – сказал он вполголоса. – Луна того и гляди выйдет.

Они что-то проворчали в ответ и продолжали рыть. В течение некоторого времени слышен был только шорох лопат, сбрасывавших землю и песок. Было очень томительно. Наконец лопата с глухим деревянным звуком ударилась о гроб, и спустя минуту люди вытащили его из могилы. Они сняли крышку своими заступами и грубо вывернули труп на землю. Луна выгля-

нула из-за туч и осветила бледное лицо. Приготовили носилки, уложили на них тело, накрыли его одеялом и привязали веревкой. Поттер достал большой нож, отрезал болтавшийся конец веревки и сказал:

– Ну, косторез, проклятая работа готова, выкладывайте еще пять – или дело не выгорит.

– Правильно! – подтвердил индеец Джо.

– Послушайте, что это значит? – сказал доктор. – Вы потребовали плату вперед, и я заплатил вам.

– Да, вы и еще кое-что сделали, – сказал индеец Джо, подходя к доктору, который встал. – Пять лет тому назад вы меня выгнали из кухни вашего отца, когда я зашел однажды вечером и попросил чего-нибудь поесть. Вы сказали тогда, что я не с добром пришел, а когда я поклялся, что отплачу вам хотя бы через сто лет, ваш отец засадил меня в тюрьму, как бродягу. Вы думаете, я забыл это? Нет, во мне недаром индейская кровь. Теперь вы попались в мои лапы, и я с вами разделаюсь, будьте покойны.

Он грозил кулаком, поднося его к самому лицу доктора. Тот размахнулся и сбил с ног негодяя. Поттер выронил нож и крикнул:

– Не смей бить моего товарища!

Он схватился с доктором, и они стали бороться, напрягая все силы, топча траву, роя ногами землю. Индеец Джо, с горящими от бешенства глазами, вскочил, схватил нож Поттера и, подбегаясь, как кошка, к дерущимся, выжидал удобной минуты. Доктор вырвался, схватил тяжелую доску с могилы Вильямса и ударом ее свалил Поттера; в ту же минуту метис кинулся и всадил нож по самую рукоятку в грудь молодого человека. Доктор упал, задев при падении Поттера и обливая его своей кровью, и в ту же минуту тучи окутали мраком ужасное зрелище, а перепуганные мальчишки бросились бежать в темноте.

Когда месяц выглянул снова, индеец Джо стоял над двумя телами, рассматривая их. Доктор что-то пробормотал невнятно, раза два вздохнул и больше не шевелился. Метис процидил сквозь зубы:

– С тобой счеты кончены, будь ты проклят!

Затем он обобрал тело. После этого вложил нож в правую руку Поттера и уселся на гроб. Прошло несколько минут, Поттер зашевелился и застонал. Рука его стиснула нож; он поднял его, взглянул на него и выронил с испугом. Затем сел, оттолкнул труп, уставился на него, потом посмотрел вокруг мутным взглядом. Глаза его встретились с глазами Джо.

– Господи, что тут такое, Джо?

– Скверная штука, – ответил Джо, не двигаясь. – Зачем ты это сделал?

– Я! Никогда я этого не делал!

– Нет, братец, словами тут не отвертишься.

Поттер задрожал и побелел как полотно.

– Было бы мне остаться трезвым. Не годилось пить сегодня. Но у меня в голове шумит хуже еще, чем когда мы пришли сюда. Я совсем одурел, ничего не могу вспомнить. Скажи, Джо, *по чести* скажи, старина, – я это сделал? Я никогда не хотел этого; клянусь душой и честью, не хотел. Скажи мне, как это вышло, Джо?.. Ужас... Такой молодой, способный...

– Вы боролись, он хватил тебя доской; и ты растянулся; потом вскочил, шатаясь и спотыкаясь, схватил нож и всадил в него в ту самую минуту, когда он снова двинул тебя со всего размаху доской, затем ты упал и лежал все время, как чурбан.

– О, я не понимал, что делаю! Умереть мне на месте, если понимал! Все это от виски и от запальчивости, должно быть. Я и оружием-то никогда в жизни не пользовался, Джо. Драться дрался, но без оружия. Все это скажут. Джо, не рассказывай об этом! Обещай мне, что не расскажешь, Джо; будь добрым товарищем! Я всегда любил тебя, Джо, и заступался за тебя. Помнишь? Ты ведь не скажешь, не скажешь, Джо?

Бедняга бросился на колени перед хладнокровным убийцей, с мольбою сложив руки.

– Нет, ты всегда был хорош и добр ко мне, Мефф Поттер, и я отплачу тебе тем же. Верное слово.

– О, Джо, ты ангел! Я буду благословлять тебя по гроб жизни!..

И Поттер заплакал.

– Ну, ладно, довольно об этом. Теперь не время хныкать. Ты ступай той дорогой, а я этой. Улепетывай, да не оставляй за собой следов.

Поттер пустился бежать что есть силы. Метис постоял, глядя ему вслед. Он пробормотал:

– Если он так оглушен ударом и одурманен ромом, как можно подумать с виду, то не вспомнит о ноже, пока не убежит так далеко, что побоится вернуться. Цыплячье сердце!

Спустя три минуты только месяц смотрел на убитого человека, на завернутый в одеяло труп, на пустой гроб и разрытую могилу. Снова водворилась глубокая тишина.

Глава X

Клятва. – Ужас влечет за собою раскаяние. – Душевная пытка.

Оба мальчика летели стремглав к деревне, онемев от ужаса. Время от времени они оглядывались, как будто опасаясь погони. Всякий пень, попадавшийся на дороге, казался им человеком и врагом, так что у них захватывало дух от испуга; а когда они добежали до первых коттеджей, лай потревоженных собак точно придал им крылья.

– Только бы добраться до старой кожевни, прежде чем выбьемся из сил! – прошептал Том, задыхаясь. – Мне не выдержать...

Гекльберри только пыхтел в ответ, и мальчики не спускали глаз с цели своих надежд, напрягая все силы, чтобы добежать до нее. Они упорно спешили к ней, и наконец, плечом к плечу, влетели в дверь и повалились на пол, обрадованные и обессиленные, под защитой темноты. Понемногу их пульс стал биться тише, и Том прошептал:

– Гекльберри, как ты думаешь, что из этого выйдет?

– Виселица, если доктор Робинзон умрет.

– Ты думаешь?

– Я уверен, Том.

Том подумал немного, потом сказал:

– А кто же расскажет? Мы?

– С какой стати нам рассказывать? Вдруг что-нибудь случится и индейца Джо не повесят? Ведь он не теперь, так после зарежет нас, – это так же верно, как то, что мы здесь лежим.

– Я и сам так думал, Гек.

– Если рассказывать, так пусть это делает Мефф Поттер, коли он так глуп. Его, пьяницы, хватит на это.

Том ничего не ответил, продолжая размышлять. Наконец он прошептал:

– Гек, Мефф Поттер ничего не знает. Как он может рассказать?

– По какой причине он не знает?

– А потому что удар оглушил его в ту самую минуту, когда индеец Джо сделал это. Что же ты думаешь, он видел что-нибудь? Думаешь, он знает что-нибудь?

– А ведь это верно, Том!

– И потом, видишь ли, может быть, этот удар совсем прикончил его!

– Ну, это навряд, Том. Он был пьян, я видел, да он и всегда таков. А я знаю, когда отец налижится, то бей ты его хоть церковью по башке, ему все нипочем. Наверно, и Мефф Поттер так. Совсем трезвого человека, пожалуй, такой удар уложил бы наповал.

Подумав еще немного, Том сказал:

– Гек, ты уверен, что можешь держать язык за зубами?

– Том, мы должны держать язык за зубами. Ты сам понимаешь. Этот чертов индеец не задумается утопить нас, как пару котят, если мы разболтаем, а его не повесят. Слушай, Том, мы должны дать клятву один другому, что будем держать язык за зубами.

– Согласен, Гек. Это самое лучшее. Возьмемся за руки и поклянемся, что мы...

– Э, нет, этого мало. Это годится для пустяков, для мелочей, особенно с девчонками, потому что они все равно тебя выдадут и проболтаются, когда разойдутся; но такую важную клятву надо написать. И притом кровью.

Том всей душой приветствовал эту мысль. Было глухо, темно, страшно; час, обстоятельства, обстановка гармонировали с таким делом. Он разыскал чистую сосновую щепку, освещенную луной, достал из кармана кусочек «красного кия»¹, уселся под лунным светом и с

¹ Растение семейства бобовых, цветок которого по виду напоминает киль корабля; стебель содержит красящее вещество.

трудом вывел следующие строки, прикусывая кончик языка в начале строки и разжимая зубы, когда добирался до конца:

Том Сойер кленетца никогда слова непикнуть и лучше умереть коли рот раскрыть Гек Фин тоже и потписываем нашей кровью.

Гекльберри был в восторге от искусства Тома и его возвышенного стиля. Он немедленно достал из-за обшлага булавку и хотел уколоть себе руку, но Том сказал:

– Постой! Не делай этого. Булавка-то медная. На ней может быть ярь.

– Какая такая ярь?

– Яд. Вот какая. Попробуй проглотить хоть немножко – тогда узнаешь.

Том размотал нитку с одной из своих иголок, и каждый из мальчиков уколол себе палец и выдавил каплю крови.

После многих попыток Том вывел мизинцем свои инициалы. Затем он показал Гекльберри, как вывести «Г» и «Ф», и клятва была совершена. Они зарыли щепку у самой стены, с разными зловещими церемониями и заклинаниями, и после этого были уверены, что языки их скованы и ключи от оков заброшены.

Какая-то тень проскользнула в дыру на другом конце полуразвалившейся постройки, но они не заметили ее.

– Том, – прошептал Гекльберри, – это навсегда удержит нас от болтовни?

– Разумеется. Что бы ни случилось, мы должны молчать. Иначе умрем – сам знаешь.

– Да, должно быть, так.

Они продолжали шептаться некоторое время. Вдруг на улице раздался продолжительный, зловещий вой собаки, шагах в десяти от них. Мальчики ухватились друг за друга в ужасе.

– На кого из нас она? – насилу выговорил Гекльберри.

– Не знаю, погляди в щель. Живее!

– Ты погляди, Том!

– Не могу... не могу я, Гек!

– Пожалуйста, Том. Вот опять!

– О, слава тебе, Господи! – прошептал Том. – Я узнал голос. Это Булль Гарбисон².

– О, это хорошо, а я было до смерти перепугался, Том. Я бы побожился, что это бродячая собака.

Собака опять завyla. У мальчиков снова защемило сердце.

– Ох, нет! Это не Булль Гарбисон! – прошептал Гекльберри. – Посмотри, Том!

Том, дрожа от страха, послушался и приложил глаза к щели. Затем сказал едва слышным шепотом:

– О, Гек, это бродячая собака!

– Живо, Том, живо! На кого она воет?

– Да на обоих нас, Гек, – мы ведь совсем рядом.

– Ох, Том, видно, пропали мы с тобой. Мне-то сомневаться нечего, куда я попаду. Я был таким негодяем.

– Да, плохо наше дело! А все оттого, что прогуливаешь школу и делаешь как раз то, что старшие не велят делать. Я бы мог быть таким же хорошим, как Сид, если бы попытался, – да нет, где мне! Но если теперь удастся выкрутиться, обещаю зубрить всю в воскресной школе!

Том начал слегка всхлипывать.

(Прим. изд.)

² Если бы у мистера Гарбисона был невольник по имени Булль, Том назвал бы его «Гарбисонов Булль», но о сыне или о собаке, носивших это имя, говорилось «Булль Гарбисон». (Прим. автора.)

– Ты себя считаешь дурным! – при этих словах Гекльберри тоже начал всхлипывать. – Да ведь ты просто пряник в сравнении со мной, Том Сойер! Ох, Господи, Господи, Господи, хотел бы я быть хоть наполовину таким.

Том встрепенулся и прошептал:

– Смотри, смотри, Гек! Она стоит к нам задом!

Гек посмотрел с радостью в сердце.

– Верно, так и есть! А раньше так же стояла?

– Ну да. Я так одурел, что не сообразил этого. Ну, это пустяки, ты знаешь. Только на кого же она воеет?

Вой прекратился. Том прислушался.

– Ш-ш! Что это? – прошептал он.

– Это... это как будто свиньи хрюкают. Нет, это храпит кто-то, Том.

– Да? Но где же, Гек?

– Как будто на том конце. Похоже на то. Отец, бывало, ночевал здесь, вместе со свиньями.

Когда он храпит, так стены трясутся. Да и вряд ли он когда-нибудь вернется в эту деревню.

Страсть к приключениям снова проснулась в душах мальчиков.

– Гек, пойдешь ты, если я пойду впереди?

– Не очень-то хочется, Том. Что если это индеец Джо!

Том струхнул было. Но искушение оказалось чересчур сильным, и мальчики решили попытаться, условившись удирать во все лопатки, если храп прекратится. Они стали подкрадываться на цыпочках один за другим. Когда они были в нескольких шагах от храпевшего, Том наступил на щепочку, которая переломилась с треском. Спавший простонал, пошевелился, и лицо его попало в полосу лунного света. Это был Мефф Поттер. Мальчики так и замерли на месте, когда он пошевелился, но теперь их страх прошел. Они на цыпочках выбрались из полуразвалившегося сарая и остановились неподалеку проститься. В ночной тишине снова послышался протяжный, зловещий вой. Они обернулись и увидели бродячую собаку, которая стояла в нескольких шагах от того места, где лежал Поттер, мордой к нему.

– Ох, Господи, это она ему! – воскликнули оба мальчика разом.

– Послушай, Том, говорят, бродячая собака выла перед домом Джона Миллера, в полночь, две недели тому назад; и в ту же ночь к нему залетел козодой, сел на перила и кричал; а ведь никто же в доме не умер.

– Да, я знаю. Ну что же, что не умер? Однако Трэси Миллер упала на плиту и страшно обожглась в следующую субботу.

– Да, но не умерла же! А теперь ей лучше.

– Ну, подождем – увидим. Нет, уж она пропала, как и Мефф Поттер. Это говорят негры, а им эти вещи известны, Гек.

Они простились и разошлись в раздумье.

Ночь была уже почти на исходе, когда Том снова прокрался в окно спальни. Он разделся как можно тише и улегся спать, радуясь, что никто не заметил его отлучки. Он не знал, что притворно храпевший Сид не спал уже целый час.

Когда Том проснулся, оказалось, что Сид уже оделся и ушел. Судя по свету, было уже поздно. Том смутился. Почему же его не разбудили, не теребили, заставляя встать, как это бывало обыкновенно?... Эта мысль наполняла его дурными предчувствиями. В какие-нибудь пять минут он оделся и спустился с лестницы, чувствуя себя разбитым и сонным. Семья еще сидела за столом, но уже кончила завтракать. Он не услышал ни слова упрека, но все старались не смотреть на него, и за столом царил торжественная тишина, от которой замирало сердце виновного. Он сел и старался казаться веселым, но дело не пошло на лад. Он не добился ни улыбки, ни ответа, и наконец сам умолк и приуныл.

После завтрака тетка отвела его к себе, и Том почти просиял, в надежде, что отделается поркой, – да не тут-то было! Тетка плакала над ним, и спрашивала, как может он так огорчать ее старое сердце, а в заключение сказала, что он может продолжать свое, пока не погубит себя и не сведет ее седины с горя в могилу, потому что не стоит ей и пытаться исправить его. Это было хуже тысячи пороков, и душа Тома заняла сильнее, чем тело. Он плакал, просил прощения, обещал непременно исправиться, и в конце концов получил отпущение, чувствуя, однако, что прощен лишь наполовину и что обещаниям его не слишком-то верят.

Он был так несчастен, что не подумал о мщении Сиду, так что последний напрасно спешил удрать в заднюю калитку. Уныло поплелся он в школу и выдержал порку, доставшуюся ему и Джо Гарперу за прогул накануне, с равнодушием человека, душа которого поглощена более серьезным горем и безучастна к пустякам. Потом он уселся на место, поставил локти на стол, подпер руками подбородок и уставился в стену с выражением застывшего страдания, которое достигло крайнего предела. Локоть его упирался во что-то твердое. Спустя некоторое время он медленно и с досадой убрал локоть и со вздохом взял этот предмет. Он был завернут в бумагу. Том развернул ее. Последовал глубокий, мучительный, громадный вздох, и сердце его разбилось. То была его медная кнопка от каминной решетки. Это была капля, переполнившая чашу!..

Глава XI

Появление на сцене Меффа Поттера. – Угрызения Тома.

Около полудня ужасная весть внезапно взбудоражила всю деревню. Хотя о телеграфе там еще и не мечтали, но известие распространилось из уст в уста, от группы к группе, из дома в дом, с почти телеграфической быстротой. Разумеется, школьный учитель распустил ребят после обеда; деревня нашла бы странным, если бы он не сделал этого. Окровавленный нож был найден рядом с телом убитого, и кто-то признал в нем нож Меффа Поттера, – так рассказывали. Говорили также, что какой-то запоздалый обыватель застал Поттера у ручья, где он умывался около часа или двух ночи, и что Поттер тотчас же улизнул от него – обстоятельство подозрительное, в особенности мытье, не входившее в привычки Поттера. Рассказывали далее, что в поисках убийцы (публика живо находит улики и выносит приговоры) обшарили весь город, однако найти его не удалось. По всем направлениям была разослана конная погоня, и шериф не сомневался, что его арестуют сегодня же.

Вся деревня собралась на кладбище. Том забыл о своем горе и отправился туда же, хотя ему было бы тысячу раз приятнее пойти куда-нибудь в другое место, но какое-то роковое, неизъяснимое очарование влекло его туда. Придя на ужасное место, он протискался сквозь толпу и увидел мрачную картину. Ему казалось, что он был здесь Бог знает как давно. Кто-то ущипнул его за руку. Он оглянулся, и его взгляд встретился с глазами Гекльберри. Оба тотчас взглянули по сторонам, опасаясь, не заметил ли кто-нибудь, что они обменялись взглядами, но все были заняты разговорами и страшным зрелищем.

– Бедняги! – Такой молоденький! – А все-таки это урок осквернителям могил! – Если поймут Меффа Поттера, болтаться ему на виселице.

Такие замечания раздавались кругом, а священник заметил:

– Это суд Божий; рука Его ясна здесь.

Том содрогнулся с головы до ног: взгляд его упал на зловещую физиономию индейца Джо. В эту минуту толпа зашевелилась, заволновалась и послышались голоса:

– Вот он! Вот он! Сам идет!

– Кто? Кто? – разом спросили два десятка голосов.

– Мефф Поттер!

– Остановился! Смотрите, назад поворачивает! Не пускайте его!

Люди, взобравшиеся на деревья, над головой Тома, говорили, что он и не пытался уйти, а только был смущен и как будто колебался.

– Адская наглость, – заметил один из присутствующих, – Вздумал полюбоваться на свое дело, только не ожидал встретить здесь людей.

Толпа расступилась, и шериф важно проследовал сквозь нее, ведя Поттера под руку. У бедняги было растерянное выражение, в глазах его светился ужас. Остановившись перед телом убитого, он задрожал, как в лихорадке, закрыл лицо руками и разрыдался.

– Это не я сделал, братцы, – проговорил он, всхлипывая, – честное слово даю вам, что не я.

– А кто же тебя обвиняет? – крикнул чей-то голос.

Это восклицание, по-видимому, попало в цель. Поттер отнял руки от лица и с беспомощным отчаянием обвел присутствующих взглядом. Увидев индейца Джо, он воскликнул:

– О, Джо, ты обещал мне, что никогда...

– Ваш это нож? – спросил шериф, бросив нож к его ногам.

Поттер пошатнулся и упал бы, если бы его не подхватили и не помогли ему сесть на землю. Тогда он сказал:

– Что-то мне говорило: вернись, не ходи!

Он вздрогнул, потом махнул ослабевшей рукой, как будто признавая себя побежденным, и сказал:

– Расскажи им, Джо, расскажи – что уж тут...

Затем Гекльберри и Том, онемев от изумления, слушали, как бессердечный лжец спокойно повторял свой рассказ, и ждали, что вот-вот с ясного неба грянет Божий гром на его голову, удивляясь только, что он так медлит. Когда же он кончил и стоял себе целый и невредимый, их нерешительное побуждение нарушить свою клятву и спасти жизнь одураченному бедняге совсем пропало, так как ясно было, что этот нечестивец продал свою душу Сатане, а тягаться с тем, кто принадлежит такой силе, и думать нечего.

– Что же ты не убежал? Зачем пришел сюда? – спросил кто-то.

– Ничего не мог поделать, – простонал Поттер, – хотел было убежать, да что-то вот так и тянуло сюда.

Он снова зарыдал.

Спустя несколько минут индеец Джо так же спокойно повторил свое показание на допросе, под присягой; и мальчики, видя, что гром все-таки не грянул, окончательно укрепились в своей уверенности, что индеец Джо продал душу черту. Это сделало его в их глазах самым зловеще-интересным существом, какое им только случалось видеть, так что они не спускали своих очарованных глаз с его лица. Про себя они решили следить за ним по ночам при всяком удобном случае, в надежде увидеть когда-нибудь его страшного владыку.

Индеец Джо помог поднять тело убитого и положить его на телегу, причем по взволнованной толпе пробежал шепот, будто из раны выступила кровь! Мальчики думали, что это счастливое обстоятельство направит подозрение на верный путь, но им пришлось разочароваться, так как некоторые из присутствующих заметили:

– Еще бы, ведь он был всего в трех шагах от Меффа Поттера.

Страшная тайна и угрызения совести всю неделю затем смущали сон Тома, так что однажды утром за завтраком Сид сказал:

– Том, ты так вертишься и разговариваешь во сне, что не даешь мне спать почти всю ночь.

Том побледнел и опустил глаза.

– Это плохой знак, – сказала тетка Полли серьезно. – Что у тебя на душе, Том?

– Ничего. Ничего я не знаю.

Но рука у мальчика так дрожала, что он пролил кофе.

– И какой ты вздор несешь, – продолжал Сид. – Сегодня ночью ты говорил: «Это кровь, это кровь!» Ты повторял это много раз. А потом сказал: «Не мучьте меня, я все расскажу». Что расскажешь? О чем это ты хочешь рассказать?

У Тома в глазах потемнело. Бог знает, что бы могло случиться, если бы тревога не исчезла с лица тети Полли и она не помогла, сама того не зная, мальчику. Она сказала:

– Молчи. Все это ужасное убийство. Мне самой оно снится почти каждую ночь. Иногда снится, будто я сама его совершила.

Мэри сказала, что и ее очень расстроило это происшествие. Сид, по-видимому, удовлетворился этим. Том постарался улизнуть как можно скорее и после этого целую неделю жаловался на зубную боль, повязывал на ночь зубы платком, стягивая челюсти, чтобы не говорить. Он не знал, что Сид не спит по ночам и нередко развязывает повязку, долго слушает, приподнявшись на локте, а затем опять стягивает ее. Постепенно, однако, волнение Тома улеглось, зубная боль надоела ему и была оставлена. Если Сид действительно хотел извлечь что-нибудь из несвязного бормотанья Тома, то сохранил это про себя. Тому казалось, что его товарищи чересчур увлекаются игрой в судебное следствие по поводу дохлых кошек, поддерживая этим его тревогу. Сид заметил, что Том никогда не брал на себя роли следователя при этих розысках, хотя обыкновенно был предводителем во всех предприятиях; заметил, что Том отказывался даже от роли свидетеля – и это показалось ему странным; не ускользнуло от Сиды и то

обстоятельство, что Том высказывал даже отвращение к этим расследованиям и всегда избегал их. Сид удивлялся, однако ничего не говорил. Впрочем, эти расследования вышли, наконец, из моды и перестали мучить совесть Тома.

Почти каждый день в течение этого грустного времени Том, улучив минуту, отправлялся к маленькому окошку с решеткой и совал в него убийце все, что мог достать ему в утешение. Тюрьмой была маленькая кирпичная лачужка на болоте, подле деревни; сторожа при не ней было, да и редко в ней сидел кто-нибудь. Эти приношения значительно облегчали совесть Тома. Обывателям очень хотелось вымазать индейца Джо дегтем, вывалить его в перьях и выпроводить из деревни за кражу трупа из могилы, но ввиду его страшного характера не нашлось никого, кто бы решился взять на себя инициативу, и дело так и заглохло. Свои показания он благоразумно начинал с драки, не заикаясь о предшествовавшем разрытии могилы, поэтому не поднимали этого вопроса на суде.

Глава XII

Том проявляет великодушие. – Слабость тети Полли.

Одна из причин, отвративших мысли Тома от его тайных мучений, заключалась в новой и важной заботе. Бекки Татчер перестала посещать школу. В течение нескольких дней Том пытался, вооружившись гордостью, забыть о ней, но тщетно. Он начал бродить по вечерам вокруг дома ее отца, чувствуя себя несчастным. Она была больна. Что если она умрет! Эта мысль не давала ему покоя. Он перестал интересоваться войной, даже пиратством. Жизнь утратила всякую прелесть, осталась одна тоска. Он не прикасался ни к обручу, ни к мячу – они потеряли всякий интерес в его глазах. Тетка встревожилась и принялась пичкать его всякими лекарствами. Она принадлежала к числу людей, увлекающихся патентованными медицинскими снадобьями и всякими новоизобретенными способами поддержания или восстановления здоровья.

Она была неустанным экспериментатором в этой области. Стоило появиться какой-нибудь новинке в этом роде, как ею овладевало лихорадочное желание испробовать ее, не на себе самой, так как она никогда не хворала, но на всяком, кто попадался ей под руку. Она подписывалась на всевозможные периодические и шарлатанские «Друзья здоровья», и напыщенное невежество, которым они были пропитаны, казалось ей верхом мудрости. Вся их болтовня о вентиляции, и о том, как ложиться в постели, и как вставать, что есть, что пить, сколько движений делать, какое настроение духа поддерживать в себе, во что одеваться, – все это было для нее свято, как Евангелие, и она никогда не замечала, что журналы текущего месяца обыкновенно отвергали все, что рекомендовали месяц тому назад. Она была простодушна и честна, и поэтому легко становилась жертвой обмана. Она собирала эту шарлатанскую макулатуру и шарлатанские снадобья, и таким образом вооруженная смертью, гарцевала, выражаясь метафорически, на коне бледном, «и ад следовал за нею». Но ей и в голову не приходило усомниться в том, что она является ангелом-исцелителем и бальзамом утешения для страждущих соседей.

В то время лечение водой было еще новинкой, и потому болезненное состояние Тома оказалось как раз кстати для нее. Каждое утро она выводила его на рассвете в дровяной сарай и окачивала целым котлом холодной воды; затем обтирала полотенцем, жестким, как наждак, и таким образом приводила в чувство; потом завертывала в мокрую простыню и окутывала одеялом, под которыми он и потел до того, что «душа выходила вместе с паром желтыми каплями из всех пор», как уверял Том.

Но несмотря на все это, мальчик становился все грустнее, бледнее и хилее. Она прибавила горячие ванны, души и обливания. Мальчик оставался унылым, как погребальные дроги. Она присоединила к водному лечению легкую овсяную диету и нарывные пластыри. Она измеряла его вместимость, как будто он был кружкой, и ежедневно наполняла его универсальными снадобьями.

Тем временем Том оставался равнодушен к этим врачеваниям. Это состояние мальчика сокрушало старушку. Надо было во что бы то ни стало сломить это равнодушие. В это время она впервые услышала о «Болеистребителе». Она выписала изрядный запас. Попробовала – и преисполнилась благодарностью. Это был просто огонь в жидкой форме. Она бросила водное лечение и все остальное и возложила все свои упования на «Болеистребитель». Она дала Тому чайную ложечку этого зелья и с глубоким беспокойством ожидала результата. Но тревога ее разом улеглась и душа ее снова обрела мир, так как «равнодушие» было сломлено. Мальчик не мог бы проявить более бурного, искреннего одушевления, если бы она развела под ним костер.

Том почувствовал, что пора очнуться. Этот род жизни был, пожалуй, достаточно романтическим для его отцветших надежд, но слишком уж мало в нем было чувства и слишком много волнующего разнообразия. Итак, он стал искать способ избавления и, наконец, решил сделать

вид, что ему очень нравится «Болеистребитель». Он так часто стал просить его у тетки, что надоел ей, и она сказала ему, что он может пользоваться им сам и не приставать к ней. Будь на его месте Сид, к ее удовольствию не примешивалось бы никаких подозрений, но имея дело с Томом, она решила втайне следить за бутылкой. Она убедилась, что снадобье действительно убывает, но ей и в голову не пришло, что мальчик лечил им шель в полу гостиной.

Однажды Том собирался угостить шель порцией лекарства, когда вошел теткин рыжий кот, мурлыкая, жадно поглядывая на чайную ложечку и очевидно прося попробовать. Том сказал:

– Не проси, если не хочешь, Питер.

Но Питер дал понять, что он хочет.

– Ты уверен в этом?

Питер был уверен.

– Ну, если ты просишь, то я дам, потому что я не скупой, но если тебе не понравится, то пеняй на себя.

Питер изъявил готовность, и Том открыл ему рот и влил ложку «Болеистребителя». Питер подпрыгнул на два аршина, испустил боевой клич и заметался по комнате, наталкиваясь на мебель, опрокидывая цветочные горшки, производя всеобщий беспорядок. Затем он поднялся на задние лапы и пустился в пляс, в каком-то бешеном веселье, закинув голову назад и выражая диким голосом свое несказанное блаженство. Потом снова заметался по комнате, оставляя хаос и разрушение на своем пути.

Тетка Полли вошла как раз вовремя, чтобы увидеть, как он, проделав несколько двойных сальто-мортале, испустил последнее мощное «ура» и вылетел в открытое окно, увлекая за собою остальные цветочные горшки. Старушка остановилась от изумления, глядя поверх своих очков; Том оказался по полу, задыхаясь от хохота.

– Том, что с ним случилось?

– Не знаю, тетя, – еле выговорил мальчик.

– Никогда не видала ничего подобного. Что же его так расстроило?

– Право, не знаю, тетя Полли, коты всегда так делают, когда они в духе.

– Да? Всегда, всегда так делают? – В голосе ее было что-то, внушившее ему опасение.

– Н-да. То есть, я думаю.

– Ты думаешь?

– Н-да.

Старушка нагнулась, а Том следил за ней с любопытством и беспокойством. Он слишком поздно угадал, на что она «нацелилась». Обличительная чайная ложка торчала из-под кровати. Тетка Полли взяла ее, осмотрела.

Том съезжился, опустил глаза. Тетка Полли подняла его обычным способом – за ухо – и звонко постучала по его голове.

– И не стыдно тебе, сударь, так мучить бедное бессловесное животное?

– Я это сделал, потому что мне его жаль стало, – ведь у него нет тетки.

– Нет тетки! Что за дурень! Причем тут тетка?

– А как же. Будь у него тетка, она сама обжигала бы ему нутро. Выжигала бы ему все внутренности, как человеку.

Тетка Полли почувствовала внезапное угрызение совести. Дело представлялось в новом свете: то, что было жестокостью по отношению к коту, могло быть жестокостью и по отношению к мальчику. Она смягчилась: ей стало жаль его. На глазах ее навернулись слезы, она погладила Тома по голове и сказала ласково:

– Я хотела тебе добра, Том. Да ведь лекарство принесло тебе пользу?

Том серьезно взглянул на нее с чуть заметным лукавством в глазах.

– Я знаю, что вы мне хотели добра, тетя, а я хотел добра Питеру. Ему оно тоже принесло пользу. Я никогда не видывал, чтобы он вертелся так ловко.

– Ох, перестань, Том, не сердь меня снова. Постарайся лучше сделаться хорошим мальчиком, тогда тебе не нужно будет принимать лекарств.

Том пришел в школу задолго до начала уроков. Это старание замечалось за ним в последнее время почти ежедневно. И сегодня он, по обыкновению, стал у ворот, отказавшись играть с товарищами. Он сказал, что ему нездоровится, да и выглядел больным. Он делал вид, что смотрит во все стороны, кроме той, куда действительно смотрел – вдоль по улице. Вдали показался Джефер Татчер, и лицо Тома просветлело. Он вглядывался с минуту, потом горестно отвернулся. Когда подошел Джефер Татчер, он поздоровался с ним и стал разными способами наводить его на разговор о Бекки, но этот вертопрах не замечал его намеков. Том долго ждал, предаваясь надежде всякий раз, как замечал мелькнувшее вдали платьице, и загораясь ненавистью к его обладательнице, когда оказывалось, что это не та. Наконец платьица перестали показываться, и он снова погрузился в безнадежную скорбь. Ушел в пустой класс и уединился со своим страданием. Еще платьице мелькнуло в калитке, и сердце Тома замерло. Мгновение спустя он был во дворе и бушевал, как индеец: визжал, хохотал, гонялся за мальчиками, прыгал через забор, рискуя сломать себе шею или переломать руки и ноги, кувыркался, становился на голову, – проделывал всевозможные геройские штуки, какие только мог придумать, и все время украдкой поглядывал, замечает ли его Бекки Татчер. Но она как будто вовсе не примечала его, ни разу даже не взглянула. Неужели же она его не замечает? Он перенес арену своих подвигов поближе к ней, сорвал с одного мальчика шапку и забросил ее на крышу, врезался в группу мальчиков, разметал их во все стороны и сам покатился к ногам Бекки, чуть не свалив ее. А она отвернулась, вздернув носик, и сказала, чтобы он слышал: «Хм, иные думают, что они ужасно как милы, – вечно выставляются».

Том вспыхнул. Он оправился и ускользнул со двора, уничтоженный и раздавленный.

Глава XIII

Юные пираты. – Плавание. – Беседа у костра.

Теперь Том принял решение. Он был в унынии и отчаянии. Он говорил себе, что он отвергнутый, всеми оставленный мальчик; никто не любит его; когда они узнают, до чего довели его, то может быть пожалеют; он пытался исправиться и вступить на верный путь, но они его не пустили, значит, им нужно только отделаться от него, – пусть же так и будет. И пусть они его же винят за последствия – да и почему бы им не винить? Разве отверженец может жаловаться? Да, они-таки довели его до крайности: он будет жить преступлением. Выбора нет. В это время он был уже далеко в лугах, и до его слуха долетел слабый звук школьного колокольчика, звонившего к занятиям. Он всхлипнул, подумав, что никогда больше не услышит этого знакомого родного звука – это было очень грустно, но он вынужден так поступить. Его изгоняют в суровый мир – приходится подчиниться, но он прощает им. Всклипывания усилились.

В эту самую минуту он увидел своего любезного закадычного друга Джо Гарпера – мрачного и очевидно таившего в душе какой-то великий и отчаянный план. Ясно было, что тут встретились «две души, проникнутые одной мыслью». Том, утирая глаза рукавом, начал хныкать что-то о своем намерении уйти от жестокого обращения и недостатка сочувствия, скитаться по широкому миру, чтобы уже не возвращаться домой, и в заключение высказал надежду, что Джо не забудет его.

Но оказалось, что Джо хотел обратиться к Тому именно с таким же предложением и отправился искать его с этой целью. Мать выпорола его за то, что он будто бы выпил какие-то сливки, которых он вовсе не трогал и даже в глаза не видал. Ясное дело, он надоел ей и она хотела от него отделаться. Коли уж такое у нее желание, то ему остается только подчиниться, пусть же она будет счастлива и никогда не пожалеет о том, что выгнала своего бедного мальчика в бесчувственный мир на муки и смерть.

Поделившись своими печальями, мальчики заключили новый договор стоять друг за друга, быть братьями и никогда не разлучаться, пока смерть не избавит их от мук. Затем стали излагать друг другу свои планы. Джо предлагал сделаться отшельниками и жить в пещере, питаясь корками и изнемогая, по временам, от холода, нужды и горя. Но, выслушав Тома, согласился, что преступная жизнь представляет значительные преимущества, и выразил готовность сделаться пиратом.

В трех милях ниже С.-Питерсбурга, там, где ширина Миссисипи немногим более мили, находился длинный, узкий, лесистый островок, с песчаной отмелью у верхнего конца, который мог служить отличным убежищем. Он был еще необитаем, расположен поблизости от противоположного берега, рядом с дремучим, почти девственным лесом. Итак, выбор их остановился на острове Джэксона. Кто будет жертвой их пиратских подвигов, – этим вопросом они не задавались. Но они разыскали Гекльберри Финна, и тот немедленно присоединился к ним, так как для него все карьеры были безразличны, ему все было трын-трава. Затем они разошлись, условившись сойтись в пустынном месте на берегу реки в двух милях выше деревни, в страшный час полуночи. Там стоял маленький плот, которым они рассчитывали завладеть. Каждый должен был принести удочку, крючков и запас провианта, какой только сумеет добыть воровским и таинственным способом, – как подобало разбойникам. И, еще прежде чем кончился день, они все насладились удовольствием похвастаться кое-кому, что деревня скоро «что-то услышит». Причем всем, выслушавшим эти смутные намеки, рекомендовалось «держаться за языки за зубами и ждать».

Около полуночи Том явился с вареным окороком и кое-какими мелочами и остановился в густом кустарнике на небольшом холме, над местом встречи. Звезды сияли, было очень тихо. Громадная река расстилалась, как уснувший океан. Том прислушался, но тишина не наруша-

лась никакими звуками. Тогда он тихо свистнул. Снизу ответили тем же. Том свистнул еще два раза, на этот сигнал последовал тот же ответ. Затем чей-то голос осторожно окликнул:

– Кто идет?

– Том Сойер, Черный Мститель Испанских Морей. Назовите ваши имена.

– Гек Финн Кровавая Рука и Джо Гарпер Ужас Морей. (Эти имена были заимствованы из любимой литературы Тома.)

– Хорошо. Скажите пароль.

Два голоса разом произнесли хриплым шепотом зловещее слово: «КРОВЬ»!

Том швырнул с пригорка окорок и сам скатился за ним не без ущерба для своей кожи и платья. Был очень удобный и спокойный спуск к берегу по тропинке, но он не обладал преимуществами затруднительности и опасности, столь ценными в глазах пирата.

Ужас Морей принес целую четверть свиной туши и едва дотащил ее до места. Финн Кровавая Рука стянул котелок и пачку полувысушенных табачных листьев. Он принес также несколько маисовых шишек для трубок, но кроме него никто из пиратов не курил и не «жевал жвачки». Черный Мститель заявил, что им необходимо запастись огнем. Это была резонная мысль, спички в то время еще не были в ходу. Они заметили тлевший костер на большом плоту в ста ярдах выше, прокрались туда и добыли головешку.

К этому предпрятию они отнеслись в высшей степени серьезно, произнося время от времени «тсс!» и внезапно останавливаясь, приложив палец к губам, хватаясь за воображаемые кинжалы и мрачным шепотом отдавая приказания «вонзаться по самую рукоятку», если враг шелохнется, так как «мертвые не станут болтать». Им было хорошо известно, что все плотовщики находятся в деревне, где они складывали лес или устраивали попойки, но это обстоятельство не могло бы служить извинением непиратского образа действий.

Наконец они отплыли. Том за командира, Гек и Джо гребцами, первый на корме, второй на носу. Том стоял посреди корабля, нахмутив брови и скрестив руки на груди, и отдавал приказания низким, суровым шепотом:

– Круче, идти к ветру!

– Есть, сэр!

– Круто, сэр!

– Отпусти немного!

– Сделано, сэр!

Так как мальчики упорно и непрерывно гребли на середину реки, то без сомнения им было понятно, что эта команда отдается лишь для эффекта и не имеет никакого действительного значения.

– Какие паруса подняты?

– Нижние, марсель и бом-кливер, сэр!

– Поднять трюмсели! Шестеро молодцов на фокстенги-стаксель! Живо!

– Есть, сэр!

– Убрать грот-брам-стаксель! Натянуть шкоты и брасы! Ну, ребята!

– Придерживаться к ветру – лево на борт! Навались! Лево, лево! Ну, молодцы! Разом!

Кру-у-то!

– Круто, сэр, есть!

Плот достиг середины реки. Мальчики направили его прямо по течению и положили весла. Вода была не высока, и скорость течения не превышала двух-трех миль в час. В продолжение следующих трех четвертей часа не было произнесено ни слова. Плот проплывал мимо отдаленной деревни. Два-три мерцавших огонька указывали, где она лежит, в мирном сне, за широкой полосой воды, отражавшей бесчисленные звезды, не подозревая о роковом событии.

Черный Мститель по-прежнему стоял, скрестив руки на груди, «бросая последний взгляд» на арену своих прежних игр и недавних страданий и желая, чтобы «она» могла видеть

его теперь, плывущим по бурному морю, готовым бестрепетно встретить опасности и смерть, идущим навстречу гибели с суровой улыбкой на устах. Воображению его ничего не стоило отодвинуть остров Джексона на недоступное взору расстояние от деревни, так что он действительно «бросал последний взгляд», с разбитым и довольным сердцем. Другие пираты тоже смотрели в последний раз, и так долго, что плот чуть было не пронесло мимо острова. Однако они вовремя заметили опасность и успели предотвратить ее. Около двух часов ночи плот сел на мель в двухстах ярдах от острова, и они вброд перетаскали свой груз. В числе принадлежностей плота оказался старый парус, который они натянули между кустами для защиты своих припасов, сами же решили спать в хорошую погоду на вольном воздухе, как подобает разбойникам.

Они развели костер возле огромного свалившегося дерева в дремучей чаще леса, шагах в двадцати или тридцати от опушки, и поджарили на сковородке часть свинины на ужин, за которым съели также половину захваченных с собой хлебцев. Великолепно было пировать на воле в девственном лесу неисследованного и необитаемого острова, вдали от людских поселений, и они говорили, что никогда не вернуться к цивилизации. Костер озарял их лица, бросая красноватый отблеск на высокие стволы – колонны их лесного храма – на блестящую зелень и вьющиеся лозы дикого винограда. Когда последний ломтик свинины был съеден и последняя порция хлеба исчезла, мальчики растянулись на траве в полном удовольствии. Они могли бы выбрать местечко более прохладное, но не хотели лишиться себя такого романтического удовольствия, как пылающий походный костер.

– А ведь важное житье? – сказал Джо.

– Малина! – ответил Том.

– Что бы сказали мальчики, если бы могли видеть нас?

– Что бы сказали? Да им бы до смерти захотелось быть здесь, правда, Гек?

– Я думаю, – сказал Гекльберри, – мне-то, по крайней мере, оно по вкусу. Ничего лучше я не желаю. Дома мне никогда не приходится есть досыта. К тому же сюда никто не придет колотить и допекать меня.

– Такая жизнь как раз по мне, – сказал Том. – Не нужно рано вставать по утрам, ходить в школу, умываться и проделывать всякие глупости. Видишь ли, Джо, пирату не нужно ничего делать, когда он на суше, а отшельник обязан молиться, и у него нет никаких развлечений, он всегда один.

– О да, это верно, – отвечал Джо, – но я, знаешь, не подумал об этом как следует. Теперь, когда я испытал жизнь пирата, она мне куда больше нравится.

– К тому же, – продолжал Том, – отшельников теперь уже не так почитают, как в старые времена, пират же всегда пользуется уважением. А ведь отшельнику приходится выбирать для сна самое жесткое место, какое только он может найти, носить власяницу и посыпать голову пеплом, становиться под дождь и...

– Зачем ему носить власяницу и посыпать голову пеплом? – осведомился Гек.

– Не знаю. Но они делают это. Отшельники всегда так делают. Ты сам бы делал это, если бы был отшельником.

– Ну, это дудки! – сказал Гек.

– Ну так что ж бы ты делал?

– Не знаю. Но этого бы я не стал делать.

– Ну конечно стал бы, Гек. Как же бы ты без этого обошелся?

– И очень просто бы обошелся. Я бы убежал.

– Убежал! Вот так отшельник! Да ведь это срам.

Кровавая Рука не отвечал, занявшись более важным делом. Он выдолбил чашечку и приспособил к ней камышинку, затем набил эту трубку табаком, раскурил при помощи уголька и выпустил клуб ароматного дыма, затягиваясь с наслаждением. Остальные пираты завидовали

этому величественному пороку и про себя решили усвоить его в самом непродолжительном времени.

Затем Гек спросил:

– Чем занимаются пираты?

– О, у них дел по горло! – сказал Том. – Брать корабли, и жечь их, и забирать деньги, а потом зарывать их в потаенных местах, на островах, где водятся привидения и всякая такая нечисть, чтобы охранять клады. И они убивают всех людей на кораблях – заставляют их прыгать за борт.

– А женщин они тоже увозят на острова, – заметил Джо, – их они не убивают?

– Нет, – согласился Том, – женщин они не убивают, – они слишком благородны для этого.

А женщины эти всегда красавицы.

– А как они одеваются! Ого-го! В золоте, в серебре, в алмазах! – сказал Джо с восторгом.

– Кто? – спросил Гек.

– Да пираты.

Гек не без смущения окинул взглядом свою одежду.

– Ну, я, сдастся мне, одет вовсе не по-пиратски, – сказал он с грустью в голосе. – Но у меня ничего другого нет.

Товарищи утешили его, сказав, что нарядные платья не замедлят явиться, как только они начнут свои похождения. Они объяснили ему, что для начала годятся и его лохмотья, хотя богатые пираты приступают к делу в приличных костюмах.

Постепенно разговоры стали стихать, и веки маленьких беглецов начали тяжелеть. Трубка выскользнула из пальцев Кровавой Руки, и он заснул беззаботным сном. Не так легко было уснуть Ужасу Морей и Черному Мстителю. Они прочли молитвы про себя и лежа, так как не было власти, которая могла бы заставить их встать на колени и прочесть вслух; по правде сказать, они хотели было обойтись совсем без молитвы, но не решились сразу зайти так далеко, опасаясь, как бы не поразил их за это гром небесный. Затем они уже совсем было стали засыпать, но что-то новое зашевелилось в душе и не давало покоя. Это была совесть. У них возникло смутное опасение, что они поступили не совсем хорошо, убежав из дому; затем вспомнился украденный провиант, и на душе стало совсем скверно. Они старались успокоить совесть, говоря себе, что и раньше не раз воровали сласти и яблоки, но совесть не поддавалась на эти увертки. В конце концов они должны были признать, что таскать сласти это и значит только таскать, а унести тайком окорок или свинину и тому подобные ценные предметы – это уж простое и прямое воровство, а его и Библия запрещает. Поэтому они решили про себя, что пока будут заняты пиратством, не осквернять его грехом воровства. Это немного успокоило их совесть, и непоседливые пираты заснули мирным сном.

Глава XIV

Жизнь на воле. – Ощущения. – Том наведывается домой.

Проснувшись под утро, Том не сразу понял, где он находится. Он сел, протер глаза, осмотрелся и сообразил, в чем дело. Был прохладный серенький рассвет, и глубокое безмолвие леса навевало отрадное чувство мира и тишины. Ни единый листок не шевелился, ни единый звук не нарушил величавого раздумья природы. Трава и зелень были унизаны каплями росы. Белый слой золы прикрывал костер, и только голубоватая струйка дыма курилась в воздухе. Джо и Гек еще спали. Но вот где-то далеко в лесу защебетала птица, другая ответила ей; дятел забарабанил в чаше. Мало-помалу холодная серая предрассветная мгла побелела; постепенно звуки умножились, пробуждалась жизнь. Чудное зрелище природы, стряхивающей с себя сон и принимающейся за дело, развертывалось перед мальчиком. Маленькая зеленая гусеница поползла по росистому листу, время от времени поднимая в воздух две трети своего тела, «обнюхивая» и продолжая «мерять» дальше, как выражался Том; и когда она поползла к нему по собственному побуждению, он сидел, не шелохнувшись, как вкопанный, то предаваясь надежде, то утрачивая ее, смотря по тому, продолжало ли это крошечное создание двигаться к нему или обнаруживало намерение свернуть в сторону. Когда же, наконец, после минутного мучительного колебания, оно решительно вползло на ногу Тома и продолжало путешествовать через нее, он возрадовался всем сердцем, так как это означало, что у него будет новая пара платья, – без всякого сомнения, пышный пиратский костюм. Затем появилась, бог весть откуда, вереница муравьев и принялась за работу. Один из них мужественно вцепился в дохлого паука, впятеро больше его самого, и поволок его вверх на пень. Бурая пятнистая божья коровка взобралась на головокругительную высоту былинки, а Том наклонился под ней и сказал:

Божья коровка, божья коровка, лети-ка домой,
В твоём доме пожар, твои детки одни, —

и она тотчас расправила крылышки и полетела посмотреть, что нисколько не удивило мальчика: он давно знал, что это насекомое удивительно доверчиво к вестям о пожаре, и не раз уже дурачил его, пользуясь его простотой. Затем явился навозный жук, энергично ворочая свой ком, и мальчик дотронулся до него, чтобы посмотреть, как он подождет лапки и притворится мертвым. Птицы тем временем совсем расходились. Дрозд-пересмешник уселся над головой Тома и с восторгом принялся передразнивать голоса соседей; потом крикливая сойка, точно голубой огонек, скользнула вниз, уселась на ветке подле самого мальчика, нагнула голову набок и принялась с жадным любопытством рассматривать пришельцев; серая белка и какой-то более крупный зверек мышиной породы пробежали мимо, присаживаясь по временам и ворча на мальчиков, так как дикие животные здесь, вероятно, еще не видали человека и вряд ли знали, нужно ли его бояться или нет. Вся природа проснулась и зашевелилась, длинные стрелы солнечных лучей пронизали там и сям густую листву, кругом порхали мотыльки.

Том растолкал других пиратов. Они помчались с криком и спустя минуту или две, сбросив с себя все, гонялись друг за другом и барахтались в мелкой прозрачной воде белой песчаной отмели. Они ничуть не стремились в деревню, дремавшую вдали за величественной ширью вод. Течение или прибывшая вода унесла их плот, но они даже обрадовались, что благодаря этому обстоятельству некоторым образом сожжены мосты между ними и цивилизацией.

Они вернулись на стоянку удивительно освеженные, веселые и голодные как волки. И вскоре костер снова пылал. Гек нашел неподалеку родник, они свернули себе стаканы из широких листьев орешника и нашли, что ключевая вода, подслащенная прелестью дикой лесной жизни, может с успехом заменить кофе. Когда Джо принялся резать ветчину для завтрака, Том и Гек попросили его подождать минутку. Они отправились к одному много обещавшему

местечку у берега, закинули удочки, и почти немедленно были вознаграждены. Джо не успел еще потерять терпение, когда они вернулись, таща несколько окуней, пару язей и соменка – запас, которого хватило бы для целой семьи. Они зажарили рыбу вместе с ветчиной и были изумлены: никогда еще рыба не казалась им такой вкусной. Они еще не знали, что чем скорее речная рыба попадет на огонь после поимки, тем вкуснее выходит, и не размышляли о том, какую чудесную приправу составляют сон на воздухе, движение на воздухе, купание и сильный аппетит.

После завтрака они лежали в тени, пока Гек курил свою трубку, а затем отправились в лес на разведку. Они весело перелезали через поваленные стволы, пробирались сквозь густые кустарники, мимо величественных царей леса, окутанных от вершины до земли мантией из вьющихся виноградных лоз. Местами им попадались уютные прогалины, одетые травой и усыянные цветами.

Они нашли бездну занимательного, хотя ничего поразительного. Убедились, что остров имеет в длину около трех миль, а в ширину около четверти мили, и отделен от ближайшего к нему берега только узким проливом, ярдов в двести шириной. Они купались каждый час, так что вернулись на стоянку уже под вечер. Слишком голодные, чтобы приниматься за уже-ные рыбы, они роскошно пообедали ветчиной и, растянувшись в тени, стали разговаривать. Но разговор не клеился и вскоре совсем прекратился. Торжественная тишина леса и чувство одиночества действовали на души мальчиков. Они задумались. Какая-то смутная грусть закралась в их сердца. Мало-помалу она приняла более определенную форму – зарождающейся тоски по дому. Даже Финн Кровавая Рука с грустью вспоминал о крылечках и пустых бочках. Но они устыдились своей слабости, и ни у кого не хватало духа высказывать свои мысли вслух.

Некоторое время мальчики смутно слышали какой-то особенный звук вдали, как будто тиканье часов, но очень неясное. Вскоре загадочный звук стал слышнее; требовалось выяснить, что это такое. Мальчики насторожились, переглянулись и стали прислушиваться. Последовало продолжительное, глубокое, ничем не нарушаемое молчание; затем глухой, зловецкий грохот прокатился вдали.

– Что это такое? – воскликнул Джо вполголоса.

– Не понимаю, – шепнул Том.

– Это не гром, – сказал Гекльберри испуганным тоном, – потому что гром...

– Молчи! – сказал Том, – слушай, не разговаривай.

Они прождали несколько минут, показавшихся им веком, и снова тот же глухой гул возмутил торжественную тишину.

– Пойдемте посмотрим.

Они вскочили и поспешили к берегу, обращенному к деревне. Раздвинув прибрежные кусты, они выглянули на реку. Маленький паровой паром на милю вниз от деревни двигался по течению. На палубе толпился народ. Кругом парома сновали ялики, но что делали сидевшие в них люди, мальчики не могли разобрать. Вдруг большой клуб белого дыма вылетел с парома, превратился в облако и медленно развеялся, и снова глухой грохот донесся до слуха мальчиков.

– Теперь знаю! – воскликнул Том. – Кто-нибудь утонул.

– Да, – сказал Гек, – они проделывали это и прошлым летом, когда утонул Билль Тернер. Палили из пушки над головой, – от этого тело всплывает. Да, а кроме того, они берут ломоть хлеба и кладут в него ртуть и пускают на воду, он плывет к тому самому месту, где лежит утопленник, и останавливается над ним.

– Да, я слышал об этом, – сказал Джо. – Не понимаю, почему хлеб так действует.

– О, тут дело не в хлебе, – сказал Том. – Я думаю, они наговаривают на хлеб, а потом уже пускают.

– То-то, что ничего не наговаривают, – возразил Гек. – Я сам видел, – ничего не говорят.

– Ну, это вздор, – сказал Том. – Может быть, они говорят про себя. Да и наверно так. Всякий может понять.

Остальные мальчики согласились, что слова Тома имеют основание, так как бессмысленный кусок хлеба, не приправленный надлежащим заклинанием, вряд ли бы мог исполнить такое важное поручение.

– Хотелось бы мне там быть, – заметил Джо.

– Мне тоже, – сказал Гек. – Я бы дорого дал, чтобы узнать, кто это.

Мальчики продолжали слушать и ждать. Вдруг Тома озарила мысль и он воскликнул:

– Ребята, я знаю, кто утонул: мы!

Они моментально почувствовали себя героями. Триумф был полный: их хватились; о них горюют; о них сокрушаются, о них льют слезы; пробуждаются угрызения совести по поводу обид, нанесенных бедным пропавшим ребятишкам, и бесполезные сожаления и упреки, а главное, о беглецах толкует вся деревня и все мальчики завидуют их ослепительной славе. Это было лестно. Ради этого стоило быть пиратом.

Когда стемнело, паром вернулся к перевозу и ялики исчезли. Пираты вернулись на стоянку. Они ликовали в тщеславном сознании своего величия и знатной суматохи, которую им удалось наделать. Они наудили рыбы, приготовили ужин и съели его, а затем стали рассуждать о том, что думают и говорят о них в деревне; и картины общего сожаления об их участи, которые они рисовали себе, были очень лестны с их точки зрения. Но когда спустилась ночь, они постепенно смолкли и сидели, уставившись на огонь, блуждая мыслями где-то далеко. Возбуждение улеглось; Том и Джо не могли не сообразить, что дома у них остались родные, которым эта великолепная проказа отнюдь не доставила такой радости, как им. Обиды были забыты. Они чувствовали себя смущенными и несчастными. Невольный вздох вырвался раз или два. Наконец Джо решился осторожно проверить, что думают другие насчет возвращения к цивилизации, – не сейчас, а...

Том зажал ему рот с презрительной насмешкой. Гек, еще не скомпрометированный, присоединился к Тому, и малодушный поспешил объясниться и был рад, что отделался только насмешками по поводу цыплячьего сердца, соскучившегося по родимому курятнику. Возмущение заглохло на этот раз в самом зародыше.

Когда сгустилась тьма, Гек начал клевать носом и наконец захрапел. Джо вскоре последовал его примеру. Том лежал, опершись на локоть, и следил за товарищами, не шевелясь. Потом он осторожно встал на колени и принялся шарить в траве при трепетном свете догорающего костра. Он подобрал и осмотрел несколько полуцилиндрических кусков тонкой белой коры индейской смоковницы и наконец выбрал два, показавшиеся ему подходящими. Затем встал на колени перед огнем и кое-как нацарапал что-то «красным килем» на обоих кусках коры. Один из них он свернул и положил в карман своей куртки, другой же засунул в шляпу Джо и отодвинул ее на небольшое расстояние от владельца. В шляпу же он сложил кое-какие свои сокровища, почти несметной цены, в том числе кусок мела, мячик и настоящий хрустальный шарик. Затем он ушел, пробираясь на цыпочках между кустами, пока не убедился, что его не могут услышать, а тогда уже пустился бегом к песчаной косе.

Глава XV

Том в разведке. – Том узнает новости. – Отчет товарищам.

Спустя несколько минут Том брел по мелководью, направляясь вброд к Иллинойскому берегу. Он был на половине пути, когда вода достигла ему до пояса. Дальше течение не позволяло идти, и он смело пустился вплавь через оставшиеся сто ярдов. Он плыл наискось, против течения, которое, однако, относило его быстрее, чем он ожидал. Как бы то ни было, он достиг наконец берега и отдался течению, пока не поравнялся с низким местом, где можно было выйти. Выбравшись на берег, он сунул руку в карман, убедился, что кусок коры цел, и пошел кустами, вдоль реки. С одежды его струилась вода. Незадолго до десяти часов он выбрался на открытое место против деревни и увидел паром в тени деревьев у высокого обрыва. Все было спокойно под мерцающими звездами. Том осторожно сполз к берегу, глядя во все глаза, скользнул в воду, сделал три или четыре взмаха и, добравшись до ялика, привязанного к парому, влез в него и, спрятавшись под скамейкой, стал ждать с замирающим сердцем. Прозвенел разбитый колокольчик, и чей-то голос отдал приказ отчаливать. Спустя минуту или две нос ялика уже поднялся за кормою парома – и путешествие началось. Том был рад своей улаче, так как знал, что это последний паром в этот день. Спустя двенадцать или пятнадцать минут паром остановился, и Том выскользнул из ялика и поплыл к берегу в темноте. Он выбрался ярдах в пятидесяти ниже по течению, чтобы не встретиться с кем-нибудь. Затем побежал пустынными переулками и вскоре очутился перед забором тетки. Он перелез через него, приблизился к «аду» и заглянул в освещенное окно гостиной. Там сидели и разговаривали тетка Полли, Мэри, Сид и мать Джо Гарпера. Сидели они по ту сторону кровати, которая находилась между ними и дверью. Том подошел к двери и принялся тихонько приподнимать щеколду, затем слегка надавил на дверь, и она скрипнула. Он продолжал осторожно толкать ее, замирая всякий раз, когда она скрипела, пока, наконец, не нашел, что можно пролезть в нее на коленях; тогда он просунул в щель голову и осторожно пополз.

– Что это пламя так колышется? – сказала тетка Полли. Том заторопился. – Видно, дверь отперли. Ну да, так и есть. Странное все творится, и конца ему нет. Поди-ка, запри ее, Сид.

Том вовремя скрылся под кроватью. Некорое время он лежал, чтобы отдышаться, а потом прополз дальше, почти к самым ногам тетки.

– Но я всегда говорила, – сказала она, – что он был не дурной мальчик, только шалун. Просто ветренник, повеса. Спрашивать с него было все равно, что с жеребенка. Никогда он не хотел никому зла, добрейший был мальчик, какого я только знала, – тут она расплакалась.

– Точь-в-точь мой Джо – всегда готов беситься, мастер на всякие проказы, но был самый нежный и добрый мальчик. И как подумаю, что я высекла его за сливки, совсем забыв, что я сама же их выплеснула, потому что они прокисли, и я никогда не увижу его на этом свете, никогда, никогда, никогда, бедного обиженного мальчика!

Мистрис Гарпер зарыдала навзрыд, как будто сердце у нее готово было разорваться.

– Я надеюсь, что Тому лучше там, где он находится, – сказал Сид, – но если бы он лучше вел себя...

– Сид! – Том почувствовал, как блеснули глаза старушки, хотя и не мог этого видеть. – Ни слова против моего Тома теперь, когда его нет! Господь позаботился о нем – не беспокойтесь, сэр. О, мистрис Гарпер, не знаю, как мне быть без него, как мне быть без него! Он был таким утешением для меня, хотя и терзал мое старое сердце.

– Бог дал, Бог и взял. Благословенно имя Господне! Но это так тяжело – ох, так тяжело! Не дальше как в прошлую субботу мой Джо выпалил хлопнушкой под самым моим носом, а я шлепнула его так, что он упал. Не знала я тогда, как скоро... О, если бы он сделал это теперь, я бы обняла его и благословила за это.

– Да, да, да, я понимаю ваши чувства, мистрис Гарпер, о, как я понимаю ваши чувства! Не дальше как вчера мой Том влил коту в глотку ложку «Болеистребителя», и я думала, что животное весь дом разнесет. И прости мне Бог, я чуть не разбила Тому голову наперстком, бедному мальчику, бедному погибшему мальчику! Но теперь все его страдания кончились. И последнее слово, которое я от него слышала, был упрек.

Но это воспоминание было чересчур тяжело для старушки, и она окончательно разрыдалась. Том тоже всхлипывал – более из сожаления к себе самому, чем к кому бы то ни было. Он слышал, как плакала Мэри и время от времени тоже вставляла о нем ласковое словечко. Он начинал думать о себе лучше, чем когда-либо раньше. Во всяком случае, он был настолько тронут горем своей тетки, что ему хотелось выскочить из-под кровати и несказанно обрадовать ее, – да и театральная эффект подобной шутки сильно соблазнял его, – но он удержался и лежал спокойно. Продолжая слушать, он уловил из обрывков разговора, что сначала подумали, не утонули ли мальчики во время купанья; затем было замечено отсутствие маленького плота; некоторые из ребят сообщили об обещании беглецов насчет того, что деревня скоро «кое-что услышит»; тогда мудрые головы, «сопоставив и взвесив» все данные, решили, что беглецы уплыли на этом плоту и высадутся в ближайшей деревне. Но под вечер плот нашли увязшим близ Миссурийского берега в пяти или шести милях ниже деревни, и тогда всякая надежда пропала. Мальчики очевидно утонули, иначе голод заставил бы их вернуться домой к вечеру, если не раньше. Решено было, что поиски тел остались бесплодными только потому, что катастрофа произошла посреди реки, иначе бы мальчики, которые были хорошими пловцами, достигли берега. Была среда. Если тела не будут найдены до воскресенья, то придется отказаться от всяких надежд и отслужить по ним заупокойную службу. Том содрогнулся.

Мистрис Гарпер рыдая простилась и собралась уходить. Движимые одним и тем же побуждением, обе убитые горем женщины бросились в объятия друг к другу, облегчили себя слезами и расстались. Тетка Полли нежнее, чем обыкновенно, простилась с Сидом и Мэри. Сид похныкал немножко, а Мэри ушла с искренними слезами.

Тетка Полли стала на колени и молилась за Тома так трогательно, так жарко, с такой безмерной любовью, изливавшейся в ее словах, звучащей в ее дрожащем старческом голосе, что он залился слезами гораздо раньше, чем она кончила.

Ему пришлось лежать еще долго после того, как она улеглась в постель, так как она время от времени издавала горестные восклицания, металась, ворочалась с боку на бок. Наконец, однако, она успокоилась и только слегка стонала во сне. Тогда мальчик вылез из-под кровати, тихонько встал, заслонила рукою свечу и долго смотрел на старушку. Сердце его было полно глубокой жалости к ней. Он достал из кармана кусок коры и положил его возле свечки. Но вдруг что-то пришло ему в голову. Лицо его осветилось какой-то счастливой мыслью. Он снова засунул кору в карман, нагнулся и поцеловал увядшие губы, затем осторожно выбрался вон и запер за собою дверь на шеколду.

Он вернулся к перевозу, не встретив ни души, и смело вошел на паром, зная, что не найдет там никого, кроме сторожа, который всегда укладывался и засыпал, как надгробная статуя. Том отвязал ялик, уселся в него и принялся осторожно грести против течения. Поднявшись на милю выше деревни, он направился наискось через реку, изо всех сил налегая на весла. Ему удалось счастливо пристать к противоположному берегу, так как это дело было привычным для него. Ему хотелось завладеть яликом, так как последний мог сойти за корабль и, следовательно, составить законную добычу пирата, но он знал, что ялик будут искать и таким образом, пожалуй, доберутся до них. Поэтому он вылез на берег и вошел в лес. Тут просидел он довольно долго, всячески мучая себя, чтобы не заснуть, а затем устал побрел к стоянке. Ночь уже подходила к концу. Светало, когда он поравнялся с островом. Он посидел, пока солнце взошло и позолотило великую реку, а затем бросился в воду. Немного погодя он стоял, мокрый, у самого становища и слышал, как Джо говорил:

– Нет, Том честный малый, Гек, и вернется назад. Он не сбежит. Он знает, что это неблагоприятно со стороны пирата. Том слишком горд для этого. Он ушел за чем-нибудь. За чем только, не понимаю.

– Но вещи-то все-таки наши, разве нет?

– Нет еще, Гек. В письме сказано, что они наши, если он не вернется к завтраку.

– Вот он я! – проговорил Том с драматическим эффектом, величественно вступая в становище.

Вскоре был готов роскошный завтрак из рыбы и свинины, и когда мальчики принялись за него, Том рассказал (и украсил) свои похождения. Они были самой спесивой и хвастливой компанией героев к концу рассказа. Затем Том выбрал тенистое местечко и улегся спать до полудня, а остальные пираты занялись рыбной ловлей и исследованием местности.

Глава XVI

Развлечения в течение дня. – Том открывает тайну. – Пираты учатся курить. – Ночной сюрприз. – Индейцы.

После обеда все пошло на охоту за черепашьими яйцами, на отмель. Они постукивали палками по песку и, найдя рыхлое место, становились на колени и разгребали песок руками. Случалось находить таким образом пятьдесят-шестьдесят яиц в одной кладке. Они были совершенно круглые, белые, немного меньше обыкновенного лесного ореха. Вечером мальчики состряпали великолепную яичницу. В пятницу утром, после завтрака, они принялись с визгом и хохотом гоняться друг за другом на мели, постепенно сбрасывая платье, пока не остались совсем голыми, после чего продолжали свою забаву на мелководье, причем течение иногда сбивало их с ног, увеличивая веселье. Иногда они сходились и начинали плескаться друг другу в лицо водой, постепенно приближаясь, отворачивая лица, чтобы избежать струи воды, сцепляясь, наконец, и стараясь свалить друг друга в воду, причем все трое переплетались в клубок белых рук и ног и барахтались, отдуваясь, отплевываясь, хохоча и едва переводя дух.

Утомившись, они бежали на отмель и растягивались на сухом горячем песке, зарываясь в него, опять возвращались в воду и начинали прежнюю забаву. Под конец им пришлось в голову, что их голое тело очень похоже на трико телесного цвета, – тогда они начертили круг на песке и устроили цирк, состоявший из трех клоунов, так как никто не хотел уступать другому этого почетнейшего звания.

Затем принялись за шарики и играли в разные игры, пока не надоело. После этого Джо и Гек еще раз выкупались, но Том не решился, так как оказалось, что, снимая штаны, он сбросил нечаянно и нитку с нанизанными на ней погремушками с гремучей змеи, которую носил вокруг лодыжки, так что удивительно было, как это он избежал судороги, оставаясь без защиты таинственного амулета. Он не решился лезть в воду, пока не разыскал эту нитку, а тем временем товарищи успели накупаться досыта и вышли отдохнуть. Постепенно они разошлись в разные стороны, призадумались и начали тоскливо посматривать за реку на деревню, дремавшую под солнцем. Том поймал себя на том, что писал на песке большим пальцем ноги «Бекки». Он стер имя и рассердился на себя за свою слабость. Но потом опять написал, не выдержал. Снова стер и, чтобы отделаться от искушения, кликнул товарищей и присоединился к ним.

Но Джо безнадежно упал духом. Он так тосковал по дому, что не мог больше выдержать. Слезы почти явно выступали у него на глазах. Гек тоже погрузился в меланхолию. Да и у Тома кошки скребли на сердце, но он старался не показывать вида. У него была тайна, сообщать которую он считал преждевременным, рассчитывая пустить ее в ход, если не удастся усмирить мятежное уныние. Он сказал самым веселым тоном:

– Бьюсь об заклад, ребята, что на этом острове и раньше нас жили пираты. Мы исследуем его еще раз. Здесь должны быть клады. Что вы скажете, если нам удастся вырыть сгнивший сундук, полный золота и серебра, а?

Но это заявление не возбудило особенного восторга и осталось без ответа. Том придумал еще два-три соблазнительных предложения, но и они не имели успеха. Выходило совсем дрянное дело. Джо сидел, ковыряя палкой песок, и выглядел очень угрюмым. Наконец он сказал:

– Ох, братцы, бросим-ка это. Я хочу домой. Тут уж очень тоскливо.

– Да нет, Джо, ты привыкнешь помаленьку, – сказал Том. – Подумай, как здесь хорошо ловится рыба.

– Надоела мне рыба. Я домой хочу.

– Но, Джо, ведь другого такого места для купанья не сыщешь.

– А что в нем, в купании? Ну его совсем. Оно только тогда и хорошо, когда кто-нибудь не пускает. Сказано, домой хочу.

– Ох, уж ты, младенец! К мамаше захотелось.

– Ну да, я хочу видеть маму, и ты бы захотел, если бы у тебя была. Я такой же младенец, как и ты! – И Джо слегка всхлипнул.

– Ладно, отпустим этого плаксу домой, к маме, правда, Гек? Бедняжка, – к маме захотелось! Ну и пусть идет! Тебе здесь нравится, правда, Гек? Ты останешься, да?

Гек сказал: «д-да-а», – без всякого воодушевления.

– Я никогда в жизни больше не стану говорить с тобой, – сказал Джо, вставая. – Так и знай!

Он угрюмо отошел и стал одеваться.

– Велика важность! – ответил Том. – И не нуждаюсь. Иди домой, пусть над тобой смеются. Славный пират, нечего сказать. Мы с Гekom не младенцы-плаксы. Мы останемся, правда, Гек? Пусть идет, коли хочет. Мы и без него справимся, надеюсь.

Тем не менее, Том чувствовал себя не в своей тарелке и был очень встревожен, видя, что Джо продолжает одеваться с мрачным видом. Смущало его и то, что Гек очень уж внимательно следил за приготовлениями Джо, храня зловещее молчание. Наконец, не сказав ни слова на прощанье, Джо побрел к Иллинойскому берегу. У Тома защемило сердце. Он взглянул на Гека. Гек не вынес его взгляда и опустил глаза. Затем он сказал:

– Я тоже хочу домой, Том. Тут и без того было жутко, а теперь еще хуже станет. Пойдем-ка, Том.

– Не хочу. Уходите, если вам хочется. Я остаюсь.

– Том, а я лучше уйду.

– Ну и ступай – кто тебя держит?

Гек стал натягивать свои дырявые штаны.

– Том, пойдем-ка лучше. – сказал он. – Подумай-ка. Мы подождем тебя на берегу.

– Не стоит время тянуть – не дождетесь.

Гек печально побрел восвояси, а Том стоял, глядя ему вслед, и ему крепко хотелось побороть свою гордость и тоже отправиться. Он надеялся, что мальчики остановятся, но они продолжали медленно брести. Внезапно Тому показалось, что кругом стало очень пустынно и тихо. Он окончательно осилил свою гордость и устремился вслед за товарищами, крича:

– Постойте! Постойте! Я вам что-то скажу!

Они остановились и обернулись. Подойдя к ним, он стал рассказывать свой секрет. Сначала они слушали его угрюмо, но когда поняли, в чем «штука», то крикнули «ура» и объявили, что это великолепно и что если бы он сказал им раньше, то они и не подумали бы уходить. Он придумал какое-то благовидное объяснение, но действительная причина его молчания заключалась в опасении, что слишком раннее открытие тайны не помешало бы им соскучиться, почему он и решил хранить ее как последнее средство на самый крайний случай.

Мальчики весело вернулись назад и занялись обычными играми, все время болтая об удивительном плане Тома и восхищаясь его гениальностью. После вкусного обеда, состоявшего из черепаших яиц и рыбы, Том заявил, что ему хочется научиться курить. Джо ухватился за эту мысль и сказал, что он тоже попробует. Ввиду этого Гек сделал и набил им трубки. Эти новички никогда еще не курили ничего кроме сигар, свернутых из виноградных листьев, которые щипали им языки и не считались серьезным куревом.

Теперь они растянулись на земле, опираясь на локти, и принялись осторожно и не слишком уверенно пускать клубы дыма. Дым был неприятен на вкус, и их слегка тошнило, однако Том сказал:

– Да это очень просто! Знай я, что это все, я бы давно выучился.

– Я тоже, – сказал Джо. – Чистые пустяки.

– Да, сколько раз я видал, как люди курят, и думал: хотелось бы и мне уметь курить, – но мне всегда казалось, что я не сумею, – продолжал Том. – Вот что я думал, правда, Гек? Помнишь, я говорил тебе? Наверно, Гек помнит, как я это говорил.

– Да, сколько раз, – подтвердил Гек.

– Ну вот, – продолжал Том, – сотни раз. Однажды говорил у бойни. Помнишь, Гек? Тут были Боб Таннер, Джонни Миллер и Джефф Татчер. Ты разве не помнишь, Гек?

– Как же, помню, – ответил Гек. – Это было на другой день после того, как я потерял белый шарик, нет, накануне того дня!

– Ну вот, я говорил это, – сказал Том. – Гек помнит.

– Я думаю, что я мог бы курить трубку целый день, – заметил Джо. – Меня несколько не тошнит.

– И меня, – подхватил Том. – Я мог бы курить целый день, но я ручаюсь, что Джефф Татчер не может.

– Джефф Татчер! Да он от двух затяжек свалится. Пусть попробует, сам увидит.

– Наверное, а Джонни Миллер – хотел бы я посмотреть, как Джонни Миллер примется за это дело.

– Хотел бы и я! – сказал Джо. – Ну, Джонни Миллеру и приниматься не стоит. Он и одной затяжки не выдержит.

– Это верно, Джо. А хотелось бы мне, чтобы мальчики увидели нас теперь.

– Да, и мне бы хотелось.

– Слушайте, ребята, вы об этом ни гу-гу, а как-нибудь, когда они все будут в сборе, я подойду к тебе и спрошу: «Джо, нет ли у тебя трубки? Покурить хочется!» А ты скажешь, этак равнодушно, словно для нас оно плевое дело: «Да. У меня моя *старая* трубка, да есть и другая, только табак-то неважный». А я скажу: «О, это ничего, был бы *крепок*». А затем ты достанешь трубки, и мы закурим себе, как ни в чем не бывало, – и то-то они будут глаза пялить!

– Ей-ей хорошо будет, Том. Хотел бы я, чтобы это было теперь!

– И мне бы хотелось. А когда мы им расскажем, что научились курить, будучи пиратами, небось они позавидуют, что не были с нами.

– О, еще бы! Бьюсь об заклад, что позавидуют.

Разговор продолжался, но понемногу начинал становиться вялым и отрывистым. Паузы становились длиннее; отплеыванье изумительно усилилось. Каждая пора во рту мальчиков превратилась в какой-то фонтан слюны: они едва успевали выплевывать жидкость, скапливавшуюся под языком; она проникала в глотку и вызывала громкую икоту. Лица мальчиков были бледны и жалки. Трубка Джо выскользнула из его ослабевших пальцев. Трубка Тома последовала ее примеру. Оба фонтана действовали неистово, и оба насоса откачивали вовсю. Джо сказал слабым голосом:

– Я потерял ножик. Пойду-ка поищу его.

Том произнес дрожащими губами, стараясь выговаривать ясно:

– Я тебе помогу. Ступай той дорогой, а я пойду в обход, через ручей. Нет, тебе незачем идти, Гек, мы сами найдем.

Гек остался и ждал целый час. Наконец ему стало жутко одному, и он пошел искать товарищей. Они оказались в разных углах леса, далеко друг от друга; оба были очень бледны и сонны. Но кое-какие следы удостоверили, что если им было дурно, то теперь они облегчились.

В этот вечер они мало говорили за ужином, и вид у них был сконфуженный. Когда же Гек после ужина набил себе трубку и собирался набить и им, они отказались, говоря, что чувствуют себя не совсем хорошо – съели что-то такое, что повредило им.

Около полуночи Джо проснулся и разбудил товарищей. В воздухе чувствовалась томительная тяжесть, предвещавшая что-то недоброе. Мальчики сбились в кучку и подсели поближе к приветливому огоньку, несмотря на удушливый зной неподвижной атмосферы. Они

сидели молча, прислушиваясь и поджидая. За пределами освещенного костром пространства все было погружено в черную тьму. Вдруг какой-то слабый трепетный блеск озарил на мгновение листву и пропал. За ним последовал другой, сильнее. Потом еще. Потом точно слабый вздох пронесся по лесной чаще. Мальчики ощутили слабое дыхание на своих щеках и вздрогнули, вообразив, что пролетел сам Дух ночи. Последовала пауза.

Вдруг ослепительный свет превратил ночь в день, так что каждую былинку можно было разглядеть ясно и отчетливо. Можно было также видеть три бледных, растерянных лица. Страшный удар грома прокатился по небу и замер отдаленными раскатами. Пронесся холодный порыв ветра, шелестя листьями и поднимая столбом белый пепел костра. Снова яркий свет озарил лес, и в то же мгновение страшный удар точно расщепил верхушки деревьев над головами мальчиков. Они в ужасе уцепились друг за друга в наступившей затем непроглядной тьме. Крупные капли дождя забарабанили по листьям.

– Живо, ребята, в палатку! – крикнул Том.

Они бросились опростеть, цепляясь за корни деревьев и плети винограда в темноте, кидаясь из стороны в сторону. Страшный ураган бушевал среди деревьев, заставляя их гнуться со свистом. Ослепительная молния сверкала то и дело, оглушительные раскаты грома следовали один за другим. Дождь хлынул как из ведра, разыгравшийся ураган гнал его потоками по земле.

Мальчики перекликались между собою, но рев ветра и раскаты грома заглушали их голоса. Как бы то ни было, они добрались, наконец, и укрылись в палатке, продрогшие, перепуганные и промокшие до нитки. В компании все-таки было не так жутко. Старый парус так бешено бился на ветру, что они не могли бы разговаривать, если бы даже другие звуки не заглушали их голосов.

Буря разыгрывалась все злее и злее, сильный порыв ветра сорвал парус и моментально унес его. Мальчики схватились за руки и побежали, то и дело падая и получая ушибы, под прикрытие огромного дуба, росшего на берегу реки. Битва стихий была в полном разгаре. При непрерывном блеске молний, бороздивших небо, все выделялось с резкой и отчетливой ясностью: гнувшиеся деревья, бурная река, белая от пены, брызжущие потоки, струившиеся по земле, неясные очертания высоких холмов на том берегу, – все выступало сквозь быстро мчавшиеся облака и косую сетку дождя. То и дело какое-нибудь гигантское дерево, не устояв в бою, с треском падало на молодую поросль, а непрерывные удары грома сыпались с оглушительным грохотом, короткие и резкие и невыразимо страшные. Гроза разразилась с неслыханной яростью, готовая, казалось, и разнести остров на куски, и испепелить его, и потопить до верхушек деревьев, и стереть с лица земли, и умертвить все живое на нем. Плохая была ночь для бесприютных юных голов!

Наконец битва кончилась, разыгравшиеся силы удалились с глухим и грозным ворчанием, постепенно замиравшим вдаль, и водворился мир. Мальчики вернулись на стоянку, порядком перепуганные, но оказалось, что им еще можно было благодарить судьбу, так как огромная смоковница, под которой они спали, была разбита молнией, и счастье их, что они выбрались из-под нее до катастрофы.

Все на стоянке было залито водой, не исключая костра, так как они были легкомысленны, подобно всему своему поколению, и не позаботились обезопасить его от дождя. Это было неприятно, – они промокли насквозь и озябли. Они красноречиво выражали свое негодование, но вскоре заметили, что огонь пробрался глубоко внутрь старого ствола, под которым был разведен, так что часть тлевшей сердцевины осталась незалитой. Тогда, набрав коры с подветренной стороны упавших деревьев, они терпеливо принялись за дело, и им удалось снова развести огонь. Они натаскали в него как можно больше хвороста и вскоре развеселились, когда запылал громадный костер. Обсушив окорок, мальчики закусили, а затем сидели перед огнем,

болтая и расписывая свое полуночное приключение, до самого утра, так как не было сухого местечка, чтобы прилечь.

Когда солнечные лучи прокрались в чашу, их стал одолевать сон. Они пошли на песчаную косу и улеглись там. Жгучее солнце наконец разбудило их, и они угрюмо принялись готовить завтрак. Но и поев, чувствовали себя вялыми и изломанными, да и тоска по дому давала себя знать. Том заметил эти признаки и старался, как умел, развеселить пиратов. Но они и слышать не хотели о шариках, цирке, купании и других забавах. Он напомнил о пресловутой тайне, чем несколько поднял настроение. Пользуясь этим, он предложил товарищам новую забаву: сложить с себя на время звание пиратов и превратиться в индейцев, для разнообразия. Эта идея пришлась по вкусу. Не теряя времени, принялись за дело, и вскоре все были с ног до головы расписаны полосами черного ила, делавшими их похожими на зебр, – разумеется, все были вождями и пустились в лес разорять английский поселок.

Мало-помалу они разделились на три враждебных племени и стали нападать друг на друга из засад, с грозным боевым кличем, скальпируя и убивая друг друга тысячами. День был чрезвычайно кровавый и, следовательно, удачный.

К ужину собрались в лагере, голодные и веселые. Но тут возникло затруднение: враждующие индейцы не могут преломить хлеб за общей трапезой, не заключив мира, а заключить его, не выкурив трубки мира, для них просто невыносимо. Никто еще не слыхивал о каком-нибудь другом способе. Двое из дикарей готовы были сожалеть о том, что не остались пиратами. Как бы то ни было, ничего другого не оставалось, так что они потребовали трубки с самым веселым видом, какой только могли напустить на себя, и принялись добросовестно пускать клубы дыма.

И что же, в результате они порадовались тому, что впали в дикое состояние, так как благодаря этому выяснилось, что они кое-что приобрели. Оказалось, что они могут уже слегка затягиваться, не подвергаясь необходимости отправляться за потерянным ножом. Их тошнило не особенно сильно, и до серьезного расстройств не доходило.

Разумеется, они не были так глупы, чтобы упустить такую блестящую перспективу из-за недостатка практики. Нет, они осторожно практиковались после ужина, с самым блестящим успехом, так что провели восхитительный вечер. Они больше гордились и утешались своим новым талантом, чем если бы им удалось оскальпировать все индейские племена. Оставим их курить, болтать и хвастать, так как сейчас мы не будем ими заниматься.

Глава XVII

Память о погибших героях. – Одна подробность тайны Тома.

Но в маленьком поселке не было веселья в этот мирный субботний вечер. Гарперы и семья тетки Полли с горькими слезами облеклись в траур. Необычайная тишина царила в деревне, хотя в ней и всегда было довольно тихо. Жители рассеянно занимались своими делами и мало говорили, но часто вздыхали. Субботняя свобода от занятий была точно бремя для детей. Игры не клеились и постепенно прекратились.

Под вечер Бекки Татчер задумчиво бродила по опустелому школьному двору в глубоком унынии. Ничто ее не утешало. Она рассуждала сама с собой:

– О, если бы у меня оставалась хоть медная кнопка! Но у меня нет ничего на память о нем, – и она слегка всхлипнула.

Внезапно она остановилась и сказала самой себе:

– Это было здесь. Ах, если бы это случилось опять, я бы не сказала, не сказала ни за что на свете. Но он погиб, и я никогда, никогда, никогда не увижу его больше!

Эта мысль угнетала ее, и она ушла, а слезы так и струились по ее щекам. Появилась толпа мальчиков и девочек – товарищей Тома и Джо – и стали смотреть сквозь решетку и толковать почтительным тоном, как Том сделал то-то и то-то, а Джо сказал то-то и то-то, при таких-то обстоятельствах (по-видимому неважных, но, как теперь оказывалось, заключающих в себе зловещее предзнаменование), и каждый из собеседников указывал, где именно стояли в то время погибшие мальчики, и прибавлял что-нибудь вроде: «А я стоял вот здесь – вот, как сейчас стою, а он там, где ты. Я стоял совсем рядом, – а он засмеялся, вот так, – а у меня сердце так и екнуло – жутко, знаешь, стало, – я не понимал тогда, почему, а теперь понимаю!»

Затем возник спор о том, кто последним видел мальчиков, и многие заявили претензию на это грустное преимущество и представляли доказательства, более или менее опиравшиеся на свидетельские показания. Когда же выяснилось окончательно, кто в последний раз видел их перед уходом, то счастливицы приобрели какое-то почти священное значение и сделались предметом общей зависти. Один горемыка, не зная, чем похвастаться, сказал не без гордости:

– А меня Том Сойер однажды поколотил.

Но это поползновение на славу оказалось несостоятельным. Большинство мальчиков могли рассказать то же о себе, так что отличие оказывалось чересчур дешевым. Группа расселась, продолжая с благоговением поминать погибших героев.

Когда на следующее утро кончились занятия в воскресной школе, вместо обычного воскресного звона раздались мерные унылые удары. Погода была очень тихая, и печальный звон гармонировал с грустной задумчивостью природы. Прихожане стали собираться в церковь, останавливаясь на минуту в притворе перемолвиться шепотом о печальном событии. Но в церкви не шептались. Только похоронное шуршанье платьев женщин, рассаживавшихся по местам, нарушало тишину. Никто не помнил, чтобы церковь когда-нибудь бывала так полна народом. Наступила минута ожидания, все стихло, когда вошла тетка Полли, а за нею Сид, Мэри и семья Гарперов, все в глубоком трауре. Вся конгрегация со стариком пастором во главе почтительно поднялась и стояла, пока они не уселись на передней скамье. Снова наступила тишина, нарушаемая подавленными рыданиями, затем священник простер руки и прочел молитву. После этого был пропет трогательный гимн и объявлен текст проповеди: «Аз есмь воскресение и жизнь».

В своей проповеди пастор такими живыми красками изобразил прелесть, симпатичные качества и редкие, многообещающие задатки погибших мальчиков, что все присутствующие, соглашаясь с этой характеристикой, упрекали себя за то, что были так слепы к этим достоинствам и упорно видели только недостатки и пороки в бедных ребятишках. Проповедник привел

несколько случаев из жизни покойных, в которых проявилась мягкая, великодушная натура, и слушатели оценили теперь благородство и красоту этих эпизодов и с сожалением вспоминали, что в свое время они казались им плохими, достойными порки. Конгрегация все более и более приходила в умиление в течение этого трогательного рассказа, так что под конец собрание не выдержало и присоединилось к рыданиям осиротевших семей, да и сам проповедник дал волю своим чувствам и плакал, склонившись над кафедрой.

На галерее послышался шум, на который никто не обратил внимания, через минуту церковная дверь скрипнула, проповедник отнял платок от плачущих глаз и окаменел. Глаза присутствующих, одна пара за другой, устремились на него, затем, повинуясь почти одновременному побуждению, собрание поднялось и с изумлением уставилось на трех мальчиков, шедших по проходу: впереди Том, за ним Джо, а Гек, в жалких лохмотьях, смущенно плелся сзади. Они прятались на галерее, слушая свое надгробное слово!

Тетка Полли, Мэри и Гарперы бросились к своим, осыпали их поцелуями и разливались в благодарностях небу, между тем как бедный Гек стоял смущенный и неловкий, не зная, что делать и куда скрыться от стольких недоброжелательных взоров. Он поколебался немного и хотел уже улизнуть, но Том схватил его за руку и сказал:

– Тетя Полли, это не хорошо! Кто-нибудь должен порадоваться и Геку.

– Ну, разумеется! Я рада, что вижу его, бедного сиротку!

Но ласки, которыми тетка Полли осыпала его, окончательно повергли в конфуз беднягу.

Внезапно пастор провозгласил громким голосом:

– Восхвалим Господа, подателя всех благ! Пойте – от всего сердца пойте!

Хор запел. И пока стены тряслись от звуков торжественного гимна, вылетавшего из груди сотни людей, Том Сойер, пират, поглядывал на детвору, с завистью смотревшую на него, и сознавался в душе своей, что эта минута – самая достославная в его жизни.

Расходясь по домам, солидные члены конгрегации говорили, что они, пожалуй, согласны вторично быть одураченными, лишь бы послушать еще раз такое пение.

Том получил в этот день больше поцелуев и шлепков, – смотря по переменам настроения тетки Полли, – чем раньше получал за год, и вряд ли бы он мог сказать, в чем выразалось больше благодарности Богу и нежности к нему самому.

Глава XVIII

Тайна Тома. – Чудесный сон. – Бекки затмилась. – Ревность Тома.

Это и была великая тайна Тома: проект вернуться домой с братьями пиратами и присутствовать при собственном отпевании.

Они переплыли на Миссурийский берег на бревне, в субботу вечером. Пристали в пяти или шести милях ниже деревни, переночевали в лесу возле деревни, а перед рассветом пробрались глухими переулками и пустырями в церковь и доспали на галерее, спрятавшись в гряде старых скамей.

За завтраком, в понедельник утром, тетка Полли и Мэри были очень ласковы с Томом и очень внимательны к его желаниям. Разговор был оживленнее, чем когда-либо. Между прочим, тетка Полли заметила:

– Ну, Том, я не скажу, чтобы это была уж очень дурная шутка с вашей стороны, – заставить всех горевать почти целую неделю, – раз вам, ребятишкам, было так весело, но как ты мог быть таким жестоким, что не пожалел меня? Если ты мог переплыть на бревне, чтобы явиться на собственные похороны, то мог бы и дать мне весточку, что вы не погибли, а только убежали.

– Да, тебе бы следовало сделать это, Том, – сказала Мэри, – и я уверена, что ты бы сделал, если бы подумал об этом.

– Не правда ли, Том? – спросила тетка Полли, и лицо ее осветилось надеждой. – Скажи, ты бы так и сделал, если бы подумал об этом?

– Я... я не знаю. Это испортило бы всю шутку.

– Том, я надеялась, что ты любишь меня хоть немножко, – сказала тетка Полли с грустью, смутившей мальчика. – Все-таки это хоть что-нибудь да значило бы, если бы ты мог пожалеть меня и не пожалел только потому, что не подумал.

– Ну, тетя, это ничего, – вступилась Мэри, – это ведь только ветреность виновата. Том всегда так суетится, что никогда ни о чем не подумает.

– Тем хуже! Сид бы наверно подумал. И если бы Сид подумал, то и сделал бы. Том, ты вспомнишь когда-нибудь, когда будет уже поздно, что мог бы пожалеть меня, когда это было так легко, и тебе самому горько станет.

– Да я жалею вас, тетя, вы сами знаете, – сказал Том.

– Я бы лучше знала это, если бы оно выразалось в твоих поступках.

– Мне жаль теперь, что я не подумал, – сказал Том с раскаянием, – но зато я видел вас во сне. А ведь это что-нибудь да значит, разве нет?

– Маловато. И кошка видит сны. Но все же это лучше, чем ничего. Что же тебе снилось?

– Ну, вот, в среду ночью мне снилось, будто вы сидите за кроватью, а Сид подле дровяного ящика и Мэри рядом с ним.

– Да, так мы и сидели. Мы всегда так сидим. Я рада, что хоть сны твои помогают вспоминать о нас.

– И еще мне снилось, что тут была мать Джо Гарпера.

– Да, она была здесь. А еще что-нибудь снилось?

– О, много. Только уж смутно помнится теперь.

– Ну, постарайся припомнить. Можешь?

– Помнится мне, что ветер... что ветер... задувал... задувал...

– Постарайся хорошенько, Том! Ветер задувал... ну...

Том прижал пальцы ко лбу, стараясь вспомнить, и сказал:

– Вспомнил, вспомнил! Он задувал свечку!

– Господи помилуй! Дальше, Том, дальше!

– И мне кажется, будто вы что-то сказали: «Никак дверь...»

- Дальше, Том!
- Дайте подумать минуточку, только минуточку. Ну да, – вы сказали: «Никак дверь открыта».
- Ведь и вправду сказала! Помнишь, Мэри? Дальше!
- Тогда... тогда... не помню наверно, но кажется, вы сказали: «Сид, поди-ка...»
- Ну? ну? Что я велела ему, Том? Что я велела ему?
- Вы велели ему... вы... О, вы велели ему затворить дверь.
- Каково! В жизнь свою не слыхивала ничего подобного! Говорите теперь, что сны ничего не значат. Сейчас же пойду, расскажу Сирине Гарпер. Посмотрим, как она понесет свой вздор насчет суеверий. Продолжай, Том!
- О, теперь я вспомнил ясно. Затем вы сказали, что я не дурной мальчик, а только шалун и ветреник, и что спрашивать с меня все равно что... что... с жеребенка, кажется, или что-то в этом роде.
- Так и было. Ну! Боже милостивый! Дальше, Том!
- А потом вы заплакали.
- Правда! Правда! И не в первый раз заплакала. А потом?..
- А потом мистрис Гарпер тоже заплакала и сказала, что Джо такой же, и жалела, что высекла его за сливки, которые сама же выплеснула.
- Том! Дух снизошел на тебя! Ты пророчествовал – вот что ты делал! Хвала Всевышнему... Дальше, Том!
- Тогда Сид сказал... сказал:
- Я, кажется, ничего не говорил, – заметил Сид.
- Нет, Сид, ты говорил, – возразила Мэри.
- Замолчите оба и не мешайте Тому! Что же он сказал, Том?
- Он сказал, – кажется, он сказал, что надеется, что мне лучше там, куда я ушел; но если бы я вел себя как следует...
- Ну, слышите вы это! Его подлинные слова!
- А вы его остановили очень строго.
- Именно так я и сделала! Тут был ангел, который сообщил тебе. Тут был ангел!
- А мистрис Гарпер рассказала, как Джо напугал ее хлопнушкой, а вы рассказали о Питере и «Болеистребителе»...
- Верно, как то, что я жива!
- А потом было много разговоров о том, как нас искали в реке, и что в воскресенье будет заупокойная служба, а потом вы и мистрис Гарпер обнялись и плакали, и она ушла.
- Так точно и было! Так точно и было, это верно, как то, что я сижу здесь! Том, ты бы не мог рассказать вернее, если бы сам видел все это. А потом, что же было? Продолжай, Том.
- Потом вы молились за меня, и я мог видеть вас и слышать каждое слово. И вы легли спать, а мне стало так жаль вас, что я написал на куске коры: «Мы не умерли, мы только сделались пиратами», и положил его на столе, возле вашей свечки; и вы выглядели такой добренькой, когда лежали и спали, что я нагнулся и поцеловал вас в губы.
- В самом деле, Том, в самом деле? Я прощаю тебе все за это!
- Она стиснула мальчика в объятиях, причем он чувствовал себя самым отъявленным негодяем.
- Это было очень похвально, хотя только... во сне, – проговорил чуть слышно Сид, рассуждая сам с собою.
- Молчи, Сид! Человек делает во сне то самое, что он сделал бы наяву. Вот большое сладкое яблоко, которое я приберегла для тебя, Том, на случай, если ты найдешься, – а теперь ступай в школу. Благодарю Отца нашего Небесного за то, что ты возвращен мне! Он долготерпелив и многомилостив к тем, кто верует в Него и поступает по слову Его, хотя я и не достойна

его милосердия; но если бы только достойные находили в нем милость и поддержку в трудные минуты, то мало бы кто мог радоваться здесь и обрести покой там, на лоне Его, когда уснет вечным сном. Ступайте, Сид, Мэри, Том, убирайтесь, вы мне надоели!

Дети пошли в школу, а старушка побежала к мистрис Гарпер сокрушить ее скептицизм вещим сном Тома. Сид счел за лучшее не высказывать вслух мысли, которые шевелились в его душе, когда он выходил из дома. Вот что он подумал: «Ловко – такой длинный сон и ни единой ошибки!»

Каким героем чувствовал себя Том! Он теперь не прыгал и не вертелся, а шествовал с величавой спесью, приличествующей пирату, на которого обращены взоры общества. Так оно и было. Он делал вид, что не замечает взглядов, не слышит разговоров, вызываемых его появлением. Но они были для него слаще меда и сахара. Мальчики поменьше бежали за ним, гордые тем, что их видят в его обществе и что он терпит их присутствие. Они вряд ли бы гордились больше, если бы он был барабанщиком впереди процессии или слоном во главе зверинца, въезжающего в город. Мальчики одного с ним возраста притворялись, будто и не знают о его похождениях, но это им не мешало изнывать от зависти. Чего бы они не дали за его темную, загоревшую кожу и лучезарную славу, но Том не променял бы их даже на цирк.

В школе дети до такой степени носились с ним и Джо и смотрели на них с таким красноречивым восхищением, что оба героя в скором времени невыносимо зазнались. Они начали рассказывать о своих приключениях жадным слушателям, – но только начали, – добраться до конца было невозможно с их богатым воображением. Когда же, наконец, они достали трубки и равнодушно принялись пускать клубы дыма, их слава достигла зенита.

Том решил, что теперь он обойдется без Бекки Татчер. С него довольно славы. Он будет жить для славы. Теперь, когда он так отличился, она, пожалуй, сама захочет выставляться перед ним. Пусть себе – она убедится, что он может быть таким же равнодушным, как и некоторые другие. Наконец она явилась. Том сделал вид, что не замечает ее. Он отошел подальше, присоединился к толпе мальчиков и девочек и стал разговаривать с ними. Вскоре он увидел, что она принялась бегать взад и вперед, вся раскрасневшись и с блестящими глазами, гоняясь за подругами с притворным увлечением и взвизгивая от смеха всякий раз, как ей удавалось поймать какую-нибудь. Но он заметил, что она всегда ловила их поблизости от него, причем бросала на него многозначительный взгляд. Это раздражало его тщеславие, и вместо того, чтобы смягчить, только придавало ему спеси и заставляло его старательно делать вид, что он ничего не замечает.

Наконец она перестала играть и нерешительно отошла, вздохнув раз или два и бросив на Тома украдкой внимательный взгляд. Она заметила, что Том обращается к Эми Лауренс чаще, чем к кому-либо. Она почувствовала острую боль и сразу сделалась тревожной и взволнованной. Хотела было уйти, но ноги не повиновались ей и привели ее к той же группе. Она с притворным оживлением сказала девочке, стоявшей почти рядом с Томом:

- Ах, Мэри Аустин, дрянная девчонка, почему ты не пришла в воскресную школу?
- Я приходила, разве ты не видела меня?
- Да нет! Разве? Где же ты сидела?
- В классе мисс Петерс, как всегда. Я тебя видела.
- В самом деле? Забавно, что я не видела тебя. Мне хотелось поговорить с тобой о пикнике.
- О, это славно. Кто его устраивает?
- Мама обещала устроить для меня.
- О, чудесно! Надеюсь, мне можно быть.
- Да, она приглашает. Пикник для меня. Она приглашает всех, кого я захочу, а тебя я хочу.
- Очень мило с твоей стороны. А когда?

– Как-нибудь. Может быть, на каникулах.

– О, это будет пресвесело! Ты приглашаешь всех мальчиков и девочек?

– Да, всех, кто мне друг или хочет быть моим другом, – и она украдкой взглянула на Тома, но тот рассказывал Эми Лауренс о страшной буре на острове и о том, как молния разбила огромную смоковницу «в мелкие щепы», когда он «стоял в трех шагах от нее».

– О, а мне можно прийти? – спросила Грэси Миллер.

– Да.

– А мне? – спросила Салли Роджерс.

– Да.

– А мне? – подхватила Сюзи Гарпер. – И Джо?

– Да.

Дети ликовали, радостно хлопая в ладоши, пока вся группа не напросилась на приглашение, кроме Тома и Эми. Затем Том холодно отвернулся, продолжая разговаривать, и увел Эми с собою. У Бекки задрожали губы и слезы навернулись на глаза; она скрыла эти проявления горя под маской притворной веселости и продолжала болтать, но и пикник и все остальное потеряли всякий интерес в ее глазах. Она ушла при первой возможности и спряталась, чтобы «хорошенько выплакаться», как выражаются представительницы ее пола. Затем она сидела в унынии, уязвленная в своей гордости, пока не прозвенел звонок, потом встала с мстительным блеском в глазах, откинула свои заплетенные косы и сказала, что знает, что ей делать.

Во время перемены Том продолжал ухаживать за Эми с ликующим самодовольством и с небрежным видом пошел искать Бекки, чтобы помучить ее этим зрелищем. Наконец ему удалось разыскать ее, но тут настроение его сразу упало. Она приютилась на скамеечке за школой и рассматривала книжку с картинками в обществе Альфреда Темпля. Внимание их было так поглощено, головы так тесно склонились над книгой, что, по-видимому, они забыли обо всем на свете. Ревность раскаленной лавой пробежала по жилам Тома. Он готов был возненавидеть себя за то, что упустил шанс к приглашению, когда Бекки сама предлагала его. Он ругал себя дураком и всеми бранными словами, какие только приходили ему в голову. Он чуть не плакал от досады. Эми весело болтала, потому что сердце ее пело, но у него отнялся язык. Он не слышал, что она говорит, и когда она умолкала в ожидании ответа, бормотал что-то в знак согласия, часто совершенно невпопад. Несколько раз он как будто неумышленно возвращался за школу, чтобы терзать свои глаза ненавистным зрелищем. Он не мог удержаться от этого. И просто с ума сходил, убеждаясь, что Бекки Татчер не видит, даже не подозревает о его существовании в этом мире. На самом деле она видела его, и знала, что выиграла битву, и радовалась, что он страдает так же, как страдала она. Веселая болтовня Эми становилась невыносимой для него. Том намекнул, что он занят, что у него есть дело, что ему некогда. Тщетно девочка продолжала щебетать. Том думал: «О, черт бы ее побрал, когда она отвяжется!» Наконец он сказал, что ему надо заниматься, а она ответила наивно, что будет ждать его после школы. Он поспешно ушел, ненавидя ее от души.

«Хоть бы другой мальчик! – думал он, скрежеща зубами. – Какой угодно мальчик в деревне, только не этот франт из Сен-Луи, который думает, что шикарно одет, и корчит из себя аристократа! Ладно же! Я вам задал трепку в первый же день, когда вы показались в городе, мистер, задам и еще. Попадись ты мне только. Поймаю и...»

Он начал колотить воображаемого мальчика, нанося удары в воздухе, расточая пинки и затрецины.

– А этого хочешь, хочешь? Живота или смерти? Я тебя проучу!

Воображаемый поединок кончился в его удовольствие.

В полдень Том убежал домой. Совесть его не могла больше выдерживать благодарного счастья Эми, а ревность – выносить новые муки. Бекки продолжала смотреть картинки с Альфредом, но по мере того как время шло, а Том не являлся страдать, ее торжество начинало

омрачаться и интерес пропал. Она стала задумчивой и рассеянной, потом опечалилась. Два или три раза настораживалась, слышав шаги, но ее надежды оставались обманутыми. Том не приходил. Наконец она почувствовала себя совсем несчастной и жалела, что зашла так далеко. Когда бедный Альфред, видя, что она, Бог знает почему, охладела к нему, воскликнул: «О, вот хорошенькая картинка, посмотрите!» – она потеряла терпение и сказала: «Ах, не приставайте ко мне! Какое мне дело до картинок!» – залилась слезами, вскочила и пошла прочь.

Альфред поплелся за ней и попытался было утешить ее, но она сказала:

– Убирайтесь и оставьте меня в покое. Я вас терпеть не могу!

Мальчик остановился, недоумевая, в чем же дело, так как она сама сказала, что будет смотреть картинки всю перемену, а она ушла плача. Альфред пошел в раздумье в пустую школу. Он был унижен и раздражен. Вскоре он сообразил, в чем дело: девочка просто воспользовалась им как орудием мести Тому Сойеру. Эта мысль, конечно, не уменьшила его ненависти к Тому. Он стал искать способ насолить этому мальчику без большого риска для себя. Ему попала на глаза хрестоматия Тома. Это было кстати. Он радостно открыл книгу, отыскал урок, заданный на после обеда, и залил страницу чернилами. Бекки, смотревшая в эту минуту в окно, видела это и ушла, оставшись незамеченной мальчиком. Она направилась домой, рассчитывая отыскать Тома и рассказать ему. Он будет ей благодарен, и их ссора прекратится. Но она не прошла еще и полдороги, как ее намерения переменились. Ей вспомнилось оскорбительное поведение Тома, когда она говорила о пикнике, и это воспоминание наполнило ее стыдом. Она решила предоставить ему быть высеченным за порчу книги и сверх того ненавидеть его вечно.

Глава XIX

Том говорит всю правду. – Чернильная мечь.

Том пришел домой в угрюмом настроении, и первые же слова, которыми встретила его тетка, показали ему, что здесь его горе не найдет сочувствия.

– Том, я готова с тебя шкуру спустить!

– Тетя, да что же я сделал?

– Довольно сделал. Я-то, старая дура, лечу к Сирине Гарпер, воображая, что она поверит всему этому вздору насчет сна, и вдруг, здравствуйте вам, оказывается, что она уже знает от Джо, как ты был здесь и подслушал наш разговор. Горько мне, что ты мог пустить меня к Сирине Гарпер и выставить меня такой дурой, не сказав ни слова.

Это была новая точка зрения на дело. До сих пор утренняя выдумка Тома казалась ему очень ловкой и остроумной шуткой. Теперь она выходила попросту низкой и дрянной. Он повесил голову, не зная, что ответить, наконец сказал:

– Тетя, мне жаль, что я это сделал, но я не подумал.

– Да, дитя, ты никогда не думаешь. Ты никогда не думаешь ни о чем, кроме своего удовольствия. Ты подумал о том, как пробраться сюда с острова Джэксона позабавиться нашей тревогой, ты подумал о том, как одурачить меня ложью, но ты никогда не подумаешь пожалеть нас и избавить от горя.

– Тетя, я вижу теперь, что поступил подло, но я не хотел поступить подло. И я совсем не для того приходил в тот вечер, чтобы позабавиться.

– Так для чего же?

– Я хотел дать вам знать, чтобы вы не беспокоились, так как мы не утонули.

– Том, Том, я была бы счастливейшим человеком на свете, если б могла поверить, что у тебя была такая хорошая цель, – но ведь ее не было, и я это знаю.

– Была, тетя, правда-правда, была. Не сойти мне с этого места, если это не так!

– О, Том, не лги, не делай этого! От этого поступок только становится еще во сто раз хуже.

– Это не ложь, тетя, это правда. Я хотел, чтобы вы не горевали, затем и пришел.

– Я бы отдала все на свете, чтобы поверить этому, это загладило бы много грехов, Том. Я, пожалуй, была бы рада даже тому, что ты убежал и вел себя так дурно. Но это нелепо, почему же, в таком случае, ты не дал мне знать о себе, дитя?

– Видите ли, тетя, когда вы говорили о похоронной службе, мне пришло в голову, что хорошо бы было прийти и спрятаться в церкви, и я никак не мог отказаться от этой шутки. Поэтому я спрятал кору в карман и ушел потихоньку.

– Какую кору?

– Кору, на которой я написал вам, что мы сделались пиратами. Мне жаль теперь, что вы не проснулись, когда я поцеловал вас, честное слово, жаль.

Строгое лицо тетки смягчилось, и внезапная нежность блеснула в ее глазах.

– Ты поцеловал меня, Том?

– Ну да, поцеловал.

– Наверно, Том?

– Ну да, тетя, наверно.

– Зачем же ты поцеловал меня, Том?

– Потому что я люблю вас, а вы лежали и стонали, и мне было так жалко.

Слова эти звучало правдиво. Старушка сказала дрогнувшим голосом:

– Поцелуй меня еще раз, Том! И ступай в школу, и не приставай ко мне больше.

Как только он ушел, она побежала в чулан и достала истрепанную куртку, которую Том носил в бытность пиратом. Она взяла ее, но вдруг приостановилась и сказала самой себе:

– Нет, не смею. Бедный мальчик, я уверена, что он солгал, – но это была благая, благая ложь, в ней столько утешительного. Я надеюсь, что Господь, – я знаю, что Господь простит ему, ведь он солгал от доброго сердца. Но я не хочу удостоверяться в том, что он солгал. Не стану смотреть.

Она снова повесила куртку и с минуту простояла в нерешительности. Дважды она протягивала руку и отнимала.

Наконец решилась и на этот раз подкрепила себя таким размышлением: «Это ложь с доброй целью, с доброй целью, и я не буду огорчаться». Она отыскала карман и минуту спустя читала записку Тома на коре, заливаясь слезами и приговаривая:

– Я готова простить теперь мальчику миллион грехов.

Глава XX

Бекки в затруднении. – Том проявляет великодушное самопожертвование.

В поцелуе тетки Полли было что-то такое, отчего уныние Тома сразу развеялось, и он снова стал веселым и беззаботным. Он отправился в школу и встретился с Бекки Татчер в Луговом переулке. Его действия всегда определялись настроением. Не колеблясь ни минуты, он подбежал к ней, сказал:

– Я вел себя ужасно подло сегодня, Бекки, и очень жалею об этом. Я никогда-никогда в жизни не буду так делать. Давай помиримся?

Девочка приостановилась и окинула его презрительным взглядом.

– Я буду вам очень благодарна, если вы избавите меня от вашего общества, мистер Том Сойер. Я не намерена больше никогда разговаривать с вами.

Она отвернула голову и прошла мимо. Том был так огорчен, что не нашелся даже ответить что-нибудь вроде: «И не нуждаюсь, мисс Франтиха», – пока она еще могла слышать. Он ничего не сказал, но взбесился страшно. Угрюмо бродя по школьному двору, он сожалел, что она не мальчик, а то бы задал он ей трепку. Случайно встретившись с нею, он отпустил колкое замечание. Она ответила тем же, и разрыв стал окончательным. В своем озлоблении Бекки не могла дожидаться начала занятий – так ей хотелось, чтобы Том был высечен за испорченную хрестоматию. Если у нее и было слабое желание выдать Альфреда Темпля, то оно исчезло после оскорбительного замечания Тома.

Бедная девочка, она не знала, что над ней самой нависла беда. Учитель, мистер Доббинс, достиг средних лет, не удовлетворив своего честолюбия. Заветной мечтой его было сделаться доктором, но бедность помешала ему подняться выше деревенского школьного учителя. Каждый день он доставал из своего стола какую-то таинственную книгу и погружался в нее в свободное от учебных занятий время. Он держал эту книгу под замком. Не было такого мальчишки в школе, которому бы не хотелось до смерти заглянуть в нее, но это еще ни разу никому не удалось. У каждого мальчика и каждой девочки имелось свое мнение насчет этой книги, но не было двух сходных мнений, а фактическая проверка оказывалась невозможной. И вот Бекки, проходя мимо стола, который стоял недалеко от двери, заметила, что ключ торчит в замке! Момент был драгоценный. Она оглянулась, убедилась, что кругом никого нет, и в следующую минуту книга была в ее руках. Заглавие – «Анатомия» профессора такого-то, – ничего не сказало ее уху, и она принялась перелистывать книгу. Ей сразу попалась красивая раскрашенная гравюра, изображавшая человека. В это мгновение чья-то тень упала на страницу, – Том Сойер вошел в дверь и увидел картинку. Бекки захлопнула книгу и второпях нечаянно разорвала гравюру до половины. Она бросила книгу в стол, повернула ключ и залилась слезами стыда и негодования.

– Том Сойер, это подло с вашей стороны подкрадываться и подсматривать.

– Почем я знал, что вы тут что-то смотрите!

– Постыдились бы вы, Том Сойер, вы хотите выдать меня и... ох, что мне делать, что мне делать? Меня высекут, а меня еще ни разу не секли в школе.

Она топнула своей маленькой ножкой и сказала:

– Будьте так подлы, если вам этого хочется! Я тоже кое-что знаю. Подождите, увидите! Противный! Противный! Противный! – Она снова залилась слезами и выбежала из комнаты.

Том стоял, пораженный этим бурным нападением. Наконец он сказал про себя:

– Ну и глупые же эти девчонки! Ни разу не пороли в школе! Подумаешь, великая важность – порка! Бабыё, кожа нежная и сердце цыплячье! Разумеется, я не скажу старому Доббинсу об этой дурочке, можно рассчитаться с ней и другим способом, без такой подлости, но что же из того? Старик Доббинс спросит, кто разорвал книгу. Никто не признается. Тогда он

примется по своему обыкновению допрашивать всех поодиночке, и когда дойдет до нее, то узнает, хоть бы она отпиралась: у девочек всегда по лицу видно. Храбрости у них не хватает. Быть ей битой. Да, попала в переделку Бекки Татчер, не вывернется.

Том обдумывал еще с минуту это происшествие, а затем прибавил:

– Ну и пускай себе; она бы рада была, если бы я попал в такую беду. Пусть-ка сама попробует!

Том присоединился к толпе школьников, игравших на дворе. Через несколько минут пришел учитель, и все уселись по местам. Том не особенно интересовался уроком. Он то и дело поглядывал на скамьи девочек. Лицо Бекки смущало его. Принимая во внимание все обстоятельства, у него не было основания жалеть ее, однако же он не чувствовал никакого торжества. Но обнаружилась порча хрестоматии, и Том на время был поглощен собственными делами. Бекки очнулась от своей летаргии и с интересом следила за происшествием. Она не думала, что Тому удастся вывернуться, если он будет отрицать, что пролил чернила, и не ошиблась. Отрицание, по-видимому, только ухудшило дело. Бекки думала, что будет рада этому, и старалась уверить себя, что она рада. Но уверенности не было. Когда началась расправа, ее подмывало встать и выдать Альфреда Темпля, но она сделала над собой усилие и промолчала, так как, – говорила она себе, – «он наверно скажет, что я разорвала книгу. Ну так и я не скажу ни слова, хотя бы для спасения его жизни».

Том выдержал порку и вернулся на место без особого огорчения, так как считал возможным, что он как-нибудь нечаянно, сам того не заметив, вывернул чернильницу на книгу, во время возни с товарищами. Он отпирался только для проформы, потому что таков был обычай и он не хотел отступать от принципа.

Час прошел обычным порядком, учитель клевал носом на своем троне, воздух был наполнен усыпительным гудением зубрящих. Но вот мистер Доббинс потянулся, зевнул, затем открыл ящик стола и сунул руку за книгой, но, по-видимому, не сразу решил, доставать ее или нет. Большинство учеников взглянули на него равнодушно, но двое следили за каждым его движением с напряженным вниманием. Мистер Доббинс рассеянно вертел книгу, потом вытащил ее и уселся, приготовясь читать.

Том взглянул на Бекки. Точно заспанный, беспомощный зайчик под направленным на него дулом ружья! Он и думать забыл о ссоре с ней. Живо, что-нибудь надо придумать, и сейчас, немедленно! Но самая неотложность парализовала его изобретательность. Ага, придумал! Кинуться, вырвать книгу и удрать! Но минутное колебание погубило все дело: учитель уже открыл книгу. Эх, упустил случай! Поздно, не вернется, теперь уже для Бекки нет спасения, мелькнуло у него в голове. В следующее мгновение учитель уставился на класс. Все опустили глаза перед этим взглядом. В нем было нечто, отчего и невинные струхнули. Наступило гробовое молчание, в течение которого можно бы было сосчитать до десяти. Учитель старался овладеть своей яростью. Наконец он сказал:

– Кто разорвал эту книгу?

Ни звука. Упала иголка – было бы слышно. Безмолвие продолжалось. Учитель всматривался в лица учеников, стараясь угадать виновного.

– Бенджамен Роджерс, вы разорвали эту книгу?

Отрицательный ответ. Новая пауза.

– Джозеф Гарпер, вы?

Опять отрицание. Тревога Тома росла под влиянием медленной пытки этого вопроса. Учитель опросил скамьи мальчиков, затем перешел к девочкам:

– Эми Лауренс?

Отрицание.

– Грэси Миллер?

Тоже.

– Сюзанна Гарпер, вы это сделали?

Опять отрицание. Следующая девочка была Бекки Татчер. Том дрожал всем телом от волнения и от сознания безвыходности положения.

– Ребекка Татчер (Том взглянул на ее лицо: оно побелело от ужаса), – вы разорвали... – нет, глядите мне в глаза (она с мольбой подняла руки), – вы разорвали эту книгу?

Внезапная мысль молнией пронеслась в мозг Тома. Он вскочил и гаркнул:

– Это я разорвал!

Класс оцепенел от изумления при этой невероятной дерзости. Том постоял с минуту, собираясь с мыслями, а когда он вышел на место казни, удивление, благодарность, обожание, светившиеся в глазах бедняжки Бекки, казались ему достаточной наградой за сотню пороков. Воодушевленный величием собственного подвига, он выдержал, не пикнув, самую беспощадную порку, к какой когда-либо прибегал мистер Доббинс, и равнодушно отнесся к добавочной жестокости – приказанию остаться на два часа после уроков, – так как знал, кто будет ждать за дверями школы конца его высидки, и не считал это томительное время ожидания потерянным.

В этот вечер Том ложился спать, обдумывая план мести Альфреду Темплю, так как Бекки со стыдом и раскаянием рассказала ему все, не скрывая и собственного предательства. Но жажда мести уступила более приятным размышлениям, и когда Том засыпал, в ушах его еще раздавались смутно последние слова Бекки:

– Том, как ты мог быть таким великодушным!

Глава XXI

Детское красноречие. – Сочинение молодых леди. – Мицение.

Вакации приближались. Школьный учитель, всегда строгий, становился все строже и требовательнее, желая, чтобы школа отличилась в день экзамена. Розга и линейка действовали почти не переставая, – по крайней мере, среди младших учеников. Только взрослые ученики да молодые девицы от восемнадцати до двадцати лет не подвергались порке. А порка мистера Доббинса была чувствительна, так как хотя под его париком скрывалась гладкая блестящая лысина во всю голову, но он был человек средних лет и мускулы его еще не начинали слабеть. По мере того как великий день приближался, его тиранические наклонности проявлялись все больше. Он как будто находил какое-то мстительное наслаждение в наказаниях за малейшиеслушания. Вследствие этого самые маленькие мальчики проводили дни свои в страхе и страданиях, а ночи в измышлении мстительных планов. Они не упускали малейшего случая устроить учителю какую-нибудь каверзу. Но перевес все время оставался на его стороне. Возмездие, следовавшее за каждой мстительной проделкой, было так основательно и внушительно, что мальчики удалялись с поля битвы побежденными. Наконец они сговорились и придумали план, суливший блистательный успех. Они посвятили в него сына живописца, рисовавшего вывески, рассказали ему, в чем дело, и просили его помощи. Он имел свои основания радоваться ему, так как учитель столовался в его семье и доставил мальчику немало поводов к ненависти. Жена учителя собиралась через несколько дней уехать в гости к знакомым, стало быть, не могла помешать исполнению плана. Учитель имел обыкновение подготавливаться к каждому торжественному собранию, накачиваясь до положения риз. И сын живописца уверял, что «обделает дельце», когда господин педагог в экзаменационный вечер доведет себя до надлежащей точки и захрапит в кресле. Затем он разбудит его, когда уже давно пора будет идти, и удерет в школу.

С течением времени многообещающий день наступил. В восемь часов вечера школа была ярко освещена и украшена венками и гирляндами из веток и цветов. Учитель восседал на высокой эстраде, в своем огромном черном кресле, за которым стояла классная доска. С виду он был под изрядной мухой. По три ряда скамей с каждой стороны и шесть рядов напротив него были заняты почетными лицами местечка и родителями учеников. Налево, за рядами посетителей, была устроена временная эстрада, на которой сидели школьники, участвующие в торжестве: ряды маленьких мальчиков, умытых и прифранченных до нестерпимо мучительного состояния; ряды неуклюжих подростков, белоснежные ряды девочек и барышень, в батистовых и кисейных платицах, видимо гордившихся своими обнаженными руками, бабушкиными драгоценностями, пунцовыми и голубыми бантиками, и цветами в волосах. Вся остальная часть помещения была наполнена школьниками, не участвовавшими в представлении.

Церемония началась. Крошечный мальчуган выступил вперед и застенчиво пробормотал: «Могли ли вы ждать, что дитя моих лет так выступит смело в блистательный свет», и т. д., сопровождая эти стихи такими старательными и судорожными жестами, какие могла бы проделывать разве машина, разумеется, слегка развинтившаяся. Но он благополучно, хотя и не без жестоких страданий, добрался до конца, вызвал единодушные аплодисменты, отвесил механический поклон и удалился. Маленькая, застыдившаяся девочка пролепетала: «У Мэри был ягненок» и т. д., сделала внушающий сострадание реверанс, получила свою долю аплодисментов и вернулась на место, сконфуженная и счастливая.

Том Сойер самоуверенно выступил вперед и возгласил: «О, дайте мне свободу или смерть», с великолепным бешенством и неистовыми жестами, но в середине запнулся. Неодолимый ужас забывшего роль актера обуял его, колени его затряслись, он чуть не упал. Правда, сочувствие публики было к нему очевидно – но и безмолвие публики также, а это было еще

хуже сочувствия. Учитель нахмурился, это доконало его. Том поборолся еще немного и удалился, разбитый наголову. Была слабая попытка к рукоплесканиям, но тотчас замерла.

Затем последовали: «Мальчик стоял на пылающей палубе»; также «Ассирияне шли» и другие перлы декламации. Их сменили упражнения в чтении и правописании. Скучный учениками латинский класс с честью выдержал испытание. Теперь последовал гвоздь вечера – оригинальные произведения молодых девиц. Каждая по очереди выходила на край эстрады, откашливалась, открывала рукопись (перевязанную хорошенькой ленточкой) и принималась читать, с заботливым вниманием к «выразительности» и знакам препинания. Темы были те самые, какие обрабатывались при подобных же случаях их матерями, а раньше того их бабушками и, без сомнения, всеми их предками женского пола вплоть до Крестовых походов. Тут были: «Дружба», «Воспоминания о минувшем», «Религия в истории человечества», «Страна грез», «Преимущества культуры», «Формы политического строя», «Меланхолия», «Детская любовь», «Томление сердца» и так далее.

Главной чертой этих произведений была старательно взлелеянная меланхолия. Далее расточительное обилие «изящных оборотов», стремление притягивать за уши излюбленные словечки и фразы, затаскивая их донельзя, а в конце каждого из них обязательно помахиало своим закрученным хвостом неизбежное и тошнотворное нравоучение. О чем бы ни шла речь, содержание, с мучительным напряжением мозга, подгонялось к такому заключению, которое могло бы быть назидательным для нравственной и благочестивой души. Явная фальшь этих назиданий оказывалась недостаточной для изгнания их из школы, как и теперь оказывается недостаточной. Да, пожалуй, и до скончания века останется недостаточной. Нет школы в нашей стране, где барышни не считали бы себя обязанными заканчивать свои сочинения нравоучением, и нравоучения самой легкомысленной и наименее религиозной барышни всегда оказываются самыми длинными и самыми беспощадно благочестивыми. Но довольно об этом. Правда глаза колет. Вернемся к экзамену. Первое прочтение сочинений носило заглавие «Так это – жизнь?» Быть может, читатель в состоянии будет претерпеть отрывок.

«При обычном течении жизни с каким упоительным волнением всматривается юный ум в озаренное ликованием будущее! Воображение не устает набрасывать розовые картины веселья. В сладостных мечтах поклонница света видит себя среди ликующей толпы. К ней приковано «зрение всех зрителей». Ее стройный стан в белоснежном платье кружится в вихре веселого танца, ее глаза ярче, ее походка воздушнее, чем у кого-либо в веселом собрании. В таких восхитительных мечтах время быстро мчится, и вскоре настает желанный час ее вступления в Элизиум света, который рисовался ей в таких лучезарных грезах. В каком волшебном свете предстает он перед ее очарованным взором! Каждая новая сцена очаровательнее предыдущей. Но с течением времени она убеждается, что под этой прекрасной внешностью таится только суетность; лесть, которая когда-то очаровала ей душу, теперь режет ей слух. Бальная зала утратила свои чары, и вот, с пошатнувшимся здоровьем и с горечью в сердце, она отворачивается и уходит, убежденная, что земные наслаждения не могут удовлетворить томление души!»

И так далее, и так далее. Время от времени в течение чтения пробежал ропот одобрения, сопровождавшийся восклицаниями вполголоса: «Очень мило!», «Как красноречиво!», «Как верно!» и т. п., когда же чтение закончилось особенно удручающим нравоучением, последовал взрыв восторженных рукоплесканий.

Затем тоненькая, меланхолическая девица с интересной бледностью на лице, происходящей от пилюль и дурного пищеварения, прочла поэму. Двух строф будет достаточно.

ПРОЩАНИЕ МИССУРИЙСКОЙ ДЕВУШКИ С АЛАБАМОЙ

Алабама! С любовью прощаюсь с тобой!

Я надолго тебя покидаю!
Мое сердце болит, несказанной тоской
По тебе я крушусь и страдаю!
По твоим я бродила цветущим лесам,
Я читала у струй Талапузы.
Уносила мечтой вслед Таласским волнам
И встречала зарю я у Кузы.
Но в печали моей без стыда сознаюсь,
Без смущения горько рыдаю;
Ведь не с чуждой землей я в тоске расстаюсь
И скорблю не по чуждому краю.
Впечатленья невинных младенческих лет
Мне навеки священными будут!
Да погибнут глаза мои, сердце и tete,
Коль тебя, Алабама, забудут!

Лишь очень немногие из присутствующих знали, что означает tete, но тем не менее поэма понравилась.

На эстраде появилась смуглая, черноглазая и черноволосая девица, вдохновенно помолчала, приняла трагическое выражение и начала с расстановкой:

ВИДЕНИЕ

«Мрачная и бурная царила ночь. На тверди небесной не мерцала ни единая звездочка, но глухие раскаты тяжеловесного грома непрерывно сотрясали воздух, а грозные молнии, с гневом извергаясь из облачных чертогов неба, как бы издевались над уздою, которую наложил на их ярость знаменитый Франклин! Даже буйные ветры единодушно устремились из своих таинственных жилищ и бушевали кругом, как бы с намерением усилить, со своей стороны, великое смятение природы. В это время, столь мрачное, столь унылое, человеческого сочувствия алкала душа, но вместо того Мой друг единственный, кем жизнь моя полна, Утеха в горести, ко мне пришла она.

Она двигалась подобно одному из тех светлых существ, которыми романтическое и юное воображение населяет солнечные луга Эдема, – царица красоты, не украшенная ничем, кроме собственной неизъяснимой прелести. Столь легка была ее походка, что не издавала ни малейшего шороха, и если бы не таинственный трепет, сообщаемый ее волшебным прикосновением, она, как часто бывает с непритязательной красотой, проскользнула бы неощутимой, незамеченной. Странная скорбь лежала на ее чертах, подобно ледяным слезам на одежде Декабря, когда она указала на стихии, бушевавшие извне, и двух существ, стоявших передо мною».

Этот кошмар занимал десяток страниц рукописи и заканчивался нравоучением до того безнадежным для непересвитериян, что удостоился первой награды. Произведение было признано прекраснейшим перлом вечера. Мэр, вручая автору награду, произнес прочувственную речь, в которой заявил, что это «лучший образчик красноречия, какой ему когда-либо приходилось слышать, и что сам Даниэль Уэбстер мог бы им гордиться». Заметим мимоходом, что число сочинений, в которых слово «прекрасный» торчало на каждой строчке и имелись ссылки на человеческий опыт, как на «страницу жизни», было не ниже средней нормы.

Наконец захмелевший учитель встал, отодвинул кресло, повернулся спиной к аудитории и принялся рисовать на классной доске карту Америки для предстоящих испытаний по географии. Но рука плохо повиновалась ему, и в публике послышалось сдержанное хихиканье.

Он понял, в чем дело, и хотел поправиться. Стер линии и начал снова, вышло еще уродливее, и смех усилился. Он сосредоточил все свое внимание на чертеже, как будто решил игнорировать веселье. Он чувствовал, что все глаза устремлены на него. Ему казалось, что дело пошло на лад, однако смех продолжался и даже усиливался. Не мудрено. В потолке над головой учителя было отверстие с подъемной дверью. В это отверстие спускалась кошка на шнурке, подвязанном ей под мышки. Морда ее была обмотана тряпкой, так что она не могла мяукать. Медленно опускаясь, она изгибалась вверх, цепляясь когтями за шнурок, потом падала и хватала воздух. Смех раздавался все громче и громче. Кошка была уже в шести дюймах от головы учителя, поглощенного своим делом. Вниз, вниз, еще немножко, – и вот ее когти с судорожным отчаянием впились в парик, и в то же мгновение она взвилась вверх, унося в лапах свой трофей! Обнаженная лысина учителя засверкала ослепительным сиянием, так как сын живописца позолотил ее.

Пришлось прервать заседание. Мальчики были отомщены. Наступили вакации.

Примечание автора. Приведенные выше «сочинения» заимствованы мною без изменений из книги, озаглавленной «Проза и Поэзия, соч. западной леди», но они, безусловно, ничем не отличаются от ученических упражнений и в этом смысле удачнее всяких подражаний.

Глава XXII

Отречение от обетов воздержания. – Угрызения совести.

Том поступил в общество Молодых Друзей Трезвости, прельщенный их эффектными «регалиями». Он дал обет воздерживаться от курения, жевания табака и сквернословия, пока будет оставаться членом этого общества. Тут ему пришлось открыть новую для него вещь, а именно, – что обещать не делать чего-нибудь, – вернейший способ заставить себя желать это делать. Оказалось, что ему смертельно хочется пьянствовать и ругаться, и это желание становилось до того неодолимым, что только надежда красоваться в красном шарфе на какой-нибудь церемонии удерживала его от выхода из общества. Приближалось четвертое июля, но он скоро махнул на него рукой, – махнул рукой, не проносив своих уз и двух суток, – и возложил свои надежды на старого судью Фрэзера, который, по слухам, лежал на смертном одре и которого, как важную особу, должны были хоронить с большой помпой. В течение трех дней Том проявлял глубокое участие к состоянию судьи и то и дело осведомлялся о нем. Иногда его надежды готовы были оправдаться, так что он доставал свои знаки достоинства и примерял их перед зеркалом. Но судья проявлял самое досадное непостоянство. Наконец было объявлено, что ему лучше, затем, что он выздоравливает. Том был крайне раздосадован и даже обижен. Он немедленно подал в отставку, а судья взял да и умер в ту же ночь. Том решил, что он никогда больше не поверит ни одному человеку. Похороны были торжественные. Молодые Друзья парадировали на них с таким фарсом, что их бывший сочлен чуть не умер от зависти.

Зато он был теперь вольным человеком, а это чего-нибудь да стоило. Он мог теперь пьянствовать и сквернословить, но с удивлением убедился, что этого ему вовсе не хочется. Простая возможность делать это убила желание и отняла у него всякую прелесть.

Том не без удивления заметил, что столь желанные каникулы начинали несколько тяготить его. Он попробовал вести дневник, но в течение трех дней не случилось ничего примечательного, и он бросил это занятие.

Первейший из всех странствующих певцов-негров явился в местечко и произвел фурор. Том и Джо Гарпер подобрали оркестр из товарищей и были счастливы двое суток.

Даже праздник четвертого июля оказался неудачным из-за сильного дождя. Пришлось отказаться от процессии, а величайший человек в мире (как думал Том), мистер Бентон, член Сената Соединенных Штатов, жестоко разочаровал мальчиков, так как не был двадцати пяти футов ростом и даже близко не подходил к тому.

Приехал цирк. Потом мальчики играли в цирк три дня, устроив палатку из рваных ковров. Плата за вход – три булавки с мальчика, две с девочки, – но и цирковые упражнения надоели и были оставлены. Приехали френолог и магнетизер – и уехали, после чего в деревне стало еще скучнее и тоскливее.

Было несколько детских вечеринок у мальчиков и у девочек, но так мало, и на них было так весело, что в промежутках скука казалась еще невыносимее.

Бекки Татчер уехала на каникулы в Константинополь к родителям, так что в жизни не осталось никакой светлой стороны.

Страшная тайна убийства не переставала отравлять жизнь Тому. Это была его постоянная и мучительная язва.

Затем он заболел корью.

Две долгие недели Том оставался узником, умершим для мира и его дел. Болезнь приняла тяжелую форму, он перестал интересоваться чем бы то ни было. Когда, наконец, он встал с постели и поплелся, еще с трудом двигаясь, по поселку, он заметил печальную перемену во всем и во всех. В деревне явились проповедники вырождения, и все «обратились к религии», не только взрослые, но и мальчики и девочки. Том бродил по деревне, не теряя надежды найти

хоть одну милую грешную физиономию, но разочарование постигало его всюду. Он нашел Джо Гарпера за Библией и с грустью отвернулся от этого удручающего зрелища. Пошел искать Бена Роджерса и застал его за посещением бедных, с корзинкой душеспасительных брошюрок. Поймал Джима Голлиса, который обратил его внимание на перенесенную им болезнь как на предостережение свыше. Каждый встречный мальчик подбавлял каплю горечи к его унынию. Когда же наконец, в отчаянии, он бросился искать утешения на груди Гекльберри Финна, а тот встретил его каким-то текстом, им овладело отчаяние. Он поплелся домой и лег в постель, убеждаясь, что один во всем поселке погиб на веки вечные.

В ту же ночь разразилась страшная гроза, с проливным дождем, грозными раскатами грома и ослепительными молниями. Том закрылся с головой одеялом и с ужасом ждал гибели, так как у него не было и тени сомнения в том, что весь этот кавардак происходит по его милости. Он был уверен, что искушал высшие силы свыше меры и вот дождался результата. Ему, быть может, показалось бы нелепой затратой сил и средств снаряжать батарею с целью убить клопа, но он не находил ничего странного в том, что громы и молнии посылаются с целью стереть с лица земли такую мошку, как он.

Постепенно гроза ослабела и стихла, не исполнив своего назначения. Первым побуждением мальчика было принести благодарность и обещание исправиться. Вторым – обождать, так как грозы-то, пожалуй, больше не будет.

На другой день снова пришлось звать доктора: у Тома обнаружился рецидив. Он пролежал еще три недели, показавшиеся ему вечностью. Когда он в первый раз вышел из дома, то почти не чувствовал благодарности за свое выздоровление, вспоминая, как он одинок, покинут и чужд своим товарищам. Он печально брел по улицам и встретил Джима Голлиса в роли председательствующего в уголовной палате, судившей кошку за убийство, причем жертва – птица – была налицо. Затем он отыскал Джо Гарпера и Гекльберри Финна, уплетавших в укромном уголке украденную дыню. У бедных ребят, как и у Тома, оказался рецидив.

Глава XXIII

У тюрьмы. – Сношение с арестантом. – Суд и показание Тома. – Бегство индейца.

Наконец сонная атмосфера оживилась, и значительно. Дело об убийстве было назначено к слушанию в суде. Оно немедленно сделалось неисчерпаемой темой деревенских разговоров. Том никуда не мог убежать от них. При всяком намеке на убийство его кидало в дрожь, так как беспокойная совесть и страх заставляли его думать, что эти разговоры ведутся в его присутствии неспроста. Он не представлял себе, каким образом люди могли бы заподозрить, что ему известно что-нибудь об убийстве, и тем не менее ему было не по себе среди этих толков. Мурашки то и дело бегали у него по телу. Наконец он зазвал Гека в укромное место, чтобы потолковать с ним. Ему хотелось развязать язык хоть на минуту, разделив свое бремя с другим страдальцем. Кроме того, он хотел удостовериться, что Гек сохранил тайну.

– Гек, говорил ты кому-нибудь?

– О чем?

– Ну, сам знаешь, о чем.

– О, разумеется, нет.

– Ни слова?

– Ни единого слова, сохрани меня Бог. А ты почему спрашиваешь?

– Так, я боялся.

– Нет, Том Сойер, мы и двух дней живы не будем, если это обнаружится. Ты сам знаешь.

Том почувствовал некоторое успокоение. Помолчав немного, он спросил:

– Гек, может кто-нибудь заставить тебя проболтаться?

– Заставить меня проболтаться? Ну, если мне захочется, чтобы этот черт-метис утопил меня, тогда, пожалуй, проболтаюсь. Иначе – нет.

– Ну, значит, все ладно. Я считаю, что мы до тех пор только и целы, пока не проболтаемся. Но все-таки поклянемся еще раз. Крепче будет.

– Изволь.

Они еще раз принесли клятву с мрачными церемониями.

– Что поговаривают, Гек? Я так кучу разговоров слышал.

– Что поговаривают? Да все то же, только и слышишь: Мефф Поттер, Мефф Поттер, Мефф Поттер. Иной раз просто тошно станет, кажется, сбежал бы куда-нибудь.

– Вот и я тоже. Крышка ему, я думаю. А тебе не бывает иногда жаль его?

– Всегда жаль, всегда жаль. Не многого он стоит, но все-таки никому вреда не делал. Наловит, бывало, рыбы, чтобы достать денег на выпивку... Ну, без дела шататься любил. Но, Господи, все мы таковы, – большинство из нас, – даже проповедники и прочие подобные. Но он был добрый малый. Помню, раз отдал мне половину рыбы, хоть и мало ее было на двоих, а сколько раз выручал меня из беды!

– А мне чинил змея, Гек, и насаживал крючки на удочку. Хорошо бы нам выпустить его из тюрьмы.

– Эх, нельзя нам выпустить его, Том. Да и какой прок, его опять поймают.

– Да, поймают. Но меня зло берет, когда я слышу, как неистово его ругают, хотя вовсе не он сделал это.

– Меня тоже, Том. Господи, они уверяют, что он – самый кровожадный злодей в округе, и удивляются, как его раньше не повесили.

– Да, все время так толкуют. И грозятся, что если его оправдают, то они расправятся с ним судом Линча.

– Да, так и сделают, наверно.

Мальчики долго говорили, но это не доставило им облегчения. В сумерках они очутились близ маленькой уединенной тюрьмы, быть может, питая смутную надежду на какое-нибудь неожиданное происшествие, которое устранил их затруднения. Но ничего не случилось: по-видимому, ни ангелы, ни феи не интересовались судьбой бедного узника.

Мальчики сделали то, что им часто случалось делать раньше, – подошли к решетке и просунули Поттеру табак и спичек. Тюрьма была одноэтажная, сторожа при ней не было. Его благодарность за эти приношения всегда терзала их совесть, а в этот раз сильнее, чем когда-либо. Они чувствовали себя в последней степени трусами и предателями, когда он говорил:

– Вы были очень добры ко мне, ребята, – добрее всех в деревне. И я никогда не забуду об этом. Часто я говорю себе, – вот, говорю, – я всем ребяташкам чинил змеев и игрушки, и показывал им, где хорошо ловится рыба, и всячески ублажал их, однако же все забыли старого Меффа, когда он попал в беду, а Том не забыл, Гек не забыл, да, они не забыли, – говорю я себе, – и я никогда не забуду их! Да, ребята, я сделал страшное дело. Пьян был и себя не помнил, иначе объяснить не могу, и буду висеть за него, и так мне и следует. Следует, да оно и лучше, я думаю, надеюсь, по крайней мере. Ну, да не будем говорить об этом. Я не хочу вас огорчать. Вы так добры ко мне. Одно скажу вам – не пейте никогда, чтобы не попасть в такое вот место. Подвиньтесь-ка немного – вот так. Утешительно смотреть на ласковые рожицы человеку, когда он в такой беде и никто его знать не хочет, кроме вас. Добрые, ласковые рожицы. Влезьте-ка друг другу на спину, чтобы я мог дотронуться до вас. Вот. Дайте пожалть ваши руки – они пройдут сквозь решетку. Моя не пролезет. Маленькие рученьки и слабые, но они много помогли Меффу Поттеру, помогли бы больше, если бы можно было.

Том вернулся домой несчастным, и в эту ночь его преследовали страшные кошмары. Весь следующий день и еще день он бродил вокруг суда, испытывая почти неодолимое побуждение войти и рассказать, но пересиливая себя. С Геком было то же самое. Оба мальчика старательно избегали друг друга. Каждый из них уходил на время, но то же неодолимое влечение заставляло обоих возвращаться. Том прислушивался к разговорам публики, выходявшей с судебного заседания, но слышал только неутешительные новости. Петля все туже и туже затягивалась на шее бедного Поттера. Под конец второго дня в деревне говорили о впечатлении, произведенном ясным и непоколебимым показанием индейца Джо, причем прибавляли, что относительно вердикта присяжных не может быть никакого сомнения.

Том вернулся домой поздно ночью и влез в спальню через окно. Он был в страшном волнении и несколько часов провалялся без сна. Наутро вся деревня собралась в суде, так как это был решительный день. Представители обоих полов толпились в битком набитой зале. После долгого ожидания вышли присяжные и заняли свои места. Вскоре был введен Поттер, в кандалах, бледный и растерянный, робкий и упавший духом. Его посадили на видное место. Угрюмая, как всегда, фигура индейца Джо также бросалась в глаза. Прошло еще некоторое время. Наконец явился суд, и шериф объявил заседание открытым. Последовало обычное перешептывание между членами суда и шуршание бумаги. Все эти мелочи и проволочки усиливали напряженность ожидания, придавая ему что-то зловещее и внушительное.

Был вызван свидетель, показавший, что он застал Меффа Поттера за умыванием у ручья рано утром, в тот самый день, когда убийство было открыто, и что подсудимый убежал при виде его. После некоторых дальнейших вопросов представитель обвинения сказал:

– Допросите свидетеля.

Подсудимый на мгновение поднял глаза, но снова опустил их, когда его защитник сказал:

– Защита отказывается от допроса.

Следующий свидетель рассказал о том, как он нашел нож возле трупа. Обвинитель сказал:

– Допросите свидетеля.

– Защита отказывается от допроса, – отвечал защитник Поттера.

Третий свидетель показал под присягой, что не раз видал этот самый нож у Поттера.

– Допросите свидетеля.

Защитник Поттера снова отказался от допроса.

Лица присутствующих начали выражать недоумение. Неужели адвокат решил отказаться от всякой попытки спасти жизнь своему клиенту?

Несколько свидетелей дали показания о подозрительном поведении Поттера на месте преступления. Они тоже были отпущены без перекрестного допроса.

Все подозрительные обстоятельства, говорившие против подсудимого и имевшие место на кладбище в то утро, о котором хорошо помнили присутствующие, были установлены свидетелями, причем ни один из них не был подвергнут перекрестному допросу защитником. Смущение и негодование присутствующих выразилось ропотом, который был прекращен председателем. Обвинитель сказал:

– На основании показаний под присягой граждан, простое слово которых выше подозрения, мы установили, вне всяких сомнений, что это ужасное преступление совершено несчастным узником, находящимся здесь на скамье подсудимых. Мы считаем наше следствие законченным.

Стон вырвался из груди бедного Поттера, и он закрыл лицо руками, слегка покачиваясь из стороны в сторону, а в зале водворилось тяжелое молчание. Многие из мужчин были взволнованы, а сострадание женщин выразилось слезами. Защитник встал и заявил:

– Ваша честь! В начале судебного разбирательства мы имели в виду доказать, что наш клиент совершил это ужасное преступление в состоянии невменяемости, под влиянием слепого бешенства, порожденного пьянством. Наше мнение изменилось. Мы не будем приводить этих доводов. (Обращаясь к судебному приставу.) Вызовите Тома Сойера.

Изумление выразилось на всех лицах, не исключая Меффа Поттера. Глаза всех с вопрошающим любопытством устремились на Тома, который встал и вышел вперед. Мальчик выглядел очень взволнованным, так как порядком побаивался. Его привели к присяге.

– Томас Сойер, где вы были семнадцатого июня около полуночи?

Том взглянул на мрачную физиономию индейца Джо и почувствовал, что язык не повинуется ему. Все затаили дыхание, но он не мог выговорить ни слова. Однако спустя несколько минут собрался с духом настолько, что мог произнести довольно внятно, так что часть присутствующих слышала:

– На кладбище.

– Немножко погромче, пожалуйста. Не бойтесь. Вы были на кладбище?

Презрительная улыбка мелькнула на лице индейца Джо.

– Близко ли вы были от могилы Горза Вильямса?

– Да, сэр.

– Говорите громче. Как близко?

– Так, как до вас.

– Вы прятались или нет?

– Да, прятались.

– Где?

– За вязами, что растут возле могилы.

Индеец Джо сделал едва заметное движение.

– Был кто-нибудь с вами?

– Да, сэр. Я пришел туда с...

– Постойте – подождите минутку. Нет надобности пока называть имя вашего товарища. Мы вызовем его в свое время. Принесли вы что-нибудь с собой на кладбище?

Том колебался и казался смущенным.

– Говорите, мой милый, без всякого смущения. Правда всегда заслуживает уважения. Что вы принесли туда?

– Только до...дохлую кошку.

Послышался смех, но председатель тотчас прекратил его.

– Мы доставим скелет этой кошки. Ну, милый мой, расскажите же нам, что случилось, – рассказывайте, как умеете, ничего не пропускайте и ничего не бойтесь.

Том стал рассказывать – сначала нерешительно, но, по мере того как он воодушевлялся, речь его лилась свободнее и свободнее. И вскоре только его голос раздавался в тишине. Все глаза устремились на него. С полуоткрытыми ртами, затаив дыхание, присутствующие превратились в слух, не замечая времени под впечатлением рассказа. Напряжение достигло высшей точки, когда Том сказал:

– Когда же доктор нанес удар доской и Мефф Поттер упал, индеец Джо кинулся с ножом и...

Трах!.. С быстротою молнии метис ринулся к окну, растолкал встречных и исчез!

Глава XXIV

Радость в течение дней и чувство тревоги в течение ночей.

Том еще раз оказался блестящим героем-баловнем старых, предметом зависти молодых. Имя его даже удостоилось бессмертия благодаря печати, так как местная газета прославляла его. Нашлись такие, которые предсказывали, что он будет президентом, если избежит виселицы.

Как водится, взбалмошный, не рассуждающий мир прижал Меффа Поттера к сердцу и осыпал его такими же неумеренными ласками, как раньше бранью. Это, впрочем, служило к чести мира, поэтому не будем упрекать его.

Дни Тома были днями славы и ликования, зато ночи его стали полны ужаса. Индеец Джо, с угрозой в глазах, отравлял его сны. Вряд ли какой соблазн мог заставить мальчика выйти из дома с наступлением ночи. Бедняга Гек был в таком же состоянии волнения и ужаса, так как Том все рассказал защитнику накануне последнего заседания, и Гек смертельно боялся, что его участие в деле выплывет наружу, хотя бегство индейца Джо избавило его от необходимости давать показания в суде. Адвокат обещал бедняге хранить его тайну, но что же из этого? После того как угрызения совести заставили Тома отправиться ночью к адвокату и вырвали страшную тайну из его уст, которые были запечатаны самой ужасной и грозной клятвой, доверие Гека к роду человеческому сильно поколебалось. Днем благодарность Меффа Поттера заставляла Тома радоваться, что он рассказал правду, ночью же он жалел, что не придержал языка. Половину времени Том боялся, что индейца Джо никогда не поймают, другую – надеялся, что он будет пойман. Он чувствовал, что только тогда будет дышать свободно, когда этот человек умрет и он увидит его труп.

За поимку была назначена награда. Обшарили все окрестности, но индейца Джо и след простыл. Один из тех всеведущих и внушающих благоговение кудесников, которых называют сыщиками, приехал из Сен-Луи, понюхал кругом, покачал головой, скорчил глубокомысленную мину и добился того же изумительного результата, какого обыкновенно добиваются эти молодцы. Иными словами, «напал на след». Но так как «след» нельзя повесить за убийство, то и после того, как сыщик окончил свои розыски и уехал домой, Том не чувствовал себя в безопасности.

Дни медленно тянулись за днями, и каждый из них слегка убавлял гнет опасений, удручавших Тома.

Глава XXV

Мечты о кладе. – Поиски.

В жизни каждого мальчика, при нормальном ее течении, наступает момент, когда у него возникает пламенное желание отправиться на поиски кладов. Это желание внезапно обуяло Тома. Он устремился к Джо Гарперу, но не застал его дома. Отправился к Бену Роджерсу, но тот ушел удить рыбу. Вскоре он наткнулся на Гека Финна Кровавая Рука. Гек был подходящий человек. Том отвел его в сторонку и под секретом сообщил ему свой план. Гек согласился. Гек всегда соглашался принять участие в каком бы то ни было предприятии, сулившем развлечение и не требовавшем капитала, так как располагал в обременительном изобилии тем временем, которое не деньги.

– Где же будем рыть? – спросил Гек.

– О, везде попробуем.

– Да разве везде зарыто?

– Ну, нет. Зарыто в особенных местах, Гек, – иногда на островах, иногда в сгнивших сундучках под оконечностью сука старого засохшего дерева, как раз там, где тень падает в полночь, а чаще всего в домах, где водятся привидения.

– Кто же это зарывает?

– Ну, воры, конечно, – неужто не понимаешь? Не директора же воскресных школ!

– Почему я знаю. Будь у меня деньги, я бы их не зарывал, а истратил и пожил бы в свое удовольствие.

– Да, и я тоже, но воры не так действуют. Они всегда заруют, да так и оставляют.

– А потом разве не приходят за кладом?

– Нет, они всегда собираются, но обыкновенно забывают знаки или умирают. Деньги так и лежат да ржавеют, пока кто-нибудь не найдет старую пожелтевшую бумажку, на которой написано, как найти знаки. И бумажку эту приходится разбирать целую неделю, потому что написано большей частью знаками и гироглифами.

– Гиро... как?

– Гироглифами, – это, знаешь, такие фигурки и узоры, которые с виду как будто ничего не значат.

– Ты что же, нашел такую записочку, Том?

– Нет.

– Так как же мы найдем знаки?

– Обойдемся и без знаков. Зарывают всегда или в доме с привидениями, или на острове, или под засохшим деревом, у которого один сук торчит. Мы уже пошарили малость на острове Джэксона, можем и еще пошарить, а за Тихим Ручьем есть дом, где водятся привидения, да и сухих деревьев там множество – целая куча.

– И под каждым деревом зарыт клад?

– Что ты мелешь! Нет!

– Так как же мы узнаем, под которым он зарыт?

– Будем рыть под всеми.

– Что ты, Том, да ведь этак нам все лето рыть придется.

– Что же такого? Зато подумай – вдруг мы находим медный котелок, а в нем сотня долларов, все ржавые и блестящие, или сгнившую шкатулочку, битком набитую алмазами. А? Каково?

Глаза у Гека загорелись.

– Мне этого много, куда мне столько. Давай мне сотню долларов, а алмазов не нужно.

– Ладно. Ну, а я так не брошу алмазов. Из них есть такие, что стоят двадцать долларов штука. А дешевле шести битов или доллара ни одного не найдется.

– Ну? Будто?

– Верно, – всякий тебе скажет. Разве ты никогда не видел алмаза, Гек?

– Нет, не припомню что-то.

– У королей их целые груды.

– Ну, королей мне не случалось видеть, Том.

– Понятное дело. Но если бы ты поехал в Европу, то увидел бы: они там целыми стаями скачут.

– Разве они скачут?

– Э, глупый! Нет!

– Да ты же сам сказал.

– Вздор! Я только хотел сказать, что ты бы увидел, как они там – не скачут, разумеется, – на что им скакать? Но я хотел сказать, что ты бы увидел, как они там – слоняются, понимаешь, как и все прочие, вроде этого старого горбуна Ричарда.

– Ричарда? А по фамилии как?

– Никакой у него не было фамилии. У королей всегда только одно имя.

– Да ну?

– Верно.

– Ну, коли им так нравится, Том, их дело; но я бы не хотел быть королем с одним именем, точно негр. Но послушай, где же мы начнем рыть?

– Не знаю. Не попытаться ли удачи под старым засохшим суковатым деревом на холме, за Тихим Ручьем?

– Идет.

Они раздобыли сломанную кирку и заступ и отправились за три мили. Придя на место, усталые и вспотевшие, прилегли в тени соседнего вяза покурить.

– Мне это нравится, – сказал Том.

– Мне тоже.

– Скажи, Гек, если мы найдем клад, что ты будешь делать со своей долей?

– Буду есть пирожки и пить содовую воду каждый день и ходить в цирк каждый раз, как он приедет. Весело проживу, будь покоен.

– А копить не будешь?

– Копить? Зачем?

– Ну, на черный день.

– Ну, это мне ни к чему. Вернется батька в деревню, запустит лапу в мои денежки, если я их не растрочу раньше, и живо им глаза протрет. А ты что будешь делать со своими, Том?

– Куплю новый барабан, настоящий меч, красный галстук, щенка бульдога и женюсь.

– Женишься?

– Непременно.

– Том, да ты... да ты рехнулся?

– Вот увидишь.

– Да ведь хуже этого ты ничего придумать не мог бы, Том. Посмотрел бы ты на моих отца и мать. Побоище! Только и знали, что драться. Я помню, мне ли не помнить?

– Это ничего не значит. Девочка, на которой я женюсь, не станет драться.

– Том, я уверен, что они все одинаковы. Всякая готова загрызть человека. Лучше подумай об этом хорошенько. Я тебе говорю, подумай. Как зовут девчонку?

– Она вовсе не девчонка – она барышня.

– Ну, это все равно; одни говорят девчонка, другие барышня, а оно все то же выходит. Так как же ее звать-то?

- Я тебе скажу когда-нибудь, – только не теперь.
 - Ладно, будь по-твоему. Только если ты женишься, то я уж совсем один останусь.
 - Вовсе нет, ты будешь жить со мной. Ну, бросим это да начнем копать.
- Они работали с полчаса, обливаясь потом. Ничего не отрыли. Провозились еще полчаса.

Тот же результат. Гек сказал:

- Всегда они так глубоко зарывают?
- Иногда – не всегда. Обыкновенно – нет. Мы, должно быть, попали не на то место.

Они выбрали другое место и снова принялись рыть. Работа на этот раз пошла довольно вяло, но все же подвигалась кое-как. Некоторое время они рыли молча. Наконец Гек остановился, оперся на заступ, утер рукавом капли пота со лба и сказал:

- Где мы будем рыть, когда кончим здесь?
- Я думаю попытаться счастья под старым деревом на Кардигском холме, за домом вдовы.
- Да, пожалуй, место подходящее. Только вдова-то не отберет у нас деньги, Том? Земля ведь ее.

– Отберет! Пусть попробует. Клады всегда принадлежат тому, кто их нашел. Все равно на чьей земле.

Это замечание решало вопрос. Снова стали рыть. Немного погодя Гек сказал:

- Мы, наверное, опять не в том месте роем. Как ты думаешь?
- Странное дело, Гек. Ничего не понимаю. Иной раз ведьмы впутываются. Может, и теперь какая-нибудь замешалась.

– Пустое! Ведьмы днем не имеют силы.

– Да, да, конечно. Я и забыл. О, теперь знаю, в чем дело! Дурни же мы с тобой! Ведь нужно рыть на том самом месте, куда тень от сука падает в полночь.

– Тьфу ты пропасть! Значит, мы все время работали зря!? Теперь придется бросить и прийти сюда ночью. А даль-то какая. Тебе можно будет выбраться ночью?

– Непременно пойду. Мы должны прийти сюда ночью, а то кто-нибудь увидит эти ямы, догадается, что тут есть клады, и откопает.

– Ну, так я приду ночью и мяукну.

– Ладно. А инструменты спрячем в кустах.

Мальчики вернулись сюда около полуночи и уселись поджидать тень. Место было пустынное, час, по старинным преданиям, зловещий. Духи шушукались в листве, привидения сновали в чаще, глухой лай собаки доносился откуда-то издалека. Филин отвечал на него своим гробовым уханьем. Эта мрачная обстановка действовала на мальчиков, и разговор у них не клеился. Когда, наконец, по их расчету наступила полночь, они отметили место, где приходилась тень, и принялись рыть. Надежды их начинали крепнуть. Увлечение росло, и вместе с ним усердие. Яма становилась все глубже и глубже, но всякий раз, как заступ натыкался на что-нибудь и сердца их замирали от радости, за нею следовало разочарование. Это оказывался камень или кусок дерева. Наконец Том сказал:

– Не стоит и копать, Гек, видно, опять не туда попали.

– Как же не туда? Как раз там начали рыть, где была тень.

– Знаю, но тут другая причина.

– Какая же?

– Время-то мы наудачу определили. Видно, начали либо слишком поздно, либо слишком рано.

Гек даже заступ уронил.

– Вон оно что, – сказал он. – Плохо дело. Придется бросить. Никогда нам не угадать время точка в точку, да и страшно здесь в такую пору, когда ведьмы да привидения рыскают кругом. Я все время чувствовал, словно кто-то стоит за мной, да боялся повернуться, – может,

и спереди стоит кто-нибудь да ждет случая, чтобы наброситься. Меня дрожь пробирает все время, что мы здесь.

– Да и мне страшно вато, Гек. Они ведь почти всегда зарывают мертвеца вместе с кладом, чтоб он стерег его.

– Господи!

– Да, зарывают. Я всегда слышал.

– Том, мне совсем неохота поднимать возню там, где есть мертвецы. С ними, брат, шутки плохи.

– Я тоже не люблю их тревожить, Гек. Вдруг он выставит свой череп да скажет что-нибудь!

– Не говори, Том! Страшно!

– Правда твоя, Гек. Мне тоже не по себе.

– Послушай, Том, бросим это место и попытаем счастья где-нибудь в другом.

– Ладно, пожалуй, оно лучше будет.

– Только где?

Том подумал с минуту и сказал:

– В доме с привидениями. Вот где.

– Ну его. Не люблю я домов с привидениями, Том. Мертвец, он, может быть, и говорит, но по крайней мере не подкрадывается в саване так незаметно, что ты и не услышишь, пока он не просунет тебе голову через плечо, оскалив зубы, как делают привидения. Я такой штуки не выдержу, Том, да и никто не выдержит.

– Да, Гек; зато привидения бродят только по ночам, они не помешают нам рыть днем.

– Это, положим, верно. Однако же много таких людей, которые не пойдут в дом с привидениями ни днем, ни ночью.

– Да ведь это потому, что не любят ходить туда, где был убит человек. Но в этих домах никто еще ничего не видал даже ночью, – только синие огоньки вылетают из окон, – а не настоящие привидения.

– Ну, уж если где увидишь синий огонек, Том, так знай, что и привидение тут же поблизости. Это ясно. Потому, ведь ты знаешь, таких огоньков ни у кого нет, кроме привидений.

– Да, это так. Но днем-то они не показываются, так чего ж бояться?

– Ну, хорошо. Попробуем искать в доме с привидениями, хотя, по-моему, это опасно.

Тем временем они спускались с холма. Внизу, среди озаренной луною долины, стоял заколдованный дом, совсем особняком; забор вокруг него совсем развалился, вьющиеся растения взбирались на крыльцо, труба покривилась, угрожая падением, стекла были выбиты, один угол крыши обрушился. Мальчики постояли немного, всматриваясь в него и поджидая, не вылетит ли из его окна синий огонек; потом, разговаривая вполголоса, как требовали время и обстоятельства, повернули направо, чтобы держаться подальше от зловещего дома, и вернулись домой лесом, в обход Кардигского холма.

Глава XXVI

Дом с привидениями. – Спящие духи. – Ящик с золотом. – Отравленное счастье.

На другой день около полудня мальчики вернулись к сухому дереву за инструментами. Тому не терпелось идти в заколдованный дом; Гек, по-видимому, тоже был не прочь, но вдруг сказал:

– Послушай, Том, а ты знаешь, какой у нас день сегодня?

Том мысленно перебрал дни недели и вдруг растерянно взглянул на Гека.

– Вот так штука! А ведь я и не подумал об этом.

– Я тоже, но сейчас мне вдруг пришло в голову, что сегодня пятница.

– Вот как нужно остерегаться! Мы бы могли попасть в знатную переделку, если бы затеяли такую штуку в пятницу.

– Могли бы! Скажи лучше, наверное попали бы. Есть счастливые дни, только не пятница.

– Всякий дурак это знает. Ты не первый открыл это, Гек.

– А разве я говорил, что первый. Да, пятница – это еще не все. Я видел сегодня ночью прескверный сон – крысы снились.

– Да ну? Дурной знак. Дрались они?

– Нет.

– Ну, это хорошо, Гек. Если не дрались, то это значит только, что беда может случиться. Надо держать ухо востро и остерегаться. Бросим это дело сегодня и давай играть. Слыхал ты о Робине Гуде?

– Нет. Какой такой Робин Гуд?

– Это был один из самых великих людей, какие только были в Англии, – и самый лучший. Он был разбойник.

– Здорово!.. Хотел бы и я быть разбойником. Кого он грабил?

– Только шерифов, да епископов, да богачей и королей и прочих подобных. А бедных он никогда не обижал. Он их любил. И делился с ними всем поровну.

– Вот славный малый.

– Еще бы. О, он был самый благородный человек, какие только жили на свете. Теперь уже нет таких людей, верно говорю. Он мог одолеть любого человека в Англии, завязав себе одну руку на спину; и попадал из своего тиссового лука в десятицентовую монету за полторы мили.

– Что за *тиссовый* лук?

– Не знаю. Какой-нибудь лук. Если ж ему удавалось только задеть монету за край, то он бросал лук на землю и давай плакать и ругаться. Будем играть в Робина Гуда – игра знатная! Я тебя научу.

– Идет.

Они играли в Робина Гуда до сумерек, время от времени поглядывая на заколдованный дом и обмениваясь замечаниями о завтрашних планах и возможностях. Когда же солнце склонилось к западу, пошли домой, пересекая длинные тени деревьев, и вскоре скрылись в рощах Кардигского холма.

В субботу, незадолго до полудня, мальчики снова были у сухого дерева. Они покурили и поболтали, лежа в тени, потом порылись немного в своей последней яме, не потому чтобы питали особенные надежды, но Том говорил, что часто люди бросали поиски, не дорывшись каких-нибудь шести дюймов до клада, а потом являлся кто-нибудь другой и добывал сокровища, копнув раз или два. Однако и на этот раз ничего не вышло, так что мальчики закинули свои заступы на плечи и ушли, сознавая, что они не шутили с фортуной, но исполнили все, что требуется от кладоискателей.

Когда они добрались до заколдованного дома, было что-то настолько томительное и злое в мертвой тишине, царившей здесь, под палящими лучами солнца, что-то настолько гнетущее в его одиночестве и разорении, что они сначала не решались войти. Потом прокрались к двери и робко заглянули в нее. Увидели комнату с земляным, поросшим травой полом и бревенчатыми стенами, старый очаг, окна без рам, ветхую лестницу и повсюду клочья паутины. Они тихонько вошли, взволнованные, разговаривая шепотом, прислушиваясь к малейшему звуку, готовые дать стрекача при первой тревоге.

Понемногу они освоились с местом, несколько ободрились и принялись с любопытством осматривать комнату, восторгаясь собственной смелостью и дивясь ей. Им захотелось заглянуть и наверх. Правда, это отрезало бы им путь к отступлению, но они подзадоривали друг друга, и кончилось, разумеется, тем, что инструменты были брошены в угол, а мальчики отправились наверх. Наверху их встретила та же картина разрушения. В углу стоял шкаф, обещавший нечто таинственное, но обещание оказалось лживым – шкаф был пустой. Теперь они совсем расхрабрились и были в ударе. Они собирались спуститься вниз и приняться за работу, как вдруг...

– Ш-гя-ш! – произнес Том.

– Что такое? – шепотом спросил Гек, побелев от страха.

– Ш-ш-ш! Вот! Слушай!

– Да! Ох, плохо дело! Убежим!

– Тише! Не шевелись! Идут прямо к двери.

Мальчики растянулись на полу, прильнув к щелям, и ждали, замирая от страха.

– Остановились. Нет – идут. Вот они. Молчи, Гек, ни гу-гу. Господи, дернуло же меня сюда забраться.

Вошли двое мужчин. Оба мальчика сказали про себя:

– Это глухонемой старик, Испанец, который заходил раза два в деревню, – другого же я никогда не видел раньше.

«Другой» был оборванный, лохматый субъект, наружность которого не представляла ничего приятного. Испанец был закутан в серапе; седые волосы длинными прядями спускались из-под широкополой шляпы, смешиваясь с седыми косматыми бакенбардами; он носил зеленые очки. Входя в комнату, «другой» говорил что-то вполголоса и продолжал свою речь, когда они уселись на полу против двери, спиной к стене. Он перестал остерегаться и заговорил громче:

– Нет, я обдумал все, и не по нутру мне это дело. Опасно.

– Опасно! – проворчал глухонемой Испанец, к величайшему изумлению мальчиков. – Баба!

При звуках этого голоса мальчики так и вздрогнули! Это был голос индейца Джо! Последовало минутное молчание. Затем Джо сказал:

– Чем оно опаснее той штуки, на днях, а ведь удалось.

– Это другое дело. То было далеко за рекой, кругом и жилья никакого нет. Никому бы и в голову не пришло, что мы там орудуем, прежде чем все было кончено.

– Ну, а не опасно разве нам приходиться сюда днем? У всякого, кто нас заметит, возникнет подозрение.

– Знаю. Да деваться-то нам некуда было после той штуки. Я был рад уйти из этой дыры. Еще вчера бы ушел, если б не проклятые мальчишки. Нельзя было и носа высунуть отсюда, пока они играли там на холме.

«Проклятые мальчишки» снова содрогнулись при этом замечании и порадовались, что им вспомнилась пятница, заставившая их отложить предприятие на день. В глубине души они жалели, что не отложили его на год. Те двое между тем достали какую-то провизию и принялись закусывать. После долгого молчания и размышления Джо сказал:

– Слушай, приятель, ты можешь отправляться восвояси, вверх по реке. Подожди там, пока я дам тебе знать. Рискну еще раз пробраться в деревню на разведку. Мы оборудуем эту «опасную» штуку, когда я все высмотрю и дождусь благоприятного случая. А тогда в Техас! Вместе отправимся!

Этот план был принят. Затем оба стали зевать, и индеец Джо сказал:

– Смертельно спать хочется! Твоя очередь сторожить.

Он растянулся на траве и вскоре захрапел. Товарищ толкал его раза два, и он затих. Вскоре и сторож начал клевать носом; голова его клонилась все ниже и ниже; теперь оба начали храпеть.

Мальчики с облегчением перевели дух. Том шепнул:

– Теперь попытаем счастья – идем!

– Не могу, – ответил Гек, – я умру, если они проснутся.

Том настаивал, Гек упирался. Наконец Том встал тихонько и неслышно пошел один. Но при первом же его шаге ветхие половицы так отчаянно заскрипели, что он присел полумертвый от страха. Он не решился повторить попытку. Мальчики лежали, считая медленно тянувшиеся минуты, пока им не стало казаться, что время уже умерло и сама вечность состарилась; наконец они с радостью заметили, что солнце заходит.

Один из спящих перестал храпеть. Индеец Джо приподнялся, осмотрелся, взглянул с угрюмой усмешкой на своего товарища, голова которого лежала на коленях, толкнул его ногою и сказал:

– Эй! Хорош сторож!

– Все благополучно, ничего не случилось! Эх ведь, никак я заснул?

– Не без того. Однако пора и трогаться. Что мы будем делать с добычей, которая у нас тут хранится?

– Не знаю, – оставим здесь, как всегда делали. Незачем и трогать ее, пока не двинемся на юг. Шестьсот пятьдесят долларов серебряной монетой весят изрядно.

– Да, ладно, зайти сюда будет недолго.

– Конечно, только зайдем лучше ночью, как и раньше делали.

– Да, но вот в чем дело – времени, пожалуй, пройдет немало, прежде чем мне удастся устроить ту штуку; мало ли что может случиться – место здесь ненадежное; надо запрятать поосновательнее и закопать поглубже.

– Хорошо придумано, – ответил товарищ. Он прошел на другой конец комнаты, поднял один из кирпичей у задней стенки печи и вытащил оттуда мешок, звякнувший очень приветливо. Он достал из него двадцать или тридцать долларов для себя и столько же для индейца Джо и передал последнему мешок. Джо стоял на коленях в углу и рыл землю ножом.

Мальчики в одно мгновение забыли свои страхи и бедствия. Горящими глазами следили они за каждым движением. Вот оно, счастье-то, такое ослепительное, что и представить себе трудно. Шестьсот долларов – да ведь этого довольно, чтобы обогатить полдюжины мальчиков! Представлялся случай найти клад при самых благоприятных условиях – не придется ломать голову, где рыть. Они то и дело подталкивали друг друга локтем – красноречивые толчки, значение которых нетрудно было понять, так как они означали: теперь ты рад, что мы здесь?

Нож Джо наткнулся на что-то.

– Эге! – сказал он.

– Что там такое? – отозвался его товарищ.

– Гнилая доска, – нет, кажется, сундук. Засунь-ка руку, посмотрим, что там такое. Суй смелей, я пробил дыру.

Тот засунул руку и вытащил ее обратно.

– Деньги, брат.

Оба стали рассматривать пригоршню монет. Это было золото. Мальчики наверху были в немалом волнении и восторге.

Товарищ Джо сказал:

– Мы живо выроем его. Тут в углу за печкой валяется старый заржавленный заступ – я сейчас его видел.

Он побежал и принес заступ и кирку мальчиков. Индеец Джо взял заступ, внимательно осмотрел его, покачал головой, что-то пробормотал себе под нос и принялся рыть.

Скоро сундучок был открыт. Он был невелик, окован железом и, вероятно, очень прочен в свое время, прежде чем медленная работа времени разрушила его. Товарищи в безмолвном упоении любовались сокровищем.

– Тут, брат, несколько тысяч долларов, – сказал индеец Джо.

– Я не раз слышал, что шайка Морреля работала здесь одно лето, – отвечал незнакомец.

– Я тоже слышал, – подтвердил индеец Джо, – да оно и похоже на их работу.

– Теперь тебе нет надобности проделывать ту штуку, о которой ты говорил.

Метис нахмурился.

– Не знаешь ты меня, – сказал он. – Или дела не знаешь. Тут не грабеж, а месть! – Глаза его загорелись злобой. – Мне понадобится твоя помощь. Покончим – тогда в Техас. Ступай к своей Нэнси и ребятишкам и жди, покуда не дам тебе знать.

– Ладно, будь по-твоему. Что же мы будем делать с этим, опять зароем?

– Да. – (Восторг наверху.) – Нет, клянусь великим Сахемом, нет! – (Глубокое уныние наверху.) – Я было и забыл. На заступе-то была свежая земля. – (Мальчики оцепенели от ужаса.) – Как сюда попали заступ и кирка? С какой стати на них свежая земля? Кто их принес и куда он девался? Ты ничего не слышал, никого не видел? Мы зароем, а тот опять явится и увидит, что тут рыли землю. Нет, это не подходит... не подходит. Унесем в логовище.

– Да, конечно! Я не сообразил сразу-то. Ты разумеешь номер первый?

– Нет, номер второй, под крестом. Первый не подходит – людно очень.

– Ладно. Ну, теперь стемнело, можно и тронуться в путь.

Индеец Джо встал и обошел комнату, осторожно выглядывая в окна. Затем он сказал:

– Кто бы мог принести сюда эти инструменты? Нет ли кого наверху?

У мальчиков дух захватило. Индеец Джо взялся за нож, постоял минуту в нерешительности, затем направился к лестнице. Мальчики вспомнили о шкафе, но у них не хватило силы. Заскрипели ступеньки, безвыходность положения вернула решимость мальчикам, они хотели было кинуться в шкаф, но в эту минуту гнилые ступеньки затрещали, и индеец Джо обрушился вниз вместе с обломками развалившейся лестницы. Он встал, ругаясь, а товарищ сказал ему:

– Да брось, о чем хлопочешь? Если там есть кто-нибудь, так и пусть сидит, какое кому дело? Если захочет соскочить вниз и сломать себе шею, нам-то что? Через четверть часа будет совсем темно, и пусть кто хочет выслеживает нас, сделай одолжение. Я думаю, что тот, кто принес эти вещи, принял нас за чертей или духов, или что-нибудь подобное. Бьюсь об заклад, что он удрал.

Джо поворчал немного, но согласился со своим приятелем, что им нужно воспользоваться тем, что еще светло, чтобы выбраться отсюда. Немного спустя они вышли из дома и направились к реке со своим драгоценным сундучком.

Том и Гек встали, разбитые, но чувствуя огромное облегчение, и следили за ними в щели дома. Выслеживать? Где уж тут – они были рады, что им удалось спуститься вниз, не сломав себе шеи, и отправиться домой по дороге через холм. Они мало говорили, так как сердились на самих себя – нелегкая их дернула принести лом и заступ. Не будь инструментов, у индейца Джо не возникло бы никакого подозрения. Он спрятал бы здесь и золото, и серебро в ожидании того дня, когда ему удастся осуществить свою «месть», а затем имел бы удовольствие убедиться, что денег и след простыл. Несчастная, несчастная была выдумка притащить сюда инструменты!

Они решились не спускать глаз с Испанца, когда он явится в деревню искать случая для своей мстительной затеи, а затем проследить за ним до номера второго, где бы он ни был.

Вдруг страшная мысль мелькнула у Тома.

– Месть? Не нам ли он собирается мстить, Гек?

– Ой, не говори, – сказал Гек, готовый лишиться чувств.

Они стали обсуждать этот вопрос, и когда входили в деревню, то согласились, что он не может иметь в виду никого другого, кроме Тома, потому что только Том давал показание на суде.

Очень, очень мало утешения находил Том в мысли, что опасность грозит ему одному. В компании, думалось ему, было бы не так жутко.

Глава XXVII

Сомнение, подлежащее устранению. – Юные същички.

Последнее приключение тревожило в эту ночь сон Тома страшными видениями. Четыре раза он держал в руках сокровище, и четыре раза оно расплывалось в ничто между его пальцами, когда сон покидал его, и он возвращался к суровой действительности с ее неудачей. Когда он проснулся рано утром и стал вспоминать подробности своего великого приключения, они показались ему замечательно тусклыми и далекими, как будто это случилось в другом мире или в давно минувшие времена. Ему пришло в голову, что и само великое приключение, пожалуй, было только сном! Сильным аргументом в пользу этого предположения служило количество монет, виденное им, чересчур громадное, чтобы быть реальным. Том еще никогда не видывал более пятидесяти долларов в одной куче и подобно всем мальчикам своего возраста и общественного положения воображал, что всякие упоминания о «сотнях» и «тысячах» только фантастические украшения слога и что таких сумм вообще не существует на свете. Он никогда не предполагал серьезно, что такая огромная сумма, как сотня долларов, может оказаться настоящей, подлинной, притом сосредоточенной в одних руках. Если бы анализировать его понятия о кладах, то оказалось бы, что ему представляется пригоршня мелкой десятипенсовой монеты и мерка какой-то другой, смутной, великолепной и неосязаемой.

Однако все подробности приключения выступали все яснее и отчетливее по мере того, как он думал о них, так что в конце концов он стал склоняться к мнению, что это, пожалуй, и не был сон. Надо было разрешить сомнение. Он наскоро позавтракал и побежал искать Гека.

Гек сидел на шкафуте плоскодонного судна, рассеянно болтая ногами в воде, и выглядел очень меланхолически. Том решил, что предоставит ему первому завести речь об этом предмете. Если Бог не сделает этого, то, значит, приключение было только сном.

– Эй, Гек!

– Сам ты эй!

Минутное молчание.

– Том, если бы мы оставили эти проклятые инструменты у сухого дерева, деньги были бы наши. Каково это подумать!

– Значит, это не сон, значит, это не сон. А мне почти хотелось, чтобы это был сон. Ей-ей, хотелось.

– Что – не сон?

– Да вчерашняя история. Я было подумал, что это был сон.

– Сон! Не развались вчера лестница, узнал бы ты, какой это был сон! Мне всю ночь мерещилось, что этот пучеглазый испанский черт лезет на меня, пропади он пропадом!

– Нет, не пропади. Надо его найти! Выследить деньги!

– Никогда мы его не найдем, Том. Такая удача два раза не бывает. Да мне бы и страшно было встретиться с ним, как ты себе хочешь.

– Да и мне тоже; а все-таки я хочу встретиться с ним и проследить за ним – до номера второго.

– Номер второй; да, так. Я думал об этом. Только ничего не придумал. А по-твоему, что это такое?

– Не знаю. Мудрено. Послушай, Гек, может быть, это номер дома?

– Ну вот! Нет, Том, это не то. А если то, так, значит, в нашем захолустье его и искать нечего. У нас и номеров-то нет.

– Да, это правда. Дай-ка подумать минутку. Вот что, это номер комнаты в гостинице, понимаешь?

– А ведь верно! Здесь всего две гостиницы. Можно живо узнать.

– Подожди меня здесь, Гек, пока я сбегаю.

Том немедленно отправился на разведку. Он не любил показываться в обществе Гека в публичных местах. Через полчаса он вернулся. В лучшей гостинице номер второй был давно уже занят молодым юристом, который и теперь жил там. В другой, простой таверне, номер второй был окружен тайной. Сынишка хозяина сообщил, что комната постоянно на замке, что он ни разу не видал, чтобы кто-нибудь входил или выходил из нее иначе, как ночью; не знает, почему это так, не слишком интересуется этим; склонен объяснять тайну тем, что в комнате водятся духи; в прошлую ночь заметил в ней свет.

– Вот что я узнал, Гек. Думаю, что это и есть номер второй.

– Пожалуй, что так, Том. Что же мы будем делать?

– Дай подумать.

Том думал долго. Наконец сказал:

– Вот что я тебе скажу. Задняя дверь номера второго – та самая дверь, которая выходит в тупичок между харчевней и кирпичным складом. Собери все дверные ключи, какие только можешь достать, а я возьму все тетины, и в первую же темную ночь мы попробуем, не подойдет ли какой-нибудь к той двери. Да высматривай тем временем индейца Джо: он, помнишь, говорил, что побывает в деревне, чтобы поискать случая отомстить. Если увидишь его, ступай за ним; и если он не пойдет в номер второй, значит, это не то место.

– Господи, не пойду я за ним!

– Да ведь это наверное будет ночью. Он и не заметит тебя, а если и заметит, то вряд ли что подумает.

– Ну, если будет темно, то я, пожалуй, попробую выследить его. Не знаю... не знаю. Попытаюсь.

– А я так непременно буду следить за ним, если будет темно, Гек! Что, если он убедится, что не может отомстить, а придет прямо за деньгами?

– Верно, Том, верно. Я буду следить за ним; верное слово, буду!

– Ну, вот, молодец! Смотри же, не робей, Гек, а я не оробею.

Глава XXVIII

Покушение на номер второй. – Гек на страже.

Вечером Том и Гек были готовы к своему предприятию. Они бродили по-соседству с таверной до девяти часов: один наблюдал издали за тупиком, другой – за входом в таверну. Ночь обещала быть ясной, и Том отправился домой, условившись с Гекком, что, если сильно стемнеет, тот придет за ним и замяукает, а он выберется из дома попробовать ключи. Но ночь оставалась ясной, и Гек, прокараулив до двенадцати часов, ушел спать в пустую бочку из-под сахара.

Во вторник мальчикам так же не везло. В среду тоже. Но в четверг ночь сулила большой успех. Том вовремя выбрался из дома, захватив с собой старый теткин жестяной фонарь и полотенце, чтобы закрывать его. Он спрятал фонарь в бочке Гека, и оба принялись сторожить. За час до полуночи харчевня закрылась, и свет в ней (единственный в этой части деревни) погас. Испанец не показывался. Никто не входил и не выходил из тупика. Все, казалось, благоприятствовало предприятию. Ночь была темная, глубокая тишина нарушалась изредка лишь отдаленными раскатами грома.

Том взял фонарь, зажег его в бочке, тщательно завернул в полотенце, и оба искателя приключений прокрались в темноте к харчевне. Гек остался на страже у входа в тупик, а Том пошел дальше. Потянулось томительное время ожидания, камнем давившее душу Гека. Ему захотелось, наконец, увидеть свет фонаря, – он испугался бы, но по крайней мере узнал бы, что Том еще жив.

Ему казалось, что прошли уже целые часы с тех пор, как Том скрылся. Наверное, ему сделалось дурно; а может статься, он и умер; может статься, у него сердце разорвалось от ужаса и волнения. В своей тревоге Гек все дальше и дальше подвигался по переулку, пугаясь всевозможных ужасов и ежеминутно ожидая какой-нибудь катастрофы, от которой тут же свалится бездыханным. До этого и так уж было недалеко, потому что дыхание у него прерывалось, а сердце колотилось так, что грозило лопнуть. Вдруг блеснул свет, и Том промчался мимо него.

– Беги! – крикнул он, – спасайся!

Повторять не было надобности; довольно было и одного окрика; Гек уже мчался со скоростью тридцати или сорока миль в час, не дожидаясь повторения. Мальчики остановились только у заброшенной бойни, на другом конце деревни. Едва успели они укрыться в этом убежище, как разразилась гроза и хлынул дождь. Отдышавшись, Том сказал:

– Гек, это было ужас что такое! Я попробовал два ключа, как только мог тише; но они так звенели, что я еле дышал от страха. И ни один не повернулся в замке. Тут я как-то, сам не замечая, что делаю, повернул ручку, – гляжу, а дверь открыта. Она не была на замке! Я влез в комнату, уронил полотенце, и – о, *дух великого Цезаря...*

– Что?.. Что ты увидел, Том?

– Гек! Я чуть не наступил на руку индейцу Джо!

– Да ну?

– Да. Он лежал тут, спал на полу, раскинув руки.

– Что же ты сделал? Он не проснулся?

– Нет, и не шелохнулся. Пьян, должно быть. Я подобрал полотенце и побежал!

– Я бы не вспомнил о полотенце.

– Ну, а я вспомнил. Тетка задала бы мне перцу, если бы я потерял его.

– А сундучок видел?

– Гек, я не осматривал комнату, не до того было. Не видел я ни сундука, ни креста. Ничего не видел, кроме бутылки и оловянной кружки на полу возле индейца Джо! Да, заметил также два бочонка и грудку бутылок. Понимаешь теперь, какие духи водятся в этой комнате?

– Какие?

– Ну, духи виски! Может быть, во всех харчевнях Друзей Трезвости имеются такие комнаты, а, Гек?

– Пожалуй, что и так. Кто бы мог подумать! Но послушай, Том, если индеец Джо пьян, то теперь самое подходящее время утащить шкатулку.

– Именно! Попытайся!

Гек вздрогнул.

– Н-да... нет, я не решусь...

– И я не решусь, Гек. Одной бутылки возле индейца Джо мало. Будь их три, я бы знал, что он нагрузился достаточно, и попытался бы.

Они долго молчали, раздумывая. Наконец Том сказал:

– Вот что, Гек, мы попытаем счастья, когда индейца Джо там не будет. При нем не удастся. Если будем сторожить каждую ночь, то наверное заметим, когда он уйдет, а там живо стащим сундучок.

– Ладно, идет. Я буду сторожить ночь напролет, и каждую ночь, если ты возьмешь на себя остальную половину дела.

– Согласен. Тогда ты валяй на Гупер-стрит и мяукай; если я буду спать, брось в окно песком, и я проснусь.

– Решено и подписано!

– Теперь, Гек, гроза прошла, и я пойду домой. Часа через два начнет светать. Ты вернешься и будешь сторожить, так?

– Сказал, буду, Том, и буду. Буду следить за этой харчевней каждую ночь хоть целый год. Спать буду днем, а ночью сторожить.

– Отлично. Где же ты будешь спать?

– На сеновале у Бена Роджерса. Он меня пускает, и негр его отца, дядя Джэк, тоже. Я таскаю воду для дяди Джэка при случае и иной раз прошу у него поесть. Он предобрый негр, Том. Иногда даже ем вместе с ним. Только ты не рассказывай об этом. С голодухи делаешь и такие вещи, которых не стал бы делать всегда.

– Ладно, если ты не понадобишься мне днем, Гек, я тебя не стану будить. Спи себе, мешать не буду. А если ночью заметишь что-нибудь, беги ко мне и мяукай.

Глава XXIX

Пикник. – Гек напал на след Джо. – Жажда мести. – На помощь вдове.

Первое, о чем услышал Том в пятницу утром, была радостная новость – семейство судьи Татчера вернулось в местечко накануне вечером. На время Том забыл и об индейце Джо, и о сокровище, и Бекки заняла главное место в помыслах мальчика. Он повидался с нею, и они чудесно провели день, играя в жмурки и в пятнашки с толпой школьных товарищей. День завершился и увенчался особенной удачей: Бекки пристала к матери с просьбой устроить завтра давно обещанный и долго откладываемый пикник, и та согласилась. Восторгу девочки не было границ, а Том вполне разделял его. Приглашения были разосланы еще до заката солнца, и деревенская детвора закончила день в лихорадке сборов и предвкушений удовольствия. Возбуждение Тома долго не давало ему уснуть, и он лелеял надежду услышать мяуканье Гека и, раздобыв сокровище, изумить завтра Бекки и участников пикника; но ожидания его были обмануты. Сигнала в эту ночь не было.

Наступило утро; часов в десять-одиннадцать в доме судьи Татчера собралась беззаботная и шумная компания, и все было готово к отправке. Старшие обыкновенно не стесняли участников пикника своим присутствием. Считалось, что дети в безопасности под крыльшком нескольких молодых девиц лет восемнадцати и нескольких молодых джентльменов лет двадцати трех или около того. Старый паровой паром был нанят по этому случаю, и вскоре веселая толпа, нагруженная корзинами со съестным, наполнила главную улицу. Сид был болен и не мог участвовать в прогулке, Мэри осталась ухаживать за ним. Последние слова мистрис Татчер, обращенные к Бекки, были:

– Не возвращайся слишком поздно. Лучше останься ночевать у какой-нибудь подруги, которая живет близ пристани.

– Я останусь у Сюси Гарпер, мама.

– Хорошо. Смотри же, веди себя прилично, не шали.

Как только тронулись в путь, Том сказал Бекки:

– Послушай, я тебе что-то скажу. – Чем идти к Гарперам, заберемся на холм к вдове Дуглас. У ней есть мороженое! Почти каждый день бывает – целые горы. И она будет ужасно рада.

– О, это будет чудесно!

Однако Бекки призадумалась и сказала:

– А что мама скажет?

– Да как она узнает?

Девочка снова подумала и сказала неохотно:

– Я думаю, это нехорошо, хотя...

– Хотя – пустяки! Мама не узнает, значит, о чем же беспокоиться? Она только того и хочет, чтобы тебе было весело, и наверно бы согласилась, если бы ей пришлось это в голову. Наверное!

Роскошное гостеприимство вдовы Дуглас было большим соблазном. Оно и убеждения Тома решили вопрос. Решено было никому не говорить об этом проекте.

Внезапно Тому пришло в голову, что Гек может явиться в эту самую ночь и подать сигнал. Эта мысль порядком охладила его одушевление. Но все-таки он не хотел отказаться от посещения вдовы Дуглас. Да и зачем отказываться, рассуждал он, если сигнала не было прошлой ночью, то почему бы ему быть в эту ночь? Верное удовольствие, ожидавшееся вечером, перевесило неверную надежду на сокровище; и, как и подобает мальчику, он решил последовать сильнейшему влечению и не думать больше о сундучке с деньгами в этот день.

Спустившись на три мили по течению, паром причалил у лесистой долины. Толпа высыпала на берег, и вскоре лес и береговые обрывы огласились криками и смехом. Все способы довести себя до изнеможения и пота были пущены в ход, и мало-помалу легкомысленная публика стала собираться на стоянку, с соответственными аппетитами, и началось истребление вкусных яств. За пиршеством последовали отдых и болтовня в тени развесистых дубов. Вдруг кто-то крикнул:

– Кто согласен идти в пещеру?

Все были согласны. Запаслись пачками свечей, и все стали карабкаться на холм. Устье пещеры находилось высоко на склоне холма, вход имел форму буквы «А». Массивная дубовая дверь была открыта настежь. За ней находилась небольшая пещера, холодная как ледник, отделанная самой природой в крепкий известняк, сочившийся холодной росой. Было романтично и таинственно стоять здесь в глубокой мгле и смотреть на зеленую долину, озаренную солнцем. Но внушительность этого впечатления вскоре ослабела, и снова началась возня. Как только кто-нибудь зажигал свечку, все кидались на него; начиналась борьба и защита. Наконец кому-нибудь удавалось вырвать или задуть свечу, и следовал взрыв веселого смеха и гвалта и новая борьба. Но всему бывает конец. Все общество двинулось по ступенькам главной галереи, и мерцающее пламя свечей тускло осветило высокие стены пещеры, поднимавшиеся футов на шестьдесят. Эта галерея имела в ширину не более восьми или десяти футов. От нее то и дело отходили в обе стороны другие узкие и высокие расселины, так как пещера Мак-Дугаля представляла из себя лабиринт извилистых ходов, пересекавших друг друга и никуда не выходивших. Говорили, что человек мог бы бродить дни и ночи по извилистой сети трещин и расселин и так и не выбраться из пещеры, мог бы спускаться все ниже и ниже в глубь земли и находить все то же, лабиринт под лабиринтом, без конца. Не было человека, который знал бы эту пещеру. Это было невозможно. Большинство молодых людей знали только часть ее и обыкновенно не заходили дальше знакомой части. Том Сойер знал ее не больше, чем другие.

Все сборище прошло по главной галерее приблизительно три четверти мили, затем отдельные группы и парочки начали ускользать в боковые ходы, бегать по мрачным коридорам и внезапно настигать товарищей там, где ходы перекрещивались. Тут можно было прятаться друг от друга в течение получаса, не выходя из «известной» части пещеры.

Постепенно группа за группой стали возвращаться к устью пещеры, усталые, веселые, перепачканные с ног до головы свечным салом и глиной и в полном удовольствии от весело проведенного дня. Все были изумлены, когда оказалось, что никто не заметил, как прошло время, и ночь была уже на носу. Паромный колокол звонил к отъезду в течение получаса. Впрочем, такой конец дневных приключений был романтичен и потому доставил всем удовольствие. Когда паром отчалил со своим буйным грузом, никто не пожалел шести пенсов за просроченное время.

Гек стоял на страже, когда огни парома проскользнули мимо пристани. Он не слышал шума, потому что молодежь сидела тихо и смиренно, как обыкновенно сидят люди, утомленные до смерти. Он подивился, что это за судно и почему не остановилось у пристани, а потом бросил о нем думать, занявшись своим делом. Ночь наступала облачная и темная. Пробыло десять, затих шум экипажей, рассеянные огоньки начали гаснуть, гуляющие исчезли, деревня стала погружаться в сон, оставив маленького часового наедине с безмолвием и духами. Пробыло одиннадцать; свет погас и в харчевне; теперь всюду царил тьма. Гек ждал, как ему казалось, нестерпимо долго, но ничего не случилось. Его твердость начала ослабевать. Будет ли какой-нибудь прок? Не бросить ли все да не уйти ли?

Ему послышался шум. Он моментально превратился весь во внимание. Дверь, выходившая в тупик, тихонько отворилась. Он отскочил за угол кирпичного склада. В следующее мгновение двое людей прошли мимо него; один из них, как ему показалось, что-то тащил под мышкой. Наверное, сундучок. Значит, они уносят сокровище. Стоит ли теперь звать Тома? Это

нелепо – они уйдут с сундучком, и поминай их как звали. Нет, надо идти за ними; в темноте они не заметят его. Рассуждая так сам с собою, Гек крался за ними, как кошка, неслышно ступая босыми ногами и давая им идти впереди него на таком расстоянии, чтобы только не потерять их из виду.

Те шли сначала вдоль реки, потом повернули влево и продолжали идти, пока не выбрались на тропинку, которая вела на Кардигский холм; по ней они и направились. Миновали дом старого Валлийца, стоявший на середине холма, не задерживаясь подле него, и продолжали взбираться. «Ладно, думал Гек, хотят зарыть сокровище в старой каменоломне». Но они не остановились у каменоломни. Они прошли мимо на вершину, вступили на узенькую дорожку между высокими кустами сумаха и разом скрылись в темноте. Гек решил подобраться к ним поближе, так как увидеть его они не могли. Он пробежал немного, потом замедлил шаги, опасаясь, что слишком уж торопится; наконец остановился, прислушался. Ни звука; он слышал, как ему казалось, только биение собственного сердца. Из-за холма раздалось гуканье филина – зловещий звук! Но шагов не слышно. Господи, неужели все пропало! Он хотел уже пуститься бегом, как вдруг кто-то откашлялся в четырех шагах от него. Сердце у Гека чуть не выскочило, но он проглотил его обратно; он трясся всем телом, точно его схватила дюжина лихорадок разом, и чувствовал такую слабость, что боялся упасть. Он знал, где находится. Он знал, что стоит в пяти шагах от входа в усадьбу вдовы Дуглас.

– Отлично, – думал он, – пусть они здесь зароят; нетрудно будет найти.

Послышался тихий – очень тихий – голос индейца Джо.

– Черт бы ее побрал, должно быть, у нее гости.

– Я ничего не вижу.

Это был голос незнакомца из заколдованного дома. Смертельный ужас сковал Гека. Так вот кому собираются «мстить»! Он хотел было бежать. Потом вспомнил, что вдова Дуглас не раз была добра к нему, а эти люди, пожалуй, намерены убить ее. Ему хотелось предостеречь ее, но он сознавал, что на это у него не хватит смелости; они могли заметить и поймать его. Все это пронеслось в его голове в одно мгновение, которое прошло между замечанием незнакомца и ответом индейца Джо:

– Не видишь, потому что тебе куст мешает. Встань сюда – теперь видишь?

– Да. Ну, значит гости есть. Лучше бросить это дело.

– Бросить, когда я ухожу навсегда из этих краев! Бросить, а потом, быть может, никогда и случая не представится. Говорю тебе, как раньше говорил, мне не нужно ее добро – бери его себе. Но ее муж был груб со мною много раз, а главное, он был мировым судьей и сажал меня в тюрьму за бродяжничество. Да это еще не все. Это миллионная доля. Он выпорол меня! – выпорол перед тюрьмой, как негра! – и вся деревня смотрела на это! Выпорол! Понимаешь ты? Надругался надо мной и умер. Но я вымещу на ней.

– О, не убивай ее! Не делай этого.

– Убивать? Кто говорит об убийстве? Его бы я убил, если бы он был здесь, но не ее. Когда хочешь отомстить женщине, не следует убивать ее, – это глупости! Надо только приукрасить ее наружность. Вырезать ноздри, надрезать уши, как свиньям делают.

– Ей-богу, это...

– Оставь свое мнение при себе! Это будет самое благоразумное с твоей стороны. Я привяжу ее к кровати. Если она изойдет кровью, не моя вина. Я не заплачу от этого. Ты, любезный друг, поможешь мне по-дружески, для того ты здесь и находишься, – мне одному не справиться. А если вздумаешь отвиливать, я тебя убью! Понимаешь! А если убью тебя, то и ее убью – тогда никому не будет известно, кто сделал это дело.

– Ну, если уж приходится сделать это, так примемся за дело. Чем скорее, тем лучше, – меня дрожь пробирает.

– Сейчас приняться? А гости? Смотри – я буду следить за тобой, и если что – понимаешь? Подождем, пока потушат огонь, над нами не каплет.

Гек понимал, что за этим последует молчание, еще более ужасное, чем какие угодно разговоры об убийстве; он затаил дыхание и начал потихоньку пятиться; осторожно и твердо переставил ногу, сначала покачавшись на одной ноге и чуть не упав, выбирая место. С таким же трудом и риском он сделал второй шаг, потом еще и еще, и вдруг сучок хрустнул у него под ногой. Он замер и прислушался. Ни звука – тишина была мертвая. Радость его не знала границ. Он повернулся на тропинке между кустами сумаха – повернулся так бережно, точно был кораблем – и прибавил шагу, хотя все еще соблюдая осторожность. Добравшись до каменоломни, он почувствовал себя в безопасности и тут уж помчался вихрем. Он мчался вниз, пока не добежал до Валлийца. Тут он принялся стучать в дверь, и вскоре головы старика и двух его дюжих сыновей высунулись из окон.

– Что за шум? Кто там ломится? Что надо?

– Впустите меня – скорее! Мне нужно сказать вам.

– Кто вы такой?

– Гекльберри Финн! Скорее, впустите меня!

– Гекльберри Финн, вот как? Имя, кажись, не такое, перед которым всегда отворяются двери! Ну, впустите его, ребята, посмотрим, что там за беда.

– Пожалуйста, никому не говорите, что это я вам сказал! – с этими словами Гек вошел в комнату. – Пожалуйста, не говорите, а то меня наверно убьют. Но вдова бывала добра ко мне, и я расскажу вам – расскажу, если вы обещаете никому не говорить, что это я сказал.

– Клянусь Георгом, он хочет рассказать что-то важное, иначе не поступал бы так! – воскликнул старик. – Ну, выкладывай, парень, никто из нас не расскажет.

Три минуты спустя старик и его сыновья, хорошо вооруженные, поднимались на холм и вступили на тропинку между кустами сумаха на цыпочках, держа оружие в руках. Гек не пошел за ними дальше. Он спрятался за огромным камнем и слушал. Последовало томительное, тоскливое ожидание. И вдруг раздались выстрелы и крик. Гек не стал дожидаться. Он вскочил и припустил вниз с холма, как только ноги несли.

Глава XXX

Отчет Валлийца. – Гек под огнем. – Новые вести и слухи. – Надежды и отчаяние.

Заря воскресного утра чуть занималась, когда Гек взобрался на холм и тихонько постучался в дверь старого Валлийца. Обитатели еще спали, но это был сон, как говорится, вполглаза, вследствие ночного волнения. Из окна послышался оклик.

– Кто там?

Робкий голос Гека ответил тихонько:

– Пожалуйста, впустите! Это только Гек Финн!

– Перед этим именем эта дверь готова отвориться и днем и ночью, паренек! Добро пожаловать!

Странные были эти слова для слуха мальчика, и самые приятные, какие он когда-либо слышал. Он не помнил, чтобы заключительное приветствие когда-либо раньше произносилось в его адрес.

Дверь быстро отворилась и впустила его. Геку предложили сесть, а старик и его рослые сыновья живо оделись.

– Ну, голубчик, ты, я думаю, порядком голоден. Завтрак поспеет, как только солнце взойдет, – горячий завтрак, будь покоен. Я с ребятами ждал тебя вчера ночевать.

– Я до смерти перепугался, – сказал Гек, – и убежал. Убежал, когда вы начали стрелять, и мили три отмахал. А теперь пришел узнать, что там случилось; я так рано пришел потому, что боялся наткнуться на тех чертей, хотя бы и убитых.

– Да, бедняга, оно и по лицу видно, что ты беспокойную ночь провел – ну, да вон постель; отдохнешь, когда позавтракаешь. Нет, паренек, они не убиты, к сожалению. Видишь, мы знали, где их изловить, по твоему рассказу, подкрались на цыпочках шагов на пятнадцать – темно было между кустами, как в погребке. Только вдруг захотелось мне чихнуть. Надо же случиться такой подлости! Удерживался как мог, да ничего не поделаешь – не выдержал и чихнул. Шел я впереди, с пистолетом наготове, и когда чихнул, мошенники задали стрелкача; я крикнул: «Пали, ребята!» – и сам выстрелил в ту сторону, где слышались шаги. Ребята тоже выстрелили. Но те давай Бог ноги, мошенники, а мы за ними по лесу. Я думаю, мы их и не ранили. Они отстреливались, но пули просвистели мимо, никого не задев. Когда их стало не слышно, мы прекратили погоню, вернулись домой, и я разбудил констеблей. Они собрали милицию, отрядили караул на берег, а как только рассветет, шериф устроит облаву в лесу. Мои ребята тоже пойдут. Ты бы нам описал этих мошенников – это здорово поможет. Правда, ты ведь не мог их разглядеть в темноте?

– О, нет, я разглядел еще в деревне и следил за ними.

– Отлично! Опиши же их, милый, опиши!

– Один из них глухонемой Испанец, что был здесь раза два, а другой оборванец, смотрит волком.

– Довольно, паренек, мы знаем этих людей. Я на днях встретил их в лесу за домом вдовы; они удрали, завидев меня. Ступайте, ребята, к шерифу, расскажите ему, а позавтракаете уже после.

Сыновья тотчас отправились. Когда они выходили из комнаты, Гек вскочил и крикнул:

– Только, пожалуйста, не говорите никому, что это я вас надоумил! Пожалуйста!

– Хорошо, если ты так хочешь, Гек; но тебя только похвалят за такой поступок.

– Ох, нет, нет! Прошу вас, не говорите.

Когда молодцы ушли, старик сказал:

– Они никому не скажут, и я не скажу. Но почему ты не хочешь, чтобы об этом узнали?

Гек, не пускаясь в долгие объяснения, сказал, что ему уже многое известно об одном из этих людей и ни за что на свете не хочется, чтобы тот узнал, что ему что-нибудь известно, а то он непременно убьет его.

Старик еще раз обещал хранить тайну и прибавил:

– Почему же тебе вздумалось следить за этими молодцами, парень? Разве у них был вид подозрительный?

Гек молчал, придумывая осторожный ответ, потом сказал:

– Видите ли, я ведь пропащий малый, по крайней мере, все это говорят, да и мне самому сдается; и долго иной раз не сплю, думаю об этом и гадаю, как бы выбраться на хорошую дорогу. Так и в эту ночь было. Я не мог заснуть и бродил по улицам, думая об этом; забрел к старому кирпичному складу, что за «Таверной Трезвости», и присел у стены, чтобы еще подумать хорошенько. Вот вижу, идут мимо меня эти два молодца и что-то тащат под мышкой, наверное, думаю, краденое. Один курил, а другому тоже захотелось; вот они остановился прямо против меня, сигары вспыхнули и осветили их лица, и я увидел, что тот, который больше, глухонемой Испанец; я узнал его по седым бакенбардам и пластырю над глазом; другой же был угрюмый черт в лохмотьях.

– Неужели ты и лохмотья рассмотрел при свете сигары?

Гек на минуту смутился. Потом сказал:

– Не знаю, кажется, да.

– Потом они двинулись дальше, а ты?..

– Пошел за ними – да. Так и было. Я хотел посмотреть, что они затеяли, – они так крались. Я шел за ними до самого дома вдовы, тут остановился и услышал, как оборванец просил за вдову, а Испанец клялся, что испортит ей лицо, как я рассказывал вам и вашим...

– Как?.. Глухонемой говорил все это?

Гек всячески старался, чтобы у старика не могло явиться и тени подозрения насчет того, кто этот Испанец, но язык, видно, решился втянуть его в беду, несмотря на все усилия. Он попробовал вывернуться, но старик не спускал с него глаз, и он только завирался все больше и больше. Наконец Валлиец сказал:

– Паренек, не бойся меня, я ни за что на свете не трону волоска на твоей голове. Нет, я заступлюсь за тебя, – заступлюсь за тебя. Этот Испанец не глухонемой; ты проговорился нечаянно; теперь уж ничего не поделаешь. Ты что-нибудь знаешь об этом Испанце, чего не хочешь говорить. Доверься мне и расскажи, что знаешь, и положишься на меня – я тебя не выдам!

Гек с минуту смотрел в честные глаза старика, потом нагнулся к его уху и шепнул:

– Это не Испанец, это индеец Джо!

Старик чуть со стула не свалился. Спустя минуту он сказал:

– Теперь все ясно. Когда ты толковал о надрезанных ушах и вырезанных ноздрях, я думал, признаться, что это твои прикрасы, потому что белые люди так не мстят. Но индеец! Это совсем другое дело.

За завтраком разговор продолжался, и старик рассказал между прочим, что, прежде чем ложиться спать, он взял фонарь и осмотрел вместе с сыновьями двор и местность по соседству, нет ли где следов крови. Но крови не заметили, а нашли большую связку...

– Чего?

Если бы слова были молниями, они не могли бы вылететь с большей быстротой и внезапностью из побелевших губ Гека. Глаза его расширились, и, затаив дыхание, он ждал ответа. Старик тоже остолбенел и смотрел на него, вытаращив глаза – три секунды – пять секунд – десять секунд – затем ответил:

– Разных воровских инструментов... Но что это с тобой?

Гек почти упал на свое место, глубоко вздыхая и чувствуя бесконечную признательность. Валлиец посмотрел на него серьезно, с любопытством, потом сказал:

– Да, воровских инструментов. Тебя это, кажется, очень обрадовало. Но что ж ты так встревожился? Что ж бы мы могли найти, по-твоему?

Гек опять попал впросак; пыливый взгляд был устремлен на него, и он дорого бы дал за подходящий ответ. Но ничего не приходило в голову, а пыливый взгляд буравил его все глубже и глубже. Ему подвернулся бессмысленный ответ, разбирать было некогда, и он ляпнул наудачу, слабым голосом:

– Может быть, учебники воскресной школы?

Бедный Гек был чересчур расстроен, чтобы улыбнуться, но старик так и затрясся от веселого и громкого хохота и сказал в заключение, что такой смех чистые деньги, потому что действует лучше всякого лекарства. Затем он прибавил:

– Бедняга, ты совсем бледный и измученный, никуда не годишься. Не мудрено, что ты маленько с толку сбился и завираешься. Ну, да это пройдет. Ложись-ка да отдохни, и встанешь, как встрепанный.

Геку досадно было думать, что он так опростоволоосился и проявил такое подозрительное волнение, так как он оставил мысль о том, что вещи, захваченные мошенниками из таверны, были сокровищем, когда подслушал их разговор перед домом вдовы. Но все-таки он думал, что это не сокровище, а наверное не знал; так что сообщение о найденной связке захватило его врасплох и лишило самообладания. Вообще же он был доволен этим маленьким эпизодом, так как теперь уже наверное знал, что эта пачка была не та, и душа его вполне и совершенно успокоилась. По-видимому, значит, все шло хорошо. Сокровище до сих пор остается в номере втором; людей этих поймают и засадят сегодня же, а ночью они с Томом заберут золото без всякой помехи.

Едва успели позавтракать, как раздался стук в дверь. Гек поспешил спрятаться, так как не хотел, чтобы могли заподозрить хоть отдаленную связь его с этим происшествием. Валлиец впустил нескольких дам и джентльменов, в том числе вдову Дуглас, и заметил, что толпы граждан взбирались на холм посмотреть место происшествия. Стало быть, весть уже распространилась.

Валлиец должен был рассказать ночную историю своим посетителям. Вдова стала выражать свою благодарность за спасение.

– Ни слова об этом, сударыня. Есть другое лицо, которому вы больше обязаны, чем мне и моим сыновьям, но оно не разрешило мне назвать его имя. Не будь его, и нас бы там не было.

Разумеется, это вызвало любопытство, заставило почти забыть о самом происшествии, но Валлиец предоставил ему грызть присутствующих, а затем и весь поселок, наотрез отказавшись выдать тайну. Когда все было узвано, вдова Дуглас сказала:

– Я читала в постели и заснула над книгой так крепко, что ничего не слышала. Почему вы не вошли и не разбудили меня?

– Мы решили, что в этом нет надобности. Нельзя было ожидать, что эти молодцы вернутся, да и инструментов у них не осталось, – какой же был смысл будить вас и пугать до смерти. Мои три негра сторожили ваш дом до утра. Потом вернулись домой.

Заходили новые посетители, так что историю пришлось рассказывать и пересказывать в течение двух часов.

Во время вакаций не было занятий в воскресной школе, но в церковь все сошлись рано в это воскресенье. Толковали о сенсационном событии. По слухам, еще не удалось напасть на след мошенников.

По окончании проповеди супруга судьи Татчера протискалась к мистрис Гарпер, двигавшейся с толпой по проходу, и спросила:

– Неужто моя Бекки до сих пор не проснулась? Я, впрочем, так и думала, что она устанет.

– Ваша Бекки?

– Да (с недоумевающим взглядом). Ведь она у вас ночевала сегодня?

– И не думала.

Мистрис Татчер побледнела и опустилась на скамью как раз в ту минуту, когда тетка Полли, весело болтая с какой-то приятельницей, подошла к ней. Тетка Полли сказала:

– Доброго утра, мистрис Татчер. Доброго утра, мистрис Гарпер. Запропастился куда-то мой мальчишка. Должно быть, Том ночевал у которой-нибудь из вас и побоялся прийти в церковь. Задам я ему.

Мистрис Татчер слабо покачала головой и побледнела еще сильнее.

– Он не заходил к нам, – сказала мистрис Гарпер, тоже начиная беспокоиться. Тетка Полли заметно встревожилась.

– Джо Гарпер, видел ты Тома сегодня утром?

– Нет.

– Когда ты видел его в последний раз?

Джо попытался вспомнить, но не мог ответить с уверенностью. Выходившие из церкви стали останавливаться. Пробежал шепот, тайная тревога сообщилась всем. Принялись расспрашивать детей и молодых учителей. Оказалось, что никто не заметил, были ли Том и Бекки на пароме, когда возвращались домой; было уже темно; никому и в голову не пришло, что они могут отсутствовать. Наконец какой-то молодой человек брякнул, что они, как видно, остались в пещере. Мистрис Татчер упала в обморок; тетка Полли залилась слезами и стала ломать руки.

Тревога передавалась из уст в уста, из группы в группу, из улицы в улицу, и через несколько минут колокол бешено звонил и деревня оказалась вся на ногах. Происшествие на Кардигском холме отошло на задний план, разбойники были забыты; седлались лошади, снаряжались лодки, паром готовился к отплытию, и не прошло получаса с обнаружения страшной вести, как двести человек спешили к пещере сухим путем и водою.

Весь день поселок казался пустым и вымершим. Женщины навещали мистрис Татчер и тетку Полли и пытались утешить их. Они плакали вместе с ними, и это было лучше всяких слов.

Всю томительную ночь напролет в деревне ждали известий, но когда наконец забрезжило утро, пришло только требование: «Пришлите еще свечей и съестного». Мистрис Татчер почти помешалась, тетка Полли тоже. Судья Татчер присылал из пещеры обнадеживающие вести, но они не внушали бодрости.

Старик Валлиец вернулся утром, закапанный салом, перепачканный глиной и почти выбившись из сил. Он нашел Гека все еще в постели и в горячечном бреде. Врачи были в пещере, и за больным ухаживала вдова Дуглас. Она говорила, что сделает для него все, что может, потому что хорош ли он, плох или так себе, он во всяком случае Божье создание, а никаким Божьим созданием не следует пренебрегать. Валлиец сказал, что в Геке есть кое-что хорошее, а вдова ответила:

– Не сомневайтесь в этом. Это печать Божия. Он никогда не снимает ее. Никогда. Налагает ее на каждое создание, выходящее из Его рук.

Задолго до полудня группы усталых людей начали возвращаться в деревню, но более крепкие из жителей продолжали поиски. Узнано было только, что пещеру обыскали далеко за пределами известной части, что осмотрели каждый уголок, каждую трещину, что если бы кто-нибудь блуждал в этой части пещеры, он не мог бы не заметить огней, мелькавших по переходам, не мог бы не услышать криков и пистолетных выстрелов, отголоски которых далеко разносились по угрюмым галереям.

В одном месте, далеко от района, обыкновенно посещаемого туристами, были найдены написанные свечной копотью на стене имена «Бекки» и «Том», тут же валялась засаленная ленточка. Мистрис Татчер узнала ленточку и рыдала над ней. Она говорила, что это последнее, что ей осталось на земле от ее ребенка, и что эта ленточка для нее дороже всего остального, потому что она дольше всего была при девочке, пока та еще оставалась в живых. Рассказывали, что иногда ищущие замечали вдали свет, и тогда радостный крик оглашал своды, люди со всех

сторон спешили на шум. Но всякий раз наступало горькое разочарование: детей не оказывалось, это была свеча кого-нибудь из ищущих.

Тоскливо сменились три ужасных дня и ночи, и безнадежное уныние овладело деревней. Все как-то потеряли интерес к чему бы то ни было. Даже случайное открытие тайного склада водки у хозяина «Таверны Трезвости» почти не тронуло публику, при всей поразительности этого факта. В один из светлых промежутков Гек уловил какой-то разговор о таверне и наконец спросил, смутно опасаясь чего-то скверного, не было ли что-нибудь найдено в «Таверне Трезвости» за время его болезни.

– Да, – сказала вдова.

Гек приподнялся на постели и дико уставился на вдову.

– Что?.. Что найдено?

– Водка! Таверну закрыли за это. Ляг, дитя, как ты меня напугал!

– Скажите мне только одно, только одно, пожалуйста! Это Том Сойер нашел?

– Полно, полно, дитя, полно! Я же сказала, что тебе не следует говорить. Ты очень, очень болен!

Значит, ничего, кроме водки, не нашли; кабы нашли золото, так тут бы гвалт поднялся. А сокровище-то пропало – пропало навсегда. Только чего же она плачет? Странно, что она плачет.

Эти мысли смутно проносились в голове Гека и так утомили его, что он заснул. Вдова же думала:

– Ну вот, заснул, бедняжка. Том Сойер нашел! Ах, если бы кто-нибудь нашел Тома Сойера. Да уж мало у кого осталось надежды да и силы, чтобы продолжать поиски.

Глава XXXI

Экспедиция для исследования пещеры. – Неприятное начало. – Заблудились в пещере. – В потемках. – Последние надежды.

Вернемся к участию Тома и Бекки в пикнике. Они бродили вместе с остальными по мрачным коридорам, посещали знакомые достопримечательности пещеры, окрещенные чересчур пышными названиями, вроде «Салон», «Собор», «Дворец Аладдина» и так далее. Началась беготня и игра в прятки, и Бекки с Томом принимали в ней ревностное участие, пока забава не надоела; затем они спустились вниз по извилистому коридору, поднимая свечи повыше и читая беспорядочно напачканные (свечным нагаром) имена, даты, адреса и изречения, которыми были украшены стены. Продолжая идти и разговаривать, они незаметно забрались в такую часть пещеры, где надписей на стенах не было. Они написали свои имена под нависшей скалой и пошли дальше. Вскоре пришли к такому месту, где струйка воды, падая на плиту и оставляя известковый осадок, образовала кружевную узорчатую Ниагару из блестящего и неразрушенного камня. Том просунул туда свое маленькое тело, чтоб осветить ее для удовольствия Бекки. Оказалось, что она заслоняла род естественной лестницы, спускавшейся между двумя тесными стенами, и у него разом пробудилась жажда открытий. Бекки откликнулась на его призыв, они сделали значок свечным нагаром, чтоб не запутаться, и отправились на поиски. Они спускались по извилистому коридору глубоко в таинственные недра пещеры, сделали еще значок и свернули в боковую галерею в поисках чего-нибудь нового, о чем бы можно было рассказать наверху. В одном месте они нашли обширную пещеру, со сводов которой свешивалось множество блестящих сталактитов, длиной и толщиной в человеческую ногу; они обошли ее, удивляясь и восторгаясь, и вступили в один из многочисленных переходов, примыкавших к ней. Он скоро привел их к волшебному источнику, бассейн которого был окружен узором из сверкающих кристаллов; он находился посреди пещеры, своды которой поддерживались фантастическими колоннами, образовавшимися вследствие соединения огромных сталактитов со сталагмитами – результат непрерывного просачивания вод в течение ряда веков. Под сводами висели массы летучих мышей, сбившихся тысячами в огромные клубки; свет разбудил этих тварей, и они заметались с визгом, бешено кидаясь на свечи. Том знал их привычки и опасность, которую они представляли. Он схватил Бекки за руку и втолкнул ее в первый попавшийся проход, и вовремя, так как летучая мышь погасила ее свечку своим крылом. Мыши преследовали детей некоторое время, но беглецы сворачивали в каждый новый проход, и таким образом скоро отделались от опасной погони. Вскоре Том нашел подземное озеро, которое простирало тусклые воды куда-то далеко, теряясь во мгле. Он хотел исследовать его берега, но решил сначала посидеть и отдохнуть. Только теперь глубокая тишина подземелья наложила свою липкую руку на детские души. Бекки сказала:

– Я не заметила, но, кажется, мы давно уже не слышим остальных.

– Как же, Бекки, мы ведь глубоко под ними и далеко – не знаю, к северу, или к югу, или к востоку, или в какую-нибудь другую сторону. Мы не можем их слышать здесь.

Бекки стало жутко.

– Мы, должно быть, уже долго здесь, Том. Я думаю, что лучше нам вернуться.

– Да, пожалуй, лучше. Кажется, лучше.

– А ты найдешь дорогу, Том? Я совсем запуталась.

– Я думаю, что найду, но там летучие мыши. Если они потушат обе свечи, то будет ужасная штука. Лучше поищем другую дорогу, чтобы не встретиться с ними.

– Хорошо, но я надеюсь, что мы не заблудимся. Это было бы так ужасно!

Девочка содрогнулась при мысли о возможности такого исхода.

Они пошли по какому-то коридору и долго шли молча, осматривая каждый новый проход, не встретится ли что-нибудь знакомое; но все было новое. Всякий раз, как Том делал осмотр, Бекки заглядывала ему в лицо в надежде заметить что-нибудь ободряющее, а он говорил притворно веселым тоном:

– О, все идет хорошо. Это не тот, но мы найдем, который нужно.

Но с каждой неудачей его уверенность слабела, и, наконец, он стал наугад сворачивать в каждый проход в отчаянной надежде, что попадет таким способом на верную дорогу. Он по-прежнему уверял, что «все идет хорошо», но такой свинцовый страх давил ему сердце, что эти слова звучали совсем иначе, как будто он говорил: «Все пропало!» Бекки прижималась к нему в мучительном страхе и всеми силами удерживала слезы, которые просились на глаза. Наконец она сказала:

– О, Том, не будем бояться летучих мышей; пойдем назад! Мне кажется, мы все больше и больше сбиваемся.

Том остановился.

– Слушай! – сказал он.

Глубокое молчание; такое глубокое, что даже их дыхание было явственно слышно. Том крикнул. Крик повторился в пустых переходах бесчисленными отголосками и замер вдали, в слабых звуках, похожих на насмешливый хохот.

– О, не кричи больше, Том, это слишком страшно, – сказала Бекки.

– Страшно, но лучше кричать, Бекки; они могут услышать нас. – И он крикнул снова.

Это «могут» было еще страшнее зловещего хохота; оно означало сознание в утрате надежды. Дети стояли и прислушивались, но ответа не было. Том повернул назад и пошел скорее. Вскоре нерешительность в его движениях открыла Бекки новый ужасный факт: он не мог найти обратной дороги.

– О, Том, ты не ставил никаких знаков!

– Бекки, я был так глуп, так глуп! Я и не подумал, что мы, может быть, вернемся назад! Нет, я не могу найти дороги! Все перепуталось.

– Том, Том, мы пропали! Мы пропали! Мы никогда, никогда не выйдем из этого ужасного места! О, зачем мы ушли от остальных?

Она бросилась на землю и разразилась такими отчаянными рыданиями, что Том ужаснулся при мысли, что она может умереть или сойти с ума. Он сел возле нее, обвинил ее руками; она прижалась лицом к его груди, цеплялась за него, изливала свой страх, свои бесплодные сожаления, а дальнейшее эхо превращало все это в насмешливый хохот. Том умолял ее не падать духом, а она отвечала, что больше не может. Тогда он начал ругать, обвинять себя в том, что довел ее до такого отчаянного положения; это подействовало лучше. Она сказала, что постарается не падать духом, пойдет за ним всюду, куда он поведет, только пусть он больше не говорит так. Он не больше виноват, чем она сама.

Они двинулись опять, бесцельно, наудачу. Им оставалось только двигаться, идти. Вскоре надежда снова как будто несколько ожила – не потому, что для этого имелись какие-либо основания, а просто потому, что ей свойственно оживать, если источник ее еще не иссяк под влиянием возраста и знакомства с неудачами.

Немного погодя Том взял у Бекки свечку и задул ее. Эта экономия имела большое значение. Слов не требовалось. Бекки поняла, и надежда ее снова угасла. Она знала, что у Тома есть в запасе свеча и три или четыре огарка – и все-таки он должен был беречь этот запас. Мало-помалу усталость начинала предъявлять свои права; дети пытались не обращать на нее внимания, так как ужасно было думать, что они будут сидеть, когда время так дорого; двигаться в каком-нибудь направлении, в каком бы то ни было направлении значило, по крайней мере, чего-то добиваться и могло принести результат, но сидеть на месте значило призывать смерть и ускорять ей путь.

Наконец слабые ножки Бекки отказались нести ее дальше. Она опустилась на землю. Том сел рядом с ней, и они стали толковать о доме, о друзьях, о домашних постелях, а главное, о дневном свете! Бекки плакала, и Том придумывал, чем бы утешить ее, но все его утешения были явно несостоятельны и звучали точно насмешка. Усталость до того одолела Бекки, что она задремала. Том был рад этому. Он сидел, глядя на ее осунувшееся личико, и видел, как оно прояснялось и возвращалось к естественному выражению под влиянием приятных сновидений; постепенно на лице заиграла улыбка и уже не сходила с него. Это кроткое личико навевало целительный мир и на его душу; мысли его унеслись к прошлым временам и полузабытым воспоминаниям. Пока он предавался этим думам, Бекки проснулась с веселым смешком, но он замер на ее устах, и за ним последовал стон.

– О, как могла я уснуть! Лучше бы мне никогда, никогда не просыпаться! Нет, нет, не буду, Том! Не смотри так! Я никогда больше не скажу этого.

– Я рад, что ты заснула, Бекки; теперь ты отдохнула, и мы наверное найдем дорогу.

– Мы попытаемся, Том... Но какую чудесную страну я видела во сне. Я думаю, мы попадем в нее.

– Может быть, да; может быть, нет. Смелее, Бекки, и попытаем счастья.

Они встали и пошли бродить, рука об руку и не питая больше надежды. Они пытались сообразить, сколько времени уже находятся в подземелье, но им казалось, что прошли уже дни и недели, а между тем этого не могло быть, так как свечи у них еще не вышли.

Много времени спустя – сколько именно, они не знали, – Том сказал, что им нужно идти тихонько и прислушиваться, не журчит ли где вода, – им нужно найти источник. Они нашли его наконец, и Том сказал, что им пора отдохнуть. Оба жестоко устали, но Бекки сказала, что она, кажется, может пройти еще немного. К ее удивлению, Том не согласился. Она не могла понять, что это значит. Они сели, и Том прилепил свечу к стене напротив с помощью глины. Они задумались и в течение некоторого времени ничего не говорили. Наконец Бекки нарушила молчание:

– Том, мне так есть хочется!

Том достал что-то из кармана.

– Помнишь, что это такое?

Бекки почти улыбнулась.

– Это наш свадебный пирог, Том.

– Да, желал бы я, чтоб он был с бочку величиной, так как это все, что у нас есть.

– Я сберегла его от пикника, чтобы положить нам под подушку, Том, как делают большие со свадебными пирогами, – но он будет...

Она не закончила фразы. Том разделил пирог, и Бекки с большим аппетитом съела свою половину, меж тем как Том Сойер потихоньку грыз свою. У них было вдоволь холодной воды, чтобы запить угощение. Потом Бекки намекнула, что пора бы им и двигаться. Том помолчал с минуту и сказал:

– Бекки, можешь ты вынести то, что я скажу?

Бекки побледнела, но сказала, что, кажется, может.

– Так слушай, Бекки, мы должны оставаться здесь, где есть вода для питья. У нас остался только этот огарочек!

Бекки залилась слезами, разразилась сетованиями. Том старался утешить ее, но без особого успеха. Наконец Бекки сказала:

– Том!

– Что, Бекки?

– Верно, они хватятся нас и станут искать!

– Конечно, хватятся! Наверное, хватятся!

– Может быть, они ищут нас, Том?

- Да, очень может быть. Я надеюсь, что да.
- А когда они хватятся нас, Том?
- Я думаю, когда вернутся на паром.
- Том, тогда будет темно. Заметят ли они, что нас нет?
- Не знаю. Но как бы то ни было, твоя мать хватится тебя, когда она вернется домой.

Испуганный взгляд Бекки заставил Тома спохватиться, и он увидел, что дал маху. Бекки не ждут домой на ночь. Дети умолкли и задумались. Минуту спустя новый взрыв жалоб со стороны Бекки показал Тому, что и до ее сознания дошла мысль, мелькнувшая у него: может быть, половина утра в воскресенье пройдет раньше, чем мистрис Татчер узнает, что Бекки не ночевала у мистрис Гарпер. Дети не сводя глаз следили за огарком, видели, как он медленно и безжалостно таял, как осталась одна светильня в полдюйма вышиной, как пламя вспыхнуло и замерло, скользнуло вверх вдоль маленькой струйки дыма, затрепетало на ее верхушке, и – воцарилась ужасающая, непроглядная тьма.

Через сколько времени у Бекки явилось сознание, что она плачет на руках Тома, ни один из них не мог бы сказать. Они знали только, что после долгого, как им казалось, промежутка времени оба очнулись от тупого забытья и снова пришли к сознанию своего ужасного положения. Том сказал, что теперь, быть может, воскресенье, а, пожалуй, понедельник. Он пытался развлечь Бекки разговором, но ее отчаяние было слишком велико, она утратила всякую надежду. Том сказал, что их, наверное, давно уже хватились и, без сомнения, ищут. Он покричит, и, может быть, кто-нибудь услышит. Попробовал, но отдаленное эхо так страшно звучало в темноте, что он умолк.

Часы проходили за часами, и голод стал мучить заблудившихся. Часть Томовой половины пирога оставалась у них, они разделили ее и съели. Но от этого голод как будто только усилился. Жалкий кусочек только раздражил его.

Вдруг Том сказал:

– Ш-гя! Слышишь?

Оба затаили дыхание и прислушались. Донесся звук, подобный чуть слышному отдаленному крику. Том немедленно ответил на него и, схватив Бекки за руку, стал ощупью пробираться по коридору в том направлении. Они снова прислушались; звук повторился, и как будто несколько ближе.

– Это они! – сказал Том, – они близко! Идем, Бекки, теперь мы спасены.

Радость почти лишала их силы. Пробираться приходилось медленно, так как провалы попадались довольно часто и надо было остерегаться. Вскоре они оказались на краю такого провала, пришлось остановиться. Он мог быть в три фута глубиной, мог быть и в сотню, – прохода не было, во всяком случае. Том лег на краю, свесился, попробовал достать дно – и не достал. Им пришлось остаться здесь и ждать, пока к ним придут. Они прислушались; звуки явно удалялись. Еще минута-две, и они стихли совсем. Смертельный ужас охватил их. Том кричал, пока не охрип, но тщетно. Он старался обнадежить Бекки, но прошел целый век тоскливого ожидания, а звуков не было слышно.

Дети вернулись ощупью к источнику. Потянулось томительное время; они снова уснули и проснулись голодные и подавленные отчаянием. Том думал, что уже вторник.

У него появилась мысль. Тут были боковые проходы. Не лучше ли исследовать их, чем выносить гнет томительного времени в праздности? Он достал из кармана бечевку от змея, привязал ее к выступу, и они отправились с Бекки; Том впереди, развешивая веревочку по мере того, как они пробирались дальше. Шагов через двадцать коридор заканчивался колодецем. Том стал на колени, чтобы ощупать дно и стену за углом, насколько мог достать; попытался продвинуться немного дальше вправо, и в эту минуту, в каких-нибудь двадцати ярдах от него, из-за скалы показалась человеческая рука со свечой! Том испустил радостный крик, и в то же мгновение за рукой появилось тело, принадлежавшее... индейцу Джо! Том оцепенел; он

не мог шевельнуться. У него отлегло от сердца, когда в следующее мгновение Испанец кинулся прочь и исчез. Том был удивлен, что Джо не узнал его по голосу и не убил за показания в суде. Должно быть, эхо изменило его голос. Наверное так, рассуждал он. Но испуг совершенно обессилил его. Он решил, что если у него хватит силы вернуться к ручью, то он останется там и не будет ничего предпринимать, чтобы не встретиться с индейцем Джо. Бекки он не сказал об этом приключении. Сказал только, что закричал «наудачу».

Но с течением времени голод и отчаяние пересилили его страх. После нового томительного ожидания и продолжительного сна настроение его переменилось. Дети проснулись, терзаемые волчьим голодом. Том думал, что теперь уже среда или четверг, а может быть, и пятница или суббота, и поиски прекращены. Он предложил исследовать другой проход. Он готов был встретиться с индейцем Джо и какими угодно ужасами. Но Бекки была слишком слаба. Она впала в неодолимую апатию и не хотела вставать. Сказала, что будет лежать здесь, пока не умрет, и что этого уже недолго ждать. Просила Тома отправиться с бечевкой без нее, если он хочет, но умоляла возвращаться к ней время от времени и взяла с него слово, что, когда наступит последняя минута, он будет подле нее, будет держать ее руки, пока она не умрет. Том поцеловал ее, подавив рыдание, и выразил уверенность в том, что ему удастся встретить ищущих или найти выход из подземелья; затем взял бечеву и пополз по проходу, изнемогая от голода и уверенности в неизбежной гибели.

Глава XXXII

Том рассказывает историю спасения. – Враг Тома в безопасном убежище.

Вторник наступил и прошел, начинало уже темнеть. В деревне С.-Питерсбурге все еще царило уныние. Пропавшие дети не были найдены. За них возносились общественные молитвы и много частных, в которые молящиеся вкладывали всю душу, но из пещеры не приходило добрых вестей. Большинство искавших отказались от дальнейших поисков, говоря, что дети, очевидно, никогда не найдутся. Мистрис Татчер слегла и большую часть времени находилась в бреду. Говорили, что сердце разрывается, когда она зовет своего ребенка, поднимает голову, прислушивается с минуту, а потом со стоном опускается на подушку. Тетка Полли впала в тупое уныние, и ее седые волосы стали совсем белыми. Деревня отходила ко сну во вторник вечером в грустном и безнадежном настроении.

В середине ночи раздался оглушительный трезвон колоколов, и в одно мгновение улицы наполнились полуодетыми людьми, вопившими неистово: «Выходите! Выходите! Нашлись! Нашлись!» Медные кастрюли и рожки присоединились к звону, население толпою двинулось к реке, навстречу детям, сидевшим в телеге, которую с радостными криками везли несколько обывателей. Толпа окружила их, повернула обратно, и торжественное шествие направилось по главной улице при неумолчном «ура».

По всей деревне зажглись огни; никто уже не ложился спать. Это была величайшая из всех ночей, когда-либо пережитых местечком. В течение первого получаса все жители прошли через дом судьи Татчера, поднимали на руки детей и целовали их, пожимали руку мистрис Татчер, пытались сказать ей что-нибудь и затопляли комнату слезами.

Счастье тетки Полли было полным, мистрис Татчер – почти, но стало полным, когда гонец, отправленный в пещеру, сообщил великую весть ее мужу.

Том лежал на диване, окруженный толпою жадных слушателей, и рассказывал историю удивительного приключения, украшая ее местами кое-какими поразительными подробностями; в заключение он сообщил, как, оставив Бекки, он пополз на разведку, прополз два коридора, свернул в третий и хотел уже вернуться, так как не хватило бечевки, но вдруг заметил, что вдали как будто мелькнул дневной свет. Он бросил веревку, пополз на свет, просунул голову и плечи в узкое отверстие и увидел перед собой широкую Миссисипи. А случись это ночью, он не заметил бы свет и не стал бы исследовать этот проход до конца! Он рассказал, как вернулся к Бекки и сообщил ей радостную новость, но она отвечала, чтобы он не обманывал ее глупостями, потому что она устала и знает, что умрет, и хочет умереть. Рассказал, как трудно ему было убедить ее и как она чуть не умерла от радости, добравшись до того места, откуда виден был клочок голубого неба; как он вылез из подземелья и помог вылезти ей; как они сидели там и плакали от счастья; как увидели людей, плывших в лодке, и Том окликнул их и рассказал, в каком они положении и что они умирают от голода; как те сначала не хотели верить нелепому рассказу, «потому что, – говорили они, – вы в пяти милях вниз по течению от той долины, где находится пещера»; а затем взяли их в лодку, отвезли к себе, накормили, дали отдохнуть два или три часа и уже ночью привезли в деревню.

Еще до рассвета судья Татчер и горсть искателей, оставшихся с ним в пещере, получили радостную весть от посланцев, отыскавших их по бечевкам, которые они разматывали за собою.

Три дня и три ночи тоски и голода не прошли бесследно, в чем скоро убедились Том и Бекки. Они оставались в постели всю среду и четверг, и их утомление и слабость, казалось, росли все это время. Том, впрочем, немного оправился в четверг, в пятницу вышел на улицу, а в субботу был почти совсем здоров; но Бекки вышла из своей комнаты только в воскресенье, да и тогда еще выглядела так, как будто перенесла тяжелую болезнь.

Том узнал о болезни Гека и пошел проведать его в пятницу; но его не пустили к больному ни в этот день, ни в субботу, ни в воскресенье. После этого его пускали ежедневно, но с тем, чтобы он не рассказывал о своем приключении и вообще не касался волнующих тем. Вдова Дуглас присутствовала при этих посещениях, чтоб остановить его в случае надобности. Дома он узнал о происшествии на Кардигском холме и о том, что тело оборванца было найдено в реке у парома; вероятно, он утонул во время бегства.

Недели две спустя после приключения в пещере Том пошел навестить Гека, который оправился уже настолько, что мог выслушать его рассказ и еще кое-что интересное, что Том хотел сообщить ему. Дом судьи Татчера был по дороге, и Том зашел повидаться с Бекки. Судья и несколько приятелей, бывших у него в гостях, заговорили с Томом, и один из них спросил иронично, не собирается ли он опять побывать в пещере? Том ответил, что да, непременно побывает.

Судья сказал:

– Найдутся и другие охотники, Том, в этом я нимало не сомневаюсь. Но мы приняли меры. Теперь никто уже не заблудится в пещере.

– Почему же?

– Потому что я распорядился обить железом ее массивную дверь еще две недели тому назад и запер ее тройным замком, а ключи взял к себе.

Том побелел как простыня.

– Что с тобой, мальчик? Эй, кто-нибудь! Дайте стакан воды.

Вода была принесена, Тому опрыскали лицо.

– А, пришел в себя. Что с тобой, Том?

– О, судья, индеец Джо в пещере!

Глава XXXIII

Судьба индейца Джо. – Новое путешествие в пещеру. – Защита от чертей. – Потайное место. – Гости у вдовы Дуглас.

Спустя несколько минут известие распространилось, и дюжина лодок, нагруженных людьми, плыла к Мак-Дугалевой пещере, а за ними вскоре последовал и паром, полный пассажирами. Том Сойер был на одной из лодок вместе с судьей Татчером. Когда дверь пещеры была отворена, печальное зрелище представилось глазам собравшихся в ее тусклом полумраке. Индеец Джо лежал на земле, мертвый, прильнув лицом к дверной щели, как будто жадный взор его до последней минуты стремился к свету и веселью внешнего мира. Том был тронут; он знал по собственному опыту, какие муки перенес несчастный. Ему было жаль погибшего, и тем не менее он чувствовал громадное облегчение и успокоение, показавшее ему, что он сам не сознавал до сих пор в полной мере, как велик был гнет страха, давивший его с того дня, когда он дал показание про этого кровожадного отверженца.

Нож индейца валялся тут же, с переломленным лезвием. Толстый нижний брус двери был весь изрублен и изрезан; упорная, но бесполезная работа, так как скала образовала порог перед ним, а против нее нож оказался бы бессильным; он мог только сломаться. Но если бы даже не было этого каменного препятствия, труд оказался бы бесплодным, так как удали индеец Джо совсем этот брус, он не мог бы пролезть под дверь; и он это знал. Он работал только для того, чтобы делать что-нибудь, чтобы убить томительное время, чтобы отвлечься от мучительных мыслей. Обыкновенно в щелях передней пещеры можно было найти с полдюжины сальных огарков, оставленных туристами; теперь не оказалось ни одного. Заключенный разыскал их и съел. Ему удалось также поймать несколько летучих мышей, и они также были съедены, остались только кости. Несчастный умер от голода. Неподалеку от входа возвышался сталагмит, выросший в течение веков благодаря каплям, падавшим с висевшего над ним сталактита. Узник обломил верхушку сталагмита и поместил на нем камень, выскоблив в нем небольшое углубление, чтоб собирать драгоценную влагу, падавшую по капле через каждые двадцать минут с утомительной регулярностью маятника – десертная ложка воды в сутки. Эта капля падала, когда пирамиды были еще новы; когда совершалось падение Трои; когда основывался Рим; когда распинали Христа; когда Завоеватель создавал Британскую Империю; когда отплывал Колумб; когда Ленсингтонское побоище было «новостью». Она падает и теперь и будет падать и тогда, когда все эти события погрузятся в полусвет истории, в сумерки предания и будут поглощены черною ночью забвения. Имеет ли каждая вещь свою цель и назначение? Не для того ли эта капля падала в течение пяти тысячелетий, чтоб удовлетворить потребности эфемерного человеческого насекомого, и есть ли у нее какая-нибудь другая важная цель, которая осуществится через следующие десять лет? Кто знает. Много-много лет прошло с тех пор, как злополучный метис выдолбил тот камень, чтобы собирать драгоценные капли, но до сих пор турист надолго останавливается перед этим печальным камнем и медленно падающими каплями, когда осматривает достопримечательности пещеры Мак-Дугаля. Ча ша индейца Джо стоит первая в списке чудес пещеры; даже Аладдинов Дворец не может соперничать с нею.

Индеец Джо был погребен близ входа в пещеру; на это погребение собрались в лодках и повозках жители местечка и всех ферм и деревушек на семь миль кругом; они привезли с собой детей и провизию и сознавались потом, что почти так же приятно провели время на его похоронах, как провели бы при его повешении.

На другое утро после погребения Том отвел Гека в укромное место, чтобы потолковать о важном пред мете. Гек знал уже о похождениях Тома от Валлийца и вдовы Дуглас, но Том сказал, что об одной вещи они ему, во всяком случае, не говорили; и об этом-то он и желал потолковать с ним. Лицо Гека омрачилось. Он сказал:

– Знаю, о чем. Ты был в номере втором и не нашел ничего, кроме виски. Никто не говорил мне, что это ты, но я знал, что это твоих рук дело, как только услышал про историю с виски; знал и то, что ты не нашел денег, потому что, если бы нашел, то уж сумел бы как-нибудь меня об этом уведомить, хотя бы не сказал никому другому. Том, мне все время почему-то думалось, что не видать нам этой казны, как своих ушей.

– Нет, Гек, я никогда никому не говорил о хозяине харчевни. Да ведь и ты сам знаешь, что в ней все было благополучно в субботу, когда я пошел на пикник. Ты же должен был сторожить ее ночью, разве не помнишь?

– О, да! Ну, мне все кажется, что с тех пор уже целый год прошел. В эту самую ночь я выследил индейца Джо до усадьбы вдовы.

– Да, – но ты ни гу-гу об этом. Небось, у индейца Джо остались приятели. Я не хочу, чтобы они злились на меня и устроили мне какую-нибудь пакость. Если бы не я, был бы он теперь благополучно в Техасе.

Затем Гек рассказал всю историю происшествия под секретом Тому, которому была известна только роль Валлийца.

– Так вот, – сказал Гек в заключение, возвращаясь к главному предмету, – кто захватил водку, тот, я думаю, и деньги цапнул, – во всяком случае, для нас они пропали.

– Гек, в номере втором не было денег!

– Что?.. – Гек уставился на товарища. – Том, неужели ты опять напал на след денег?

– Гек, они в пещере!

У Гека глаза загорелись.

– Повтори еще раз, Том!

– Деньги в пещере!

– Том, – как честный индеец, – шутишь ты или серьезно?

– Серьезно, Гек, так серьезно, как никогда в жизни. Хочешь ты пойти со мной и помочь мне добыть их?

– Как не хотеть! Хочу, только чтоб отмечать дорогу и не заблудиться.

– Гек, мы можем это проделать без малейшего затруднения.

– Чего лучше! Почему ты думаешь, что деньги?..

– Гек, ты должен потерпеть, пока мы будем на месте. Если не найдем денег, то мой барабан и все, что у меня найдется, – твои. Твои, честное слово!

– Ладно, идет. Когда же ты думаешь отправиться?

– Сейчас, если ты согласен. Силы у тебя довольно?

– А долго ли идти в пещере? Я, видишь, уже три или четыре дня на ногах, но вряд ли пройду больше мили, Том, по крайней мере, мне сдастся, что не пройду.

– Всякому, кроме меня, Гек, пришлось бы пройти миль пять по пещере, но есть совсем короткий путь, о котором один я знаю. Гек, я доставлю тебя туда в лодке. Туда по течению, а назад буду грести один. Тебе и пальцем пошевелить не придется.

– Так идем сейчас, Том.

– Ладно. Мы захватим с собой лишь хлеба и мяса, наши трубки, пару мешочков, две-три бечевки от змеев да этих новомодных штучек, что называют зажигательными спичками. Не раз я жалел, что у меня их не нашлось, когда я был там в последний раз.

Немного позднее полудня мальчишкам удалось стянуть небольшую лодку, хозяина которой не было дома, и они, не теряя времени, пустились в путь. Когда они были в нескольких милях от «Пещерной долины» вниз по течению, Том сказал:

– Вот смотри, весь этот обрыв от самой долины совершенно одинаков, ни домов, ни лесных складов, только кустарники. Но ты замечаешь белое пятно, вон там, над оползнем. Ну, это один из моих знаков. Теперь причалим.

Они вышли на берег.

– Теперь, Гек, с того места, где ты стоишь, ты мог бы достать до входа своей удочкой. А попробуй-ка найти его.

Гек обшарил все место, но ничего не нашел. Том с гордостью развернул густой куст сумаха и сказал:

– Вот оно. Погляди, Гек; это самый скрытый ход в нашей местности. Все время я хотел сделаться разбойником, но я знал, что для разбойников нужен притон вроде этого, который трудно было бы отыскать. Теперь он есть у нас, и мы никому о нем не скажем, кроме Джо Гарпера и Бена Роджерса, так как нужно же подобрать шайку, иначе никакого шику не будет. Шайка Тома Сойера – ведь звонко выходит, правда, Гек?

– Да, очень, Том. А кого будем грабить?

– О, всякого, кто попадется. Прохожих и проезжих, как водится.

– И убивать их?

– Нет, не всегда. Держать в пещере, пока не заплатят выкуп.

– Какой выкуп?

– Деньги. Ты требуешь с них столько денег, сколько они могут собрать через своих друзей, и держишь их в плену год; если через год деньги не доставлены, их убивают. Это уж так принято. Только нельзя убивать женщин. Их можно брать в плен, но не убивать. Они всегда красавицы и богачки и пугаются до полусмерти. Ты отбираешь у них часы и драгоценные вещи, но всегда сняв шляпу и с вежливым разговором. Разбойники – самый вежливый народ в мире, это ты найдешь в любой книге. Ну-с, и эти женщины влюбляются в тебя, и когда пробудут в пещере неделю там или две, то перестанут плакать, и тут уж их и не выживешь. Выгонишь их, а они назад возвращаются. Во всех книгах сказано.

– А ведь это славно, Том. Право, эта вещь лучше, чем быть пиратом.

– Да, оно во многом лучше, – остаешься ближе к дому, к цирку и ко всему остальному.

Тем временем все приготовления были кончены, и мальчики вошли в отверстие, Том впереди. Они добрались до конца прохода, укрепили здесь бечевки от змеев и двинулись дальше. Вскоре они были у ручья, и Том невольно содрогнулся. Он указал Геку остаток свечи, прилепленной глиною к стене, и рассказал, как они с Бекки следили за угасавшим огоньком.

Мальчики начали говорить шепотом, так как окружающая тишина и мрак угнетали их. Они пошли дальше и, наконец, вступили во второй коридор, исследованный Томом, и добрались до колодца. Зажгли свечи и выяснили, что тут вовсе не было пропасти, а только крутой глинистый обрыв в двадцать или тридцать футов высотой. Том прошептал:

– Теперь я покажу тебе что-то, Гек.

Он поднял свечу вверх и сказал:

– Загляни за угол так далеко, как только можешь. Видишь, что там? Вон, – на большом утесе, вверху, – нарисовано свечным нагаром.

– Том, это *крест*.

– А где должен быть номер второй? *Под крестом...* А вон там я видел индейца Джо со свечкой, Гек!

Гек некоторое время смотрел на таинственный знак, потом сказал дрожащим голосом:

– Уйдем отсюда, Том!

– Как, и бросим сокровище?

– Да, бросим. Дух индейца Джо бродит вокруг, наверное.

– Не может этого быть, Гек, не может этого быть! Он бродит около того места, где Джо умер, у самого входа в пещеру, отсюда пять миль.

– Нет, Том, это не так. Он должен бродить вокруг денег. Я знаю, какие у духов обычаи, да и ты знаешь.

Том начинал опасаться, что Гек прав. Ему становилось не по себе. Но вдруг у него мелькнула мысль.

– Послушай, Гек, какие же мы с тобой дураки. Да разве может дух индейца Джо бродить там, где есть крест?

Замечание было меткое. Оно произвело впечатление.

– Том, я и не подумал об этом. Но это верно. Счастье наше, что тут крест. Ну, что ж, спустимся вниз и поищем сундучок.

Том двинулся впереди, вырезая ступеньки в глине. Гек следовал за ним. Четыре прохода примыкали к маленькой пещере, из которой выдавался утес. Мальчики осмотрели три из них без всякого результата. В одном, ближайшем к основанию скалы, они нашли небольшую впадину, в которой было разостлано одеяло; тут же валялись старая подтяжка, кусок кожи от окорока и начисто обглоданные кости двух или трех птиц. Но сундучка с деньгами не было. Мальчики искали и шарили всюду, – напрасно. Том сказал:

– Он говорил: под крестом. Это значит, всего ближе к тому месту, которое приходится под крестом. Под утесом не может быть, он уходит в грунт.

Еще раз обшарили всюду и уселись обескураженные. Геку ничего не приходило в голову. Вдруг Том сказал:

– Послушай, Гек; тут следы ног и капли сала на глине у стены в одном месте, а в других незаметно. Что бы это значило? Я уверен, что деньги под утесом. Попробую рыть.

– А ведь недурно сообразил! – сказал Гек, оживившись.

«Настоящий барлоуский» ножик Тома немедленно был пущен в ход, и на глубине каких-нибудь четырех дюймов стукнул о дерево.

– Слышишь, Гек?

Гек тоже принялся копать и рыть. Вскоре мальчики отрыли и сняли несколько досок. За ними оказалась расселина, уходившая под скалу. Том спустился в нее и продвинул свечку так далеко, как только мог, но сказал, что не видит конца трещины. Он решил исследовать ее и двинулся вниз. Узкий ход спускался отлого. Он шел по его извилинам, сначала вправо, потом влево; Гек следовал за ним. Том сделал крутой поворот и воскликнул:

– Батюшки мои, смотри, Гек!

Это был несомненно сундучок с кладом, стоявший в укромной маленькой пещере, где находились также пустой бочонок из-под пороха, пара ружей в кожаных чехлах, две или три пары старых мокасинов, кожаный пояс и разный другой хлам, промокший от просачивавшейся воды.

– Добыли наконец! – сказал Гек, пересыпая рукой потускневшие монеты. – Да ведь мы теперь богачи, Том!

– Гек, я всегда был уверен, что мы добудем его. Глазам не верится, а все-таки мы добыли его! Ну, не будем же копаться здесь, потащим его вон. Дай-ка я попробую, снесу ли.

Сундучок весил фунтов пятьдесят. Том приподнял его с большим усилием, но нести не мог.

– Я так и думал, – сказал он, – тот раз они тащили его с трудом из заколдованного дома, я это заметил. Хорошо, что мы запаслись мешочками.

Монеты были пересыпаны в мешки, и мальчики вытащили их к подножию скалы с крестом.

– Теперь заберем ружья и вещи.

– Нет, Гек, оставим их там. Нам они будут кстати, когда начнем разбойничать. Мы там их и будем держать, и там же будем устраивать наши оргии. Это чертовски подходящее место для оргий.

– Что такое оргии?

– Не знаю. Но разбойники всегда устраивают оргии, и, конечно, мы их тоже заведем. Идем, Гек, мы здесь давно околачиваемся. Уже поздно, я думаю. Да и есть хочется. Мы поедем и покурим в лодке.

Они выглянули из куста сумаха, заботливо осмотрелись, убедились, что на берегу никого нет, и вскоре закусывали и курили в лодке. Когда солнце склонилось к горизонту, они пустились в обратный путь. Том усердно греб против течения, весело болтая с Геком, и когда они пристали к берегу, ночь только что наступила.

– Вот что, Гек, – сказал Том, – мы спрячем деньги на чердаке в дровяном сарае вдовы, а завтра утром я приду, мы пересчитаем и разделим деньги, а потом поищем в лесу местечко, где их можно спрятать. Посиди здесь и постереги добро, пока я сбегаю и стащу тележку у Бенни Тэйлора. Я мигом вернусь.

Он исчез и вскоре вернулся с тележкой, положил в нее оба мешка, прикрыл их кое-каким тряпьем и тронулся в путь, таща с собою свой груз. У дома Валлийца мальчики присели отдохнуть. Когда они хотели двинуться дальше, старик вышел из дома и крикнул:

– Эй, кто тут?

– Гек и Том Сойер.

– Отлично! Идемте со мною, ребята, вас там заждались. Ну, живее, марш вперед; я потащу вашу тележку. Ого, да она не так легка, как с виду кажется. Что там, кирпичи или старое железо?

– Старое железо, – сказал Том.

– Я так и думал, ваша братия, ребяташки, потратит Бог знает сколько труда и хлопот, чтоб набрать на шесть битов старого железа для продажи в кузницу, когда могли бы выручить вдвое больше денег правильной работой. Но такова человеческая природа. Живо, живо!

Мальчики осведомились, куда он так торопится.

– Узнаете, когда будем у вдовы Дуглас.

Гек сказал не без опасения, так как привык к ложным обвинениям:

– Мистер Джонс, мы ничего худого не делали.

Валлиец засмеялся.

– Не знаю, голубчик. Ничего не знаю. Да разве вы не друзья со вдовой Дуглас?

– Да. Она всегда добра ко мне.

– Ну, так чего ж ты боишься?

Прежде чем тяжеловесный мозг Гека успел разобраться в этом вопросе, он и Том были втолкнуты в гостиную вдовы Дуглас. Мистер Джонс, оставив тележку за дверями, вошел вслед за ними.

Гостиная была ярко освещена, и в ней оказались все видные лица деревни. Тут были Татчеры, Роджерсы, Гарперы, тетка Полли, Сид, Мэри, пастор, издатель местной газеты и много других, все расфранченные. Вдова приняла мальчиков так приветливо, как только можно было принять существа, явившиеся в таком виде. Они были с ног до головы перепачканы глиной и свечным салом. Тетка Полли со стыда сгорела от такого конфуза, нахмурилась и покачала головой. Но больше всех были сконфужены сами мальчики. Мистер Джонс сказал:

– Тома я не застал и махнул было на него рукой, но он попался мне с Геком у моего крыльца, и я притащил их сюда, не откладывая.

– И прекрасно сделали, – ответила вдова. – Идите за мной, дети.

Она отвела их в спальню и сказала:

– Умойтесь и оденьтесь. Вот две пары платья – рубашка, носки и все остальное. Они обе для Гека. Нет, не нужно благодарности, Гек. Одну купил мистер Джонс, другую – я. Но они подойдут вам обоим. Одевайтесь. Мы вас подождем, идите вниз, когда будете готовы.

Затем она ушла.

Глава XXXIV

Происхождение тайны. – Неудача сюрприза Джонса.

Гек сказал:

– Том, мы можем удрать, лишь бы найти веревку. Окно довольно высоко над землей.

– Вздор! С какой стати нам удирать?

– Да я не привык к таким сборищам. Я не выдержу. Я не пойду к ним, Том.

– О, пустяки! Это ничего не значит. Я ни крошечки не стесняюсь. Я помогу тебе.

Появился Сид.

– Том, – сказал он, – тетка ждала тебя после обеда. Мэри приготовила тебе воскресную пару, и все тебя искали. Это у тебя глина и сало на платье?

– Ну, мистер Сидди, занимайтесь лучше своими делами. Что тут за бал происходит?

– Да обыкновенная вечеринка, какие вдова всегда устраивает. На этот раз для Валлийца и его сыновей, за то, что они выручили ее из беды тот раз, ночью. А знаешь, я могу вам что-то рассказать, если хотите знать.

– Ну, что такое?

– Ну, старый мистер Джонс думает удивить собрание сегодня, но я подслушал, как он рассказывал об этом тете под секретом, – и теперь, я думаю, это уже не секрет. Все знают, – и вдова, хотя она старается делать вид, что ей ничего не известно. О, мистер Джонс непременно хотел отыскать Гека, потому что без Гека и секрета нельзя рассказать!

– Да какой секрет, Сид?

– Насчет того, что Гек выследил разбойников, которые хотели забраться к вдове. Ручаюсь, что мистер Джонс рассчитывает всех удивить, – только, увидите, в лужу сядет.

Сид хихикнул, видимо, очень довольный собой.

– Сид, это ты разболтал?

– О, кто разболтал, это не важно. Кто-то разболтал, этого довольно.

– Сид, во всем поселке только ты способен на такую подлость. Будь ты на месте Гека, ты бы не удрал с холма и никому бы не сказал о разбойниках. Ты не способен сделать ничего, кроме гадости, и не выносишь, когда кого-нибудь хвалят за хорошее дело. Нет, не нужно благодарности, как говорит вдова...

И, ухватив Сида за уши, Том выпроводил его из комнаты пинками.

– Ступай и пожалуйся тетке, если смеешь, а завтра я с тобой разделаюсь.

Спустя несколько минут гости вдовы сидели за ужином, а дюжина ребят за маленькими столиками рядом, по тогдашнему обычаю. В надлежащее время мистер Джонс произнес краткую речь, в которой благодарил вдову за честь, оказанную ему и его сыновьям, но, – прибавил он, – есть другое лицо, скромность которого...

И так далее, и так далее. Он открыл тайну участия Гека в происшествии с разбойниками с самым драматическим пафосом, на какой только был способен, но изумление, вызванное его сообщением, было в значительной степени поддельным и далеко не таким шумным и экспансивным, каким могло бы быть при более благоприятных обстоятельствах. Как бы то ни было, вдова довольно искусно притворилась изумленной и осыпала Гека такими похвалами и изъявлениями благодарности, что он забыл о почти невыносимой пытке, причиняемой новым платьем, из-за совершенно невыносимой – служить мишенью общего внимания и общих похвал.

Вдова сообщила, что она решила приютить Гека под своей кровлей и дать ему воспитание, а когда отложит достаточную сумму денег, – помочь ему начать какое-нибудь скромное дело. Наступила очередь Тома. Он заявил:

– Гек не нуждается в этом! Гек богат!

Только строгое чувство благопристойности не позволило обществу встретить эту забавную шутку взрывом одобрительного смеха. Однако в наступившем молчании чувствовалось что-то неловкое. Том нарушил его.

– Гек добыл денег. Вы, может быть, не верите, но он добыл кучу денег. Нечего усмехаться, я могу вам показать. Подождите минутку.

Том выбежал из комнаты. Присутствующие с недоумением переглянулись, взглянули на Гека, но тот словно в рот воды набрал.

– Сид, что такое затеял Том? – спросила тетка Полли. – Он... да нет, никогда не знаешь, что выкинет этот мальчишка. Никогда.

Том вошел, стигаясь под тяжестью мешков, прежде чем тетка Полли успела окончить фразу. Он высыпал на стол груду золотых монет и сказал:

– Вот, – что я вам говорил? Половина – Гека, половина – моя!

Это зрелище ошеломило всех. В течение минуты все смотрели молча, никто не мог слова вымолвить. Затем единодушно потребовали объяснения. Том заявил, что готов дать его. Рассказ был долог, но полон интереса. Его очарование почти ни разу не нарушалось чьим-либо замечанием. Когда Том закончил, мистер Джонс сказал:

– Я думал удивить общество, но мой сюрприз ничего не значит. В сравнении с этим он никуда не годится, сам сознаюсь.

Пересчитали деньги. Оказалось немногим более двенадцати тысяч долларов. Такой суммы сразу никто из присутствующих еще не видывал, хотя многие из них обладали значительно большим состоянием.

Глава XXXV

Новый порядок вещей. – Бедняга Гек. – Проекты новых приключений. – Заключение.

Читатель может быть уверен, что удача Тома и Гека вызвала сенсацию в бедном маленьком местечке С.-Питерсбург. Такая громадная сумма, вся наличными, казалась чем-то невероятным. Об этом толковали, трезвонили, восторгались, пока рассудок многих обывателей не повредился от такого сильного возбуждения. Все «заколдованные» дома в С.-Питерсбурге и окрестных деревнях были разобраны по бревнышку, их основания разрыты в поисках кладов, и не мальчиками, – взрослыми. Где бы ни показались Том и Гек, за ними ухаживали, ими восхищались, на них глазели. Они что-то не могли припомнить, чтобы их замечания имели раньше какой-нибудь вес; теперь же их слова повторялись, как бесценные изречения; все, что они делали, оказывалось достопримечательным; очевидно, они утратили способность говорить или делать что-нибудь ординарное; мало того, их прошлое было разобрано, и в нем обнаружены несомненные признаки оригинальности. Местная газета напечатала биографические очерки мальчиков.

Вдова Дуглас поместила деньги Гека в шестипроцентные бумаги, а судья Татчер сделал то же самое с деньгами Тома по просьбе тетки Полли. У каждого мальчика оказывался доход поистине колоссальный – доллар в сутки по будням и полдоллара по воскресеньям. Такой доход получал только пастор, – то есть на такой доход он рассчитывал, а собрать его обыкновенно не мог. В те старые простые времена за доллар с четвертью в неделю соглашались поить, кормить и обучать мальчика, а впридачу, пожалуй, и одевать его.

Судья Татчер возымел очень высокое мнение о Томе. Он говорил, что обыкновенный мальчик не сумел бы вывести его дочь из подземелья. Когда Бекки рассказала отцу, под строгим секретом, как Том выдержал за нее розги в школе, судья был, видимо, тронут; когда же она просила его не сердиться на Тома за то, что он солгал с целью отвлечь порку с ее спины на свою собственную, судья с воодушевлением заявил, что это благородная, великодушная, возвышенная ложь, – ложь, которая может высоко держать свою голову и достойна быть увековеченной в истории наряду с «Правдой о топоре» Джорджа Вашингтона! Бекки казалось, что никогда еще ее отец не выглядел таким высоким и величественным, как в ту минуту, когда, шагая по комнате, он топнул ногой и произнес эти слова. Она немедленно побежала к Тому и все рассказала ему.

Судья Татчер надеялся, что Том будет великим юристом или великим полководцем. Он сказал, что похлопочет, чтобы Тома приняли в Национальную Военную Академию, по окончании которой он может поступить в лучшую юридическую школу в стране и таким образом подготовиться к обеим карьерам.

Богатство Гека Финна и покровительство вдовы Дуглас открыли ему доступ в общество, – нет, правильнее будет сказать, втащили, впахнули его в общество, – и страдания его положительно стали ему невтерпеж. Прислуга вдовы заботилась о его чистоте и опрятности, причесывала его и чистила, укладывала спать на простыни самой отталкивающей чистоты, без единого пятнышка, которое он мог бы прижать к сердцу, как нечто родное. Ему приходилось есть ножом и вилкой, употреблять салфетку, чашку, тарелку; зубрить уроки; ходить в церковь; говорить так прилично, что слова вязли у него в зубах; куда бы он ни повернулся, оковы и путы цивилизации связывали его по рукам и ногам...

Он мужественно выносил эти бедствия в течение трех недель, но в один прекрасный день исчез. Двое суток вдова, крайне встревоженная, разыскивала его всюду. Население было глубоко взволнованно; искали везде, пытались выловить его тело из реки. На третий день, рано утром, Том Сойер благоразумно отправился к старым бочкам за заброшенной бойней и в одной из них нашел беглеца. Гек спал. Он только что позавтракал кое-какими краденными

корочками и объедками и комфортабельно растянулся рядом со своей трубкой. Он был не умыт, не причесан и одет в те самые лохмотья, которые придавали ему такую живописность в дни, когда он был свободен и счастлив. Том растолкал его, рассказал ему, какой он тревоги наделал, и потребовал, чтобы он шел домой. Лицо Гека разом утратило печать спокойного довольства и приняло меланхолическое выражение. Он сказал:

– Не говори этого, Том. Я пытался, но ничего не выходит; ничего не выходит, Том. Это не по мне; я для того не гожусь. Вдова добра ко мне и ласкова, но ее порядки мне невмочь. Она заставляет меня вставать каждое утро в одно и то же время; она заставляет меня умываться, и они чешут меня волосок к волоску; не позволяют мне спать в дровяном сарае; я должен носить это проклятое платье, которое душит меня, Том; его и ветер не продувает; и чисто оно так, что я в нем не смею ни сесть, ни лечь, ни валяться; я должен ходить в церковь и потеть там до седьмого пота; я ненавижу эти тягучие проповеди! Я не могу ни мух ловить, ни табак жевать, и должен носить башмаки каждое воскресенье. Вдова ест по звонку; спать ложится по звонку; встает по звонку, и все так правильно, что человеку выдержать невозможно.

– Все так делают, Гек.

– Том, это ничего не значит. Я не все, и я не могу выдержать этого. Это ужасно – быть так связанным. И о еде хлопотать не нужно, – у меня к ней и вкус пропал. Захочется идти рыбу ловить – спрашивайся; купаться – спрашивайся. Говорить приходится так красно, что тошно становится; я каждый день забирался на чердак, чтоб поругаться хоть малость и освежить рот, а то бы просто смерть, Том! Вдова не позволяет мне курить, не позволяет мне орать, не позволяет мне зевать, ни потягиваться, ни почесываться при других.

Он продолжал в порыве особенного раздражения и негодования:

– И, верь не верь, она постоянно молится! Никогда не видывал такой женщины! И меня заставляет, Том, и меня заставляет. А тут еще школа открывается, и мне придется ходить в нее; нет, я этого не выдержу, Том. Слушай, Том, быть богатым, выходит, вовсе не так сладко, как я думал. Одна скука, одна тягота, и все время желаешь себе смерти. Вот эта одежда мне нравится, и эта бочка мне нравится, и я шагу не сделаю отсюда. Да, Том, не гонись я за этими деньгами, не попал бы я в такую беду. Возьми ты себе мою часть, а мне давай иногда десять центов – не часто, потому что мне только то и ценно, что нелегко достается, – да сходи к вдове и отпроси ты меня у нее.

– О, Гек, ты знаешь, что я не могу этого сделать. Это нехорошо; и кроме того, если ты потерпишь еще немного, то и самому тебе эта жизнь полюбится.

– Полюбится? Да этак, пожалуй, и горячая плита полюбится, если посидишь на ней долго. Нет, Том, я не хочу быть богатым и жить в их проклятых чистеньких домах. Я люблю лес, и реку, и бочки, и хочу оставаться с ними. Ну их совсем! Есть у нас и ружья, и пещера, и все, что требуется для разбоя, и на-ка вот, струсилась эта чепуха, и все насмарку пошло.

Том воспользовался благоприятным обстоятельством.

– Слушай, Гек, богатство не помешает нам сделаться разбойниками.

– Ну? Да ты это взаправду, Том?

– Так же взаправду, как сижу здесь. Но, Гек, мы не можем принять тебя в шайку, если ты не научишься приличным манерам.

Радость Гека значительно остыла.

– Не можете принять? А как же в пираты приняли?

– Это разница. Разбойник считается гораздо выше пирата, – вообще говоря. В большинстве стран разбойники чертовски знатные дворяне – герцоги и прочие подобные.

– Но, Том, ты всегда был таким добрым ко мне. Ты же не прогонишь меня, а, Том? Ты не сделаешь этого, правда, не сделаешь, Том?

– Гек, я бы не хотел так поступить и не поступлю. Но что люди скажут? Вот что они скажут: «Тьфу! Шайка Тома Сойера! Да там всякий сброд!» Это о тебе скажут, Гек. Приятно ли тебе будет, да и мне, – как ты думаешь?

Некоторое время Гек сидел молча, в борьбе с самим собой. Наконец он сказал:

– Хорошо, я вернусь к вдове на месяц, попробую, посмотрю, смогу ли я привыкнуть, если ты меня примешь в шайку, Том.

– Ладно, Гек, идет! Пойдем же, старина, я попрошу вдову не очень налегать на тебя!

– Попросишь, Том, попросишь? Вот спасибо. Пусть хоть в главном-то не налегает. Я буду курить и ругаться, только когда останусь один, а при людях постараюсь проделывать все, что нужно. Когда же мы соберем шайку и станем разбойниками?

– О, теперь же. Созовем ребят и устроим посвящение сегодня ночью.

– Устроим что?

– Посвящение.

– Это что же такое?

– Это значит, что мы поклянемся стоять друг за друга и не выдавать секретов шайки, хотя бы нас изрубили на куски; а всякого, кто обидит кого-нибудь из шайки, убивать со всем его семейством.

– Да это весело!.. Это, знаешь, превесело будет, Том!

– Ну, еще бы. И все эти клятвы должны быть даны в полночь, в самом пустынном, страшном месте, какое только можно найти, – всего бы лучше в заколдованном доме, да их теперь все разорили.

– Да, непременно в полночь, Том.

– Обязательно. А клятву приносят на гробу и подписывают кровью.

– Вот это на что-нибудь похоже. Да это в миллион раз почище пиратства! Я засяду у вдовы, пока не сгнию, Том; и если из меня выйдет настоящий, заправский разбойник и все станут говорить это, то, я думаю, она будет гордиться тем, что вытащила меня из грязи.

Заключение

Здесь кончается эта хроника. Как история мальчика, она должна остановиться на этом; продолжаясь дальше, она стала бы историей мужчины. Кто пишет повесть о взрослых людях, тот знает точно, на чем она должна остановиться – на браке; но когда пишешь о подростках, то приходится остановиться там, где покажется лучше.

Большинство действующих лиц этой книги еще живы и пользуются благосостоянием и счастьем. Со временем, пожалуй, мне придет в голову вернуться к истории тех, что помоложе, и показать, что за люди из них вышли, поэтому теперь самое благоразумное ничего не сообщать об их дальнейшей жизни.